

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

陀思妥耶夫斯基

DOSZTOJEVSKIJ

ΝΤΟΣΤΟΓΙΕΦΣΚΙ

DOSTO

DOSTOJEVSKIS

DOSTOJEVSKI

DOSTOJEWSKI

دوستويفسكى

DOSTOJÉVSKI

ДОСТОЈЕВСКИ

도스토예프스키

ДОСТОЄВЬКІЙ

DOSTOJEVSKIJ

DOSTOJÉVSKI

ДОСТОЕВСКИЙ

ドストエフスキー

DOSTOEVSKY

ТЮШІІІ207

ДОСТОЕВСКАЙ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ

В ЭТОМ ГОДУ АССАМБЛЕЯ РУССКОГО МИРА НЕ СОСТОИТСЯ. Отмена произошла в последний момент. Виной всему – довольно жесткие карантинные ограничения в Москве, казавшиеся еще несколько недель назад невозможными.

Однако пандемия за последние полтора года уже не раз вносила коррективы в наши планы. До победы над заразой еще далеко. Поэтому любые будущие планы тоже будем пока строить с осторожностью. Так часто бывает в тяжелых войнах – а нынешнюю ситуацию в пору сравнить с бактериологической войной: кажется, что победа будет легкой и враг будет разбит малыми силами, однако вместо этого потери все множатся, а праздничные салюты готовить явно рано. Помнится, в самом начале пандемии казалось, что уже к лету 2020-го все рассосется. Во всяком случае, так нас уверяли солидные медицинские светила. Сегодня любое уважающее себя светило ограничится признанием того, что

мы далеко не все еще знаем про новую болезнь и не очень понимаем, как с ней будем жить дальше. Однако жить дальше мы – будем. И снова встретимся. Это неизбежно как восход солнца. Которое над Русским миром, собственно, никогда и не заходит. 🌞

ИНТЕРВЬЮ

06 Чудо
Достоевского

12 Красная черта
русской истории

20 «Мы служим
театру...»

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

28 Ищу человека

ИСТОРИЯ

34 Последнее
дело Петра
Великого

НАСЛЕДИЕ

42 «Если нет старины,
то ее можно
придумать»

48 Муж огнепальной
ревности

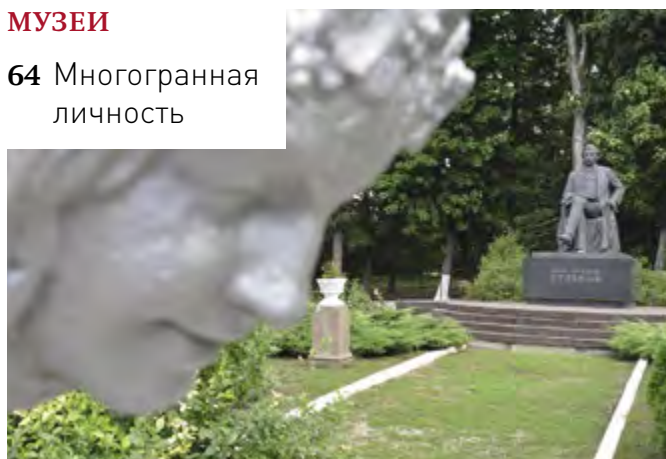

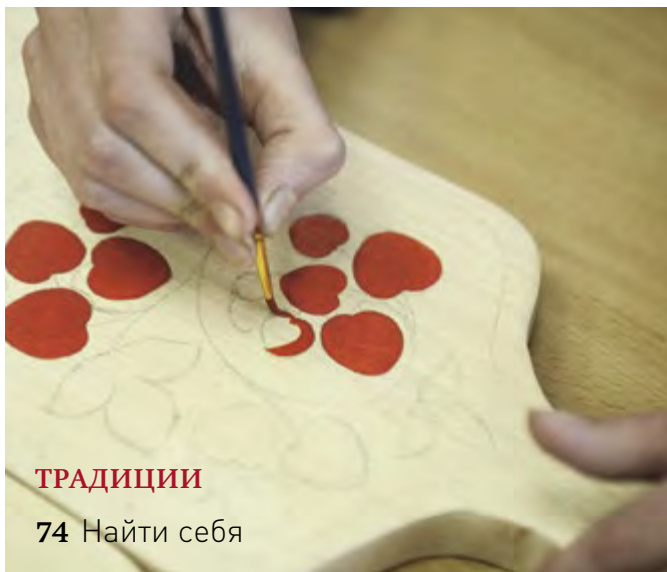
КУЛЬТУРА

54 Просветитель

МУЗЕИ

64 Многогранная
личность

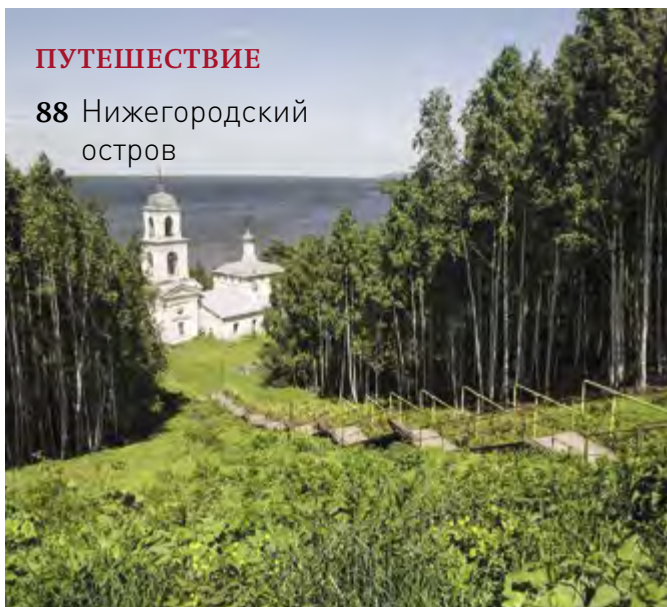
ТРАДИЦИИ

74 Найти себя

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

82 Ростовские корейцы

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Нижегородский остров

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Александр БУРЫЙ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЁВА
Андрей СЕМАШКО
Дмитрий УРУШЕВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.

Ректор федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

ИЛАРИОН

(АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ЧУДО ДОСТОЕВСКОГО

БЕСЕДОВАЛА

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД В РОССИИ РОДИЛСЯ ПРОРОК, КОТОРОГО ВСЕ СЧИТАЛИ ТОЛЬКО ПИСАТЕЛЕМ. ЛИШЬ НЕМНОГИЕ ИЗ ЕГО СОВРЕМЕННОК ПОНИМАЛИ ИСТИННЫЙ МАСШТАБ ЛИЧНОСТИ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ. О НАСЛЕДИИ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО ЖУРНАЛ «РУССКИЙ МИР.RU» БЕСЕДУЕТ С ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ «МОСКОВСКИЙ ДОМ ДОСТОЕВСКОГО» ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ В.И. ДАЛЯ ПАВЛОМ ФОКИНЫМ.

— П **АВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ, КТО ИЗ героев Достоевского у вас самый любимый?**

— Начнем с того, что мой самый любимый герой — сам Достоевский. Он удивителен как человек, как писатель, как создатель своего уникального мира. Он удивителен своей поразительной открытостью, отзывчивостью и любовью к окружающему миру.

А вот если говорить об отдельных образах из произведений Федора Михайловича, то какой тут должен быть критерий в выборе «любимый–нелюбимый»? Мы говорим о художественном образе или о характере человеческом?

— *Скорее, о художественном образе. Я, например, больше всего люблю князя Мышкина.*

— Тут я с вами солидарен. Мне тоже нравятся и князь Мышкин, и Алеша Карамазов. И герой «Подростка» Аркадий Долгорукий мне симпатичен. Несмотря на его нервность и раздрганность, видно, что этот человек идет к победе над хаосом и беспорядком, существующим внутри него и вокруг него. Да, мне симпатичнее герои вот такого светлого толка. Но и остальные главные персонажи произведений Достоевского привлекательны и вызывают удивление и восхищение.

— *Вы в своей книге «Достоевский. Перепрочтение» пишете, что мир после Достоевского стал восприниматься как мир Достоевского, а люди стали персонажами. С этим трудно не согласиться, но от этого становится как-то не по себе. Как вы думаете, сам Федор Михайлович понимал, что его книги меняют сознание и самосознание людей?*

— Я думаю, он рассчитывал на то, что люди, прочитавшие его книги, будут меняться в лучшую сторону. На самом деле не надо бояться того, что мир стал восприниматься именно как мир Достоевского. Ведь мир Достоевского настолько разнообразен, так богат характерами, лицами, героями,

что каждый находит в нем свое отражение. Это не мир полюсов — «плохие–хорошие». Это мир всех, вот в чем дело.

Читатели Достоевского в первую очередь реагируют на персонажей ярких, колоритных, они запоминаются — все эти Раскольниковы, Свидригайловы, Ставрогины и так далее. И в большинстве своем читатели не замечают многих других героев, не менее важных. Скажем, в «Преступлении и наказании» не всякий вспомнит мать Раскольникова, хотя она играет очень важную роль в сюжете. И уж тем более вряд ли читатели замечают служанку Настю, которая кормит Раскольникова, ухаживает за ним.

Но самое удивительное в другом: если вы входите в этот мир и читаете роман в третий или в четвертый раз, вы обнаруживаете в нем еще массу героев. Да, они появляются в романе ненадолго, но они не безлики. Практически каждый из них наделен своим именем, у него есть портрет, у него есть даже какая-то жизнь в романе. Например, вспомните сцену, когда Мармеладов попадает под лошадь. Раскольников слышит крики, спешит туда, по дороге проходит по переулку, и этот переулочек у Достоевского населен живыми людьми. Перечитайте этот фрагмент, и вы удивитесь: это готовый маленький рассказ. Но из сознания читателя он просто выпадает. Мы не обращаем внимания на этот эпизод. А Достоевский обращал внимание на всех, на весь мир, к каждому человеку и, соответственно, к каждому герою он относился как к полноценной личности. В этом его уникальность и особенность. И именно поэтому в его произведениях каждый может найти себя.

— *Могли бы вы поставить вровень с Достоевским кого-либо из писателей, творивших после него? Так, чтобы можно было сказать: да, это второй Достоевский.*

— Нет, я думаю, Достоевский один. И, наверное, не нужен второй Достоевский.

– Почему не нужен еще один Достоевский?

– Знаете, я очень люблю Валентина Григорьевича Распутина и часто цитирую его высказывание о Достоевском, поскольку был поражен точностью его формулировки. Он говорит о том, что Достоевский так мощно и глубоко заглянул в человека, что человек узнал о себе слишком многое, к чему не был готов. Так что, пожалуй, хватит.

– Стало слишком страшно?

– Да, страшно. Понимаете, и после Достоевского многие выдающиеся писатели занимались тонкостями психологии поведения и нюансами человеческих отношений. И достигли в этом определенных вершин. Но особенность Достоевского, его отличие от других творцов – в его масштабности взгляда на мир.

– Вы в своей книге пишете о существовании «эдипова комплекса» всей мировой литературы после Достоевского. Не слишком ли сильное это утверждение? Ведь оно фактически означает, что все последующие писатели – всего лишь его эпитоны.

– Ну, это метафора, конечно. Когда я говорю об «эдиповом комплексе», я имею в виду проблему,

перед которой оказывается всякий, берущийся за перо: как писать после Достоевского?

– И как?

– Только если его не читать. Но как можно его игнорировать? Как можно пройти мимо Достоевского? В таком случае ты лишаешь себя важного знания и неизбежно начинаешь либо велосипед изобретать, либо пользоваться каким-то примитивным колесом. И при этом считаешь, что ты – великий изобретатель.

– Но, к сожалению, сейчас Достоевского многие не читают. В том числе потому, что в наше время вообще читают заметно меньше, чем прежде.

– Увы. Это проблема современности. Хотя я думаю, что большинство литераторов в мире так или иначе знакомы с Достоевским. Игнорировать его – это в конце концов неприлично.

– Павел Евгеньевич, в работах многих исследователей творчества Достоевского можно прочесть о том, что в произведениях Федора Михайловича нужно обращать особое внимание на детали. Иначе не понять, что он имеет в виду. Вы согласны с этим?

– Достоевский настолько глубок и его слово настолько содержательно, что обращать внимание на детали не только важно, но и интересно. Ведь у Достоевского нет случайных деталей.

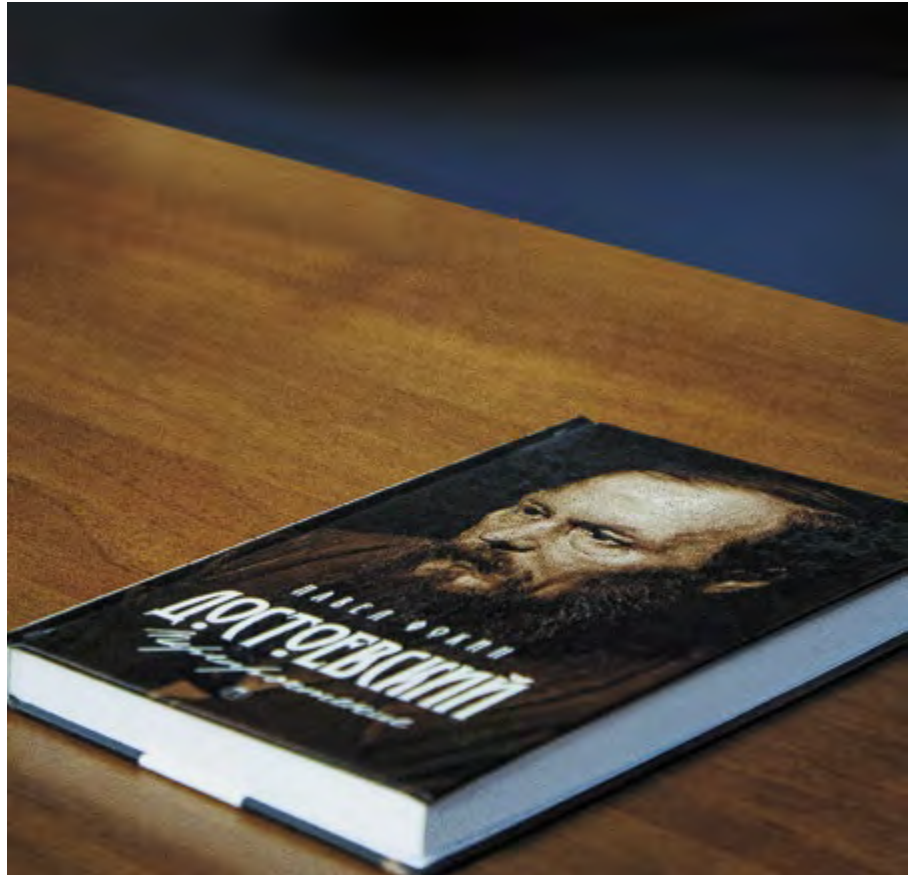
– *То есть нет никаких лишних деталей, нет ничего случайного?*

– Случайного ничего нет. Насколько мы знаем, Достоевский, прежде чем начать писать текст, тщательно продумывал сюжет. Он составлял десятки планов одного произведения. Он прорабатывал не только общие планы, но и планы сцен, мизансцены. Вот если бы мы обладали полным составом черновиков Достоевского... Но, к сожалению, у нас есть только небольшая их часть. Так вот, если бы мы обладали полным объемом черновиков хотя бы к одному роману, то перед нами открылась бы картина титанической работы. Но когда он начинал писать, в дело вступали вдохновение и творческая интуиция: художественный мир романа уже создан Достоевским и он в нем живет. Он уже знает, чем роман закончится, он знает цель, к которой идет. Начинает он работать тогда, когда он целиком погружен в эту историю, в этот мир, в этих героев, и поэтому какие-то вещи получаются на творческой интуиции, а не на расчете. Это просто целостность восприятия и понимания своих героев.

И вот что удивительно: если присмотреться, все его герои на протяжении романа живут своей жизнью, притом что на поверхность текста всплывают только какие-то фрагменты их жизни. Ну, как и в нашей жизни: мы встречаемся друг с другом с разными перерывами во времени, а пока мы друг друга не видели, с нами что-то произошло. И Достоевский знает, что произошло у его героев. Очень интересно взять какого-то второстепенного персонажа из произведения Достоевского и рассмотреть его подробнее. Вот, к примеру, Фердыщенко в «Идиоте», который появляется в романе всего два-три раза. Помните, мы видим его в первой части в гостиной Иволгиных? И в этой же сцене в первый раз появляется и Настасья Филипповна. Она входит и говорит: «Фердыщенко, вы-то как здесь!» И мы понимаем, что между ними уже что-то произошло, у них там какая-то своя интрига. Однако роль Фердыщенко в судьбе Настасьи Филипповны нам непонятна. Он не играет никакой сюжетной роли. Если его убрать из романа, с повествовательной точки зрения ничего не изменится, однако произойдут изменения с точки зрения полноты жизни, которую созерцает Достоевский.

Еще один важный момент. Достоевский не просто рассказывает какую-то историю, как кто-то кого-то любил, кто-то кого-то убил. Нет, он рассказывает ее для того, чтобы испытать человека, понять, каковы его возможности, узнать, что такое человек. Собственно, он еще в юности сформулировал эту свою задачу.

– *Вы имеете в виду пассаж из его письма брату Михаилу: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать,*

и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»...

– Именно. Достоевский пишет это в 1839 году. Ему всего 18 лет! Он еще ничего не написал. Но уже говорит: «Я занимаюсь этой тайной». Он всю жизнь продолжал этим заниматься. И каждый его герой – это поиск, он все время исследует тайну человека. Поэтому все герои важны для Достоевского. Разгадал ли он эту тайну? Судя по тому отклику, который Достоевский получил от человечества, он смог как минимум рассмотреть эту тайну. Потому что разгадать-то ее невозможно.

– *Да, но тут мы приходим к неприятному выводу. Ведь каждый роман Достоевского заканчивается катастрофой. Получается, мало светлого он увидел в человеке: убийство, оскорбление, жестокость, унижение – для человека это обычное дело...*

– Просто Достоевский не прячется от правды. Да, говорит он, сейчас мир лежит во зле, но в будущем он должен просветлиться, поскольку свет изначально заложен в его природе. Он верит, что так и будет.

– *Знаете, многие читатели негативно реагируют на произведения Достоевского. Например, в соцсетях нередко можно встретить такие комментарии: «психологический экстремизм», «издевательство над психикой», «откровения маньяка».*

– Это первая реакция людей. Может быть, это своеобразная защита от той правды, которую они

узнали. Но они ее узнали – вот что важно. И теперь эта правда будет в них работать, пусть медленно, пусть незаметно, но будет работать. Их зацепила правда Достоевского, они об этом думают, они это переживают. И есть надежда, что они перечитают Достоевского.

Достоевский-писатель многослоен, он – суперпрофессионал. Он знал, как держать внимание читателя, он использовал такие сильные жанровые приемы, что его произведения приковывают внимание читателя, независимо от того, в XIX, XX или XXI веке тот живет. И искушенный, и неискушенный читатель буквально проваливается в его поэтику.

– Павел Евгеньевич, в последние годы слышны голоса, призывающие убрать произведения Достоевского из школьной программы. Что вы думаете по этому поводу?

– Вопрос сложный, есть разные аргументы «за» и «против». Но я сторонник того, что Достоевского нужно читать в школе. Я здесь следую за Федором Михайловичем, который много размышлял о чтении и воспитании. И настаивал на том, что не надо упрощать образование. Это приведет к деградации. Сложное может быть не до конца понято, но оно заставляет и мыслить сложно, и жить сложно. Если мы уберем Достоевского и Толстого из школы, то мы оставим наших детей с миром комиксов, каких-то простых жанров. Они так и будут воспринимать мир – плоским и одномерным. А ведь, как сказал поэт, «душа обязана трудиться». Это истина. Я часто говорю о том, что мы – счастливые люди, потому что мы читали Достоевского. Вот Пушкин – несчастный. Он не читал Достоевского.

– Отлично сказано! Получается, и Лермонтов – несчастный.

– Лермонтов тоже несчастный. Лермонтов вообще несчастный!

– А кого читал сам Достоевский?

– Он очень любил Пушкина, Бальзака. Но особенность Федора Михайловича в том, что он читал все. Он читал с детства и до последнего дня. Он читал классику, читал современников, читал русскую и западную литературу, читал журналы, газеты. Читал не только по-русски, но и по-французски, по-немецки. В чем еще заключается сложность работы с наследием Достоевского? В том, что мы, исследователи, часто не владеем тем объемом знаний, которым владел Федор Михайлович. Вот и получается, что нужна когорта исследователей. Один прочтет всего Буренина и поймет, что Достоевский откликнулся на такие-то оценки этого критика и драматурга, другой прочтет всего Писемского и найдет у него то, что вызвало реакцию Федора Михайловича. Понимаете, Достоевский все это читал! И это проявляется в его текстах. Например, какой-нибудь второстепенный герой скажет что-нибудь, цитату приведет какую-то – и комментатор начинает цепенеть:

что это? Где это искать? Откуда это взялось? Что за этим стоит?

Андрей, младший брат Достоевского, вспоминал, что Михаил и Федор с жадностью набрасывались на каждый номер «Библиотеки для чтения». То есть исследователям надо «Библиотеку для чтения» проштудировать, хотя бы за 1830-е годы. Ведь у Достоевского было очень цепкое мышление, на прочитанное он реагировал эмоционально и интеллектуально, он с каждым текстом вступал в диалог. Он не только осмыслял текст, он думал, как его можно продолжить, развить. И ведь многие его герои – это продолжение диалога с Бальзаком, Шекспиром, Шиллером и так далее.

– В январе 1846 года выходят «Бедные люди». Критики в восторге, Некрасов кричит Белинскому: «новый Гоголь явился!» Затем публикуются «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Господин Прохарчин», «Хозяйка»... Достоевского обвиняют в слепом подражании Гоголю, критика его уничтожает. Тургенев с Некрасовым пишут оскорбительную эпиграмму про «новый прыщ» литературы. Только что носили на руках, а затем начали валять в грязь...

– Тут простого ответа нет. Одно дело литературная реакция, другое – человеческая. Психологически Достоевский – это Мышкин, понимаете? На самом деле он очень простодушен. Вот ему удался роман, и он пишет: я самый знаменитый, все меня читают. И некоторое время он живет в этой эйфории. А потом его критика обругала, и он реагирует на это так, словно все пропало. Достоевский очень эмоционален. Но при огромной эмоциональности он еще и очень рационален. Все свои эмоции он умеет быстро отрефлексировать и использует этот опыт в своих произведениях. Но не только. Он еще и быстро учится на своих ошибках. Он никогда не наступает на одни и те же грабли. Достоевский уходит из кружка Белинского, поняв, что это не его круг общения. При этом в душе его остается обида, но одновременно он благодарен этим людям: с одной стороны, они дали ему возможность опубликоваться, с другой – сбросив с пьедестала, кое-чему научили. То есть он все время учится, все время развивается. И это еще один повод восхищаться Достоевским.

– В 1875 году в письме жене, Анне Григорьевне, Достоевский признается, что ветхозаветная Книга Иова, поразившая его еще в детстве, приводит его в «болезненный восторг». Знаете, после изучения биографии Федора Михайловича я не могу отделаться от мысли, что сам Достоевский – это новый Иов. Судьба его была ужасна, как будто свыше его испытывали на прочность, а в его книгах немало пророчеств...

– Я с вами согласен. Я как-то не думал об этом, спасибо за такой поворот. Можно не сомневаться, что Книга Иова помогала ему выстаивать в невзгодах. Судьба у него действительно была страшная. За месяц до смерти он записывает: «не как мальчик

же я верую во Христа и Его исповедую, через большое горнило сомнений моя осанна прошла». Вот, собственно, признание. Да, конечно, новый Иов.

– *Приговор к смертной казни, ее имитация, казнь торговца, служба в солдатах, смерть первой жены, эпилепсия, игромания, смерть первой дочери, смерть младшего сына, безысходная бедность, кредиторы... Можно долго перечислять несчастья. Один роман с ужасной Суловой чего стоит!*

– Позвольте, я заступлюсь за Сулову. Почему же «ужасной»?

– *Но даже ее муж Розанов называл Аполлинарию Прокофьевну «Суслиха»! Вы вспомните, как он о ней пишет...*

– Василия Васильевича я очень люблю, но в вопросе об Аполлинарии Прокофьевне разделяю точку зрения Людмилы Ивановны Сараскиной: образ Суловой сильно демонизирован. Причем не Федором Михайловичем, а Розановым и дочерью Достоевского Любовью Федоровной. Нужно еще взглянуть на ситуацию и глазами Суловой, что попыталась сделать Людмила Ивановна в своей замечательной книге «Возлюбленная Достоевского». Да, Сулова была непростым человеком. Наверное, это помимо прочего и привлекало в ней Достоевского.

– *Но он же называл ее жуткой эгоисткой!*

– И она его так называла! С ее точки зрения, он был эгоистом, ее раздражало то, как он вел себя с ней. Она видела вот такого Достоевского. И в этом, может быть, была ее беда: она не смогла увидеть в нем большего.

Вообще, надо заметить, Сулова и отец Федора Михайловича – это самые оболганные люди в биографии Достоевского.

– *Некоторые исследователи пишут о том, что насильственная смерть Михаила Андреевича стала причиной становления Достоевского-писателя. Как вы к этому мнению относитесь? И действительно ли отца Достоевского убили его крепостные крестьяне или он умер своей смертью?*

– Вообще не смерть отца стала причиной обращения Достоевского к литературному труду. Но, безусловно, для Федора Михайловича потеря отца стала колоссальной душевной травмой. Не зря же в конце жизни Федор Михайлович говорит брату Андрею, что родители их были людьми передовыми и достойными.

Что же касается обстоятельств смерти отца Достоевского, то сегодня у биографов писателя сложилось мнение, что, скорее всего, это было трагическое стечение обстоятельств. Михаил Андреевич был болен, у него была гипертония. Более того, когда в мае 1837 года он вез в Петербург Михаила и Федора для поступления в Главное инженерное училище, у него, видимо, случился микроинсульт. Известно, что человеком он был горячим и вспыльчивым. Видимо, между ним и крестьяна-

ми произошел на поле какой-то конфликт, у Михаила Андреевича случился инсульт. Он упал, а крестьяне от страха разбежались. Началось следствие. А как иначе? Свидетелей нет, барин в поле мертвый лежит, крепостные попрятались. Был очень подробный разбор дела, было два вскрытия, подтвердивших смерть от инсульта. Однако распространялись слухи о том, что крестьяне убили Михаила Андреевича. О них в своих воспоминаниях писал Андрей Михайлович, о них же писала Любовь Федоровна. Но не забывайте: писали они все это с чужих слов, скорее всего, своих родственников Куманиных, которые относились к Михаилу Андреевичу с неприязнью. Конечно, сам Федор Михайлович знал об этих слухах, ему приходилось как-то с этим жить.

Еще раз повторю: Сулова и Михаил Андреевич – люди, оболганные в биографии Достоевского. По разным причинам и разными авторами их образы искажены. Но если мы присмотримся, например, к Михаилу Андреевичу, то увидим, что это действительно очень достойный и сильный человек. Всего в своей жизни он добился сам. Он приложил колоссальные усилия, чтобы воспитать своих детей, дать им хорошее образование. В конце концов это он воспитал гения.

– *Мне кажется, есть еще один человек в биографии Федора Михайловича, чей образ, наверно, искажен. Его первая жена – Мария Дмитриевна, о которой неприятные вещи пишет Любовь Федоровна. О том, как она обманывала Достоевского, как ненавидела его, как останавливалась перед его портретом в гостиной и кричала: «Бесчестный человек! Каторжник!»*

– Дочь Достоевского – это отдельная история. Понимаете, свои мемуары Любовь Федоровна писала за границей, многое в них написано с чужих слов. К тому же она сама была писательница, так что могла и присочинить. Не стоит этого исключать. Но книга Любови Федоровны была в буквальном смысле первой биографией Достоевского, притом написанной самым близким человеком. И поэтому в свое время была очень авторитетной. Но это не научное исследование, сегодня многие домыслы, содержащиеся в мемуарах дочери, опровергнуты исследователями.

– *Достоевского, как мы знаем, по-настоящему впервые прочитали в Серебряном веке, когда произошел всплеск интереса к Федору Михайловичу, в чем немалую роль сыграли Владимир Соловьев, Александр Блок, Василий Розанов и Дмитрий Мережковский.*

– В первую очередь Мережковский, который в юности встречался с Достоевским. Дмитрий Сергеевич очень тонкий и глубокий читатель, он оказал чрезвычайное влияние на прочтение и понимание Достоевского.

Ну, конечно, нельзя не вспомнить и «Три речи в память Достоевского» Владимира Соловьева,

работы Шестова и Бердяева. Что касается Блока, то он очень сильно чувствовал Достоевского, это были родственные души.

– *Ведь Достоевский еще со времен учебы в Главном инженерном училище сдружился с тремя братьями Бекетовыми, один из которых станет дедушкой Блока. Видимо, в доме Бекетовых царил культ Достоевского.*

– Думаю, для Блока было очень важно то, что он находился, как говорится, в одном рукопожатии от Достоевского.

– *Но приходит 1917 год. И выясняется, что Достоевский не в чести у большевиков. Горький называет его «озером яда», Луначарский считает, что читать Федора Михайловича «негигиенично», а Ленин пишет про «архискверного Достоевского»...*

– Но Достоевский все равно был частью их интеллектуальной биографии. Они же его читали. Понятно, что идеологически они с ним не соглашались, но все равно читали и перечитывали. Ведь про «архискверного Достоевского» Ленин пишет после того, как перечитывает «Бесов».

– *Как вы думаете, если бы не было знакомства Достоевского с Николаем Спешневым, которого Федор Михайлович называл «мой Мефистофель», появился бы роман «Бесы» и образ Ставрогина?*

– «Бесы», наверное, появились бы. Только роман был бы другим. Опыт общения со Спешневым, конечно, был очень важен для Достоевского. Но я думаю, на каторге он общался с такими фигурами, рядом с которыми даже Спешнев бледнеет.

– *А как публика восприняла «Записки из Мертвого дома»?*

– Они были событием. Это станет понятно, если мы вспомним, что это было за время. 1860-е годы – это как наши перестройка и гласность. Начались реформы, отменили цензурные ограничения. И тут появляется Достоевский и рассказывает об ужасах каторги. Общество ждало подобную книгу. Но прочло ее поверхностно. Понимаете, русский читатель XIX века не был готов к Достоевскому. И в массе своей это была неискушенная читательская публика. Даже мы сейчас не считываем многого в произведениях Достоевского, а уж его современники – тем более. Для них первичной была яркая и впечатляющая история, которую рассказывал Достоевский. Позже точно так же не понимали «Бесов», считая роман памфлетом на революцию.

– *Любой писатель мечтает за всю свою жизнь написать хотя бы один гениальный роман. А Достоевский создал их пять – «Великое Пятикнижие», как называют их исследователи. Как это можно объяснить?*

– Во-первых, буду настаивать, что гениальны у него не только романы, но и повести и рассказы. Все! Во-вторых, эту метафору придумали критики. «Великое Пятикнижие»! Да Федор Михайлович десять раз перекрестился бы, если бы услышал ее.

А что касается того, как это можно объяснить... Понимаете, он оказался не просто писателем. Он – мыслитель, мыслящий художественными образами. Он – пророк. Это совершенно иной масштаб. Иное видение мира. И ему очень дорого пришлось заплатить за эту миссию. Не он ее выбрал, его выбрали. Каждая его книга, при всей своей самодостаточности, это всегда некое новое движение мысли, это новые открытия. У него был особый дар – видеть мир таким, какой он есть. Он все знал про людей. И при этом продолжал в них верить как в творение Божие. В последнем романе, в «Братьях Карамазовых», он вышел уже на какой-то предельный уровень понимания мира. Думаю, неслучайно он умер, закончив роман. Ему дали дописать эту книгу и отозвали к себе...

Для себя я нашел определение феномена Достоевского, уяснил, что это за явление.

– *И что это за явление?*

– Чудо. Просто чудо. В числе тех, что даруются человечеству в помощь, в поддержку, в поучение, на радость и удивление, для укрепления сил и веры. ♣

КРАСНАЯ ЧЕРТА РУССКОЙ ИСТОРИИ

БЕСЕДОВАЛА

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

2 НОЯБРЯ 1721 ГОДА В ТРОИЦКОМ СОБОРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА РОССИЯ БЫЛА ОБЪЯВЛЕНА ИМПЕРИЕЙ, А ПЕТР ВЕЛИКИЙ ПРИНЯЛ ТИТУЛ ИМПЕРАТОРА. СПУСТЯ ПОЛВЕКА ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ ЗАЯВИЛА: «РОССИЯ ЕСТЬ ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕРЖАВА». НО, КАК НИ СТРАННО, СПОРЫ О ТОМ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ ЕВРОПОЙ, ПРОДОЛЖАЮТСЯ ДО СИХ ПОР, А ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДНЫМИ ПАРТНЕРАМИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПОЛНЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ. О ТОМ, КАК ВЫСТРАИВАЛИСЬ ЭТИ ОТНОШЕНИЯ И ПОЧЕМУ ЕВРОПА И РОССИЯ НЕ НАШЛИ ОБЩЕГО ЯЗЫКА, ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ПРОФЕССОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АЛЕКСАНДР ФИЛЮШКИН.

— **А**ЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, В СВОЕЙ книге «Василий III» вы цитируете американского историка Ларри Вульфа: «Если бы России не было, Западу следовало бы ее придумать». Его британский коллега Норман Дэвис в «Истории Европы» пишет: «Западные соседи России чаще находили причины, чтобы не относить ее к Европе. Сами русские никогда не были вполне уверены, хотя ли они принадлежат Европе». Действительно ли мы сами не уверены, что мы – европейцы? Или, скорее, Европа не готова видеть в нас европейцев?

— Что такое Европа? И когда европейцы осознали, что они – Европа? С одной стороны, в европейской мысли всегда присутствовало деление мира на цивилизацию и варваров, берущее начало в Античности. С другой – деление на христианский и нехристианский мир, идущее со Средних веков. Большинство исследователей придерживаются точки зрения о формировании идеи Европы в эпоху Просвещения, в XVIII веке, хотя многие и говорят о «корнях» и «зачатках» европейской идеи в период Ренессанса. Концепт *Orientalis et Occidentalis* своим происхождением был обязан прежде всего последствиям раскола Римского мира на Западную и Восточную империи. В раннее Средневековье термин *Occidens* обозначал территории,

находившиеся западнее восточной границы империи Каролингов, то есть линии Эльба – Литва. Его использовали для обозначения земель, противопоставившихся региону *Orientalis*, бывшему под влиянием Византии. После смерти Карла Великого в 814 году применительно к региону *Occidens* стал использоваться термин *Europa*, а после раздела церковью в 1054-м получило распространение определение *Europa Occidens* или *Occidentalis*. Границы этой общности распространились до пределов притязаний Священной Римской империи, то есть до Нижнего Дуная и Восточных Карпат, и эта территория стала синонимом «христианского мира». Объединяющими чертами для нее считались помимо религии *modus vivendi*, культура, быт, право, экономика, достижения наук и образования – словом, уровень развития, который позже назовут «европейской цивилизованностью».

Вообще, когда мы говорим «Европа» или «Россия» и задаем вопросы об их взаимоотношениях, то во многом исходим из сегодняшнего дня и воспринимаем прошлое сквозь призму нынешних проблем. А на самом деле Россия, скажем, XVI века вовсе не была озабочена тем, есть ли Европа или нет ее, надо входить в Европу или нет. Это не волновало наших предков. Они измеряли все в других категориях.

– **В каких?**

– Прежде всего в категориях религии. Точнее, отношений католицизма, православия и протестантизма, которые обостряются в XVI веке. И если с католическими странами у России было традиционное противостояние, как с «латинянами», непримиримое, но довольно ровное, то с протестантами все обстояло хуже. Иван Грозный обосновывал свой поход на Полоцк 1563 года необходимостью борьбы с «лютеровской ересью», то есть, по сути, вмешивался в религиозные дела соседнего государства.

– *Но ведь он так мило переписывался с британской королевой Елизаветой I и даже звал ее замуж!*

– А это другие протестанты – «правильные». А «неправильные» – это шведы, например. То есть существовала масса тонких политических нюансов.

Вторая категория – это отношения России со Священной Римской империей германской нации. Это была серьезная проблема. Император Священной Римской империи один, все остальные – короли. А тут вдруг появляется русский царь. Царь – это цезарь, то есть, по идее, тоже император. И возникают вопросы: как это соотносится с византийским наследием? Как это соотносится с императором Священной Римской империи – кайзером? И кто тогда русский царь, в некоторых источниках также называемый кайзером?

Третья категория – союзы. XVI столетие – это век потенциальных уний, в это время возникает несколько интересных сценариев. Во-первых, сценарий русско-германского сближения: и при Василии III, и при Иване Грозном разрабатываются проекты соглашений с империей, подразумеваю-

щие переделку европейской карты. Россия и империя намеревались дружить против Польши.

В то же время прорабатывались возможности союза России с Речью Посполитой. Вторая половина XVI века – это целая серия проектов унии с целью создания славянской сверхдержавы от Одера до Урала, слияния в одно федеративное государство под властью одного монарха России, Великого княжества Литовского, Польши. Русская Смута и последовавшая интервенция Польши – в каком-то смысле это попытка военным путем воплотить эти планы в жизнь, коли их не удалось осуществить политически.

– *То есть вопрос, является ли Россия частью Европы, возникает позже?*

– В таком виде вопрос о России и Европе впервые был поставлен в XVIII веке. Вспомним заявление Екатерины II: «Россия есть европейская держава». У Петра I отношения с Европой были сложнее. Ему приписывается фраза о том, что Европа нам нужна на несколько лет, после чего мы вернемся к ней задом. Подразумевалось, что мы используем европейских специалистов и политиков, а когда перейдем их опыт, будем дальше развиваться сами. Я не знаю, насколько подлинна эта фраза или приписана Петру, но определенную идею она отражает.

– *Если вернуться к XV–XVI векам, то известно, что термин «Европа» почти не встречается в документах. Обычно это «христианский мир», «Латинский мир».*

– Да. А они называют нас «Московское царство», «Московия», «Российское царство».

– А когда нас начали называть «Российское царство»? Ведь, если не ошибаюсь, титул «Государь всея Руси» – это еще конец XV века?

– Тут все очень сложно. Благодаря исследованиям ряда историков и, в частности Константина Ерусалимского, в научном мире недавно произошла маленькая сенсация. Ведь мы всегда раскрывали титул «Гсдрь» как «Государь». Но до XVII века мы не имеем в документах ни одного случая полного раскрытия титула как «Государь». Правильное прочтение – «Господарь». В тех же случаях, когда титул раскрыто – а это в основном надписи на пушках, печатях, на вещах, – используется титул «Господарь».

– Но... Ведь это может привести к пересмотру ряда оценок, устоявшихся еще со времен Карамзина?

– Вот поэтому я так люблю фразу: «Мы хотя бы знаем, насколько мы не знаем наш XVI век». Всего лишь один новый факт вызывает массу вопросов. Пока научный мир воспринял новость с «господарем» настороженно, потому что получается, что все историки писали неправильно, начиная с «Истории государства Российского» Карамзина. Нам нужно понять политическую культуру XV–XVI столетий. Но история как наука, к сожалению, сильно зависит от презентизма: к изучению событий и процессов прошлого мы подходим с позиций нынешнего дня, с учетом заказа сегодняшнего времени. Мы долго смотрели на русскую историю глазами Карамзина. Но давайте вспомним, каковы были установки того периода, когда он писал свою «Историю»: это эпоха империи, эпоха собирания земель. Именно это в его работе ставится во

главу угла. То есть в то время не столь важно, как называется великий князь – «Государь всея Руси» или «Господарь всея Руси», главные слова в этом словосочетании, конечно, «всея Руси». Но сегодня мы смотрим на это осторожней, пытаемся приблизиться к пониманию реалий того времени. Например, как в XV веке понимали слова «всея Руси»? Мы замечаем некую эволюцию этого термина. Первоначально «всея Руси» – это внутренний продукт, нацеленный на общение с удельными князьями во время собирания русских земель. Он подчеркивает власть великого князя именно на русских территориях. Однако затем возникает резонный вопрос: а Русь – это где? Ведь и у соседа официальный титул – «Великий князь Литовский и Русский». Но разве это одни и те же земли? Нет. И на протяжении XVI века русская дипломатия осмысляет важные вопросы: что значит «всея Руси» на международной арене? До каких пределов простираются наши земли? На что мы претендуем? Что является нашей вотчиной? Ответы на эти вопросы формируются долго. В итоге к чему приходят? Земли, за которые Россия воюет с Великим княжеством Литовским, взяты обманом у русских князей, когда они были слабы, а значит, это наша вотчина. Но и здесь непонятно, что это было: идеология или дипломатическое лукавство?

– Почему непонятно?

– Потому что у русских дипломатов был любопытный прием. На переговорах они резко задирали планку требований, отвлекая внимание от главного вопроса, чтобы потом, к примеру, сказать: мы всеми требованиями поступаемся, но Полоцк нам оставьте. И получали желаемое.

– **Недурственный прием.**

– Безусловно. И вот еще факт: русская дипломатия не отрицала слово «русский» в титуле правителя Великого княжества Литовского. А вот литовские послы не признавали слова «всёя Руси» в титуле московского князя. Признали они их только в начале XVI века после войн с Россией.

– **Почему русские дипломаты не отрицали слово «русский» в титуле литовского князя?**

– Думаю, тут дело в разнице правовых культур. Великое княжество Литовское тяготело к латинской правовой культуре, к немецкому праву. А у нас речь, скорее, шла о традиции – работало понятие вотчины. Другое дело, когда начинает осмысляться эта традиция, когда древнерусское наследие концептуализируется как фактор политики... Давайте вспомним, когда появляется Российская империя. Тогда, когда перестает работать концепт вотчины. И этот момент хорошо определяется. Во-первых, присоединение Сибири – никакими силами вотчину там не вписать. Во-вторых, присоединение южных земель – нынешнего Центрального Черноземья и территорий южнее. Это бывшее Дикое поле. Хотя тогда оно именовалось просто «Поле». Это тоже не вотчины, там нет княжеств. И, в-третьих, присоединение Украины, которую принимали не как вотчину царя Алексея Михайловича, а как земли, попросившиеся под высокую руку русского государя. И можно сказать, что время рождения Российской империи – это, наверное, все-таки XVII век. А идеологическое, концептуальное, титулатурное оформление империи – это уже время Петра I.

– **А как Европа отреагировала на провозглашение Петром I Российской империи?**

– Были призывы не признавать. Но ситуация тогда была уже принципиально иная. Попробуй не признай. Пройдет несколько лет, и канцлер Российской империи Александр Безбородко скажет: ни одна пушка в Европе не может выстрелить без нашего дозволения. Понимаете, Россия тогда вела борьбу за вхождение в клуб великих держав. Составлялись международные договоры, в которых Россия провозглашалась великой державой, ее статус оформлялся юридически и дипломатически.

– **Александр Ильич, давайте вернемся к Ивану III. Ведь в дипломатической переписке он несколько раз именуется царем?**

– Здесь тоже возникает вопрос: было ли это именование титулом? Он же не был венчан на царство. Его сын Василий III тоже несколько раз именуется царем, но и он официально титул не принимал. И, напомню, царем называли и Дмитрия Донского, хотя тут уж и говорить не о чем.

– **Но почему происходит такая чехарда с титулом? Почему Иван III – царь?**

– Иван III, если можно так выразиться, идеологически царь, поскольку он побил ордынского

хана, то есть ордынского царя. Раз побил, значит, теперь тоже царь, поскольку по традиции победитель принимает титул побежденного. Но это не официальная титулатура, ее нет на печатях и на документах.

– **Но ведь царем Иван III называется и в письмах иностранных дипломатов?**

– Тут опять все непросто. Были те, кому все равно, какой титул писать в грамотах. Скажем, Ливонский орден русских правителей называл кайзерами.

– **Ну, тогда им было все равно, кого и как называть, лишь бы денег дали...**

– Именно. А вот Священная Римская империя выбирала обращение в зависимости от ситуации. Когда ей нужно было договариваться с Иваном Грозным, она не гнушалась его и кайзером называть. Польша, естественно, была против, поскольку в применении этого титула видела спор за территории. Польша считала себя форпостом, который блюдет самость христианского мира, где есть только один император – глава Священной Римской империи. А тут русский князь себя царем называет! Но Россия настаивала, спорила из-за титула. Если государя в грамоте неправильно назвали, то «послу с коня не слезать, к руке не идти, о здоровье не спрашивать».

– **Как же тогда заключали, скажем, перемирия в войнах с Речью Посполитой?**

– В русской грамоте писали полный титул, а на то, что будет написано в польской – закрывали глаза. Задача была какая? Когда польский король будет приносить присягу, нужно было подsunуть русскую грамоту сверху, чтобы он именно на ней клялся. А польские послы старались сделать наоборот. И вот представьте сцену: послы друг у друга грамоты вырывают из рук и каждый пытается сверху свою положить.

– **А как реагировали на царский титул русского князя Крымское ханство и Османская империя?**

– Крымский хан титула не признавал. Но это русских дипломатов не особенно волновало. Важно ведь было признание именно христианского мира. Что касается Османской империи, то турки считали своего султана наиглавнейшим, а всех остальных – его вассалами. Поэтому им было все равно, какие титулы писать в посольских грамотах. Василия III они даже «великим гамаюном» называли. Напомню, Гамаюн – это райская птица, ее образ связан с образом власти, не зря слово «гамаюн» вошло в титул персидских и турецких правителей.

– **Александр Ильич, почему в своей книге вы пишете, что именно конец XV – начало XVI века – это время, когда Европа открывает Россию? Ведь и до того сюда приезжали торговцы, дипломаты.**

– Потому что именно в это время иностранцы открывают Россию как целый новый мир, про-

исходит реальная встреча культур. Безусловно, знания о нашей территории были у европейцев и до этого. Но какими они были? Возьмите, к примеру, карту бенедиктинца Андреаса Веспергера 1448 года, на которой стилизованное изображение Новгорода занимает почти все пространство от Азовского до Балтийского моря.

Кроме того, конец XV – начало XVI века – это эпоха Великих географических открытий. Открыт Новый Свет, у Испании, Португалии, Англии, Франции появляются колонии. Священная Римская империя не попала на колониальный раздел мира: немцам, занятым религиозными войнами, было не до того. К тому же Реформация нанесла серьезный удар по католицизму, паства заметно сократилась. Где Ватикану было брать новую паству?

– *И тогда взор их обратился на Восточную Европу...*

– Конечно! Католикам грезилась волнующая перспектива: можно добиться унии с русскими православными, привести их под власть папы римского. Распространялись слухи о невероятной богобоязненности москвитов. «Услышав об этом, мы были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших христиан с ними (москвитами. – Прим. ред.) в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление», – писал епископ Венский Иоганн Фабри. Священная Римская империя рассматривала Россию как свой колониальный проект. Но не с целью порабощения, а с тем, чтобы включить в католический мир.

– *Однако попытки обратить Россию в католичество предпринимались и раньше. Но...*

– Это не было препятствием. И, кроме того, человек всегда больше верит в то, чего он очень хочет. Вспомните миссию 1581–1582 годов иезуита Поссевино. Ведь он, когда ехал в Москву по поручению папы мирить Ивана Грозного и Стефана Батория, искренне считал, что его имя будет начертано золотыми буквами в храме славы, что он и есть тот самый тринадцатый апостол, который приведет москвитов к истинной вере. Он так верил в это, что в какой-то момент даже стал играть на стороне Москвы. И вот мир заключен, и Поссевино предлагает поговорить об унии и римском папе. А что ему отвечает Иван Грозный? «Твой папа – волк!» И Поссевино понимает, что ничего не получится. Остаток жизни он посвящает написанию плана завоевания Московии.

В России прекрасно понимали, с кем имеют дело. Понимали, что латиняне хотят подчинить Москву и использовать в своих интересах, главный из которых – отправить русского царя на войну с османами, угрожавшими Европе. Но это было невозможно: в России уже произошли колоссальные изменения ментального порядка.

– *Что вы имеете в виду?*

– С 1448 года Русская церковь де-факто стала автокефальной, вышла из-под подчинения Константинопольскому патриархату. А в 1480 году Иван III расправляется с монголо-татарским игом. Под влиянием этих событий в России формируется обостренное чувство суверенитета. Оно, в принципе, характерно для русской истории. Это чувство – та красная черта, которую нельзя переходить и ради которой будет делаться очень многое.

В то же время для русской внешней политики был характерен прагматизм. Мы, кстати, недооцениваем русских дипломатов XVI века. С одной стороны, давление Запада, с другой – суровый нрав Ивана Грозного, у которого чуть что – сразу голова с плеч. То есть они работали под двойным прессингом. И вот на таком фоне мы видим целый ряд больших дипломатических успехов. Одна Ливонская война чего стоит! Военные ее проиграли, а дипломаты спасли положение. Если бы не они, Россия потеряла бы всю Псковщину...

Русские дипломаты четко работали на достижение цели. Раз нужно решить вопрос, то мы примем и папских легатов и сами поедим в Ватикан. Почему общались с Римом? Да потому что Ватикан – это ключ к Священной Римской империи. А с империей хотели дружить, понимая, что если две державы в Европе объединятся, то они будут диктовать свою волю всем остальным.

– *А Россия уже считала себя европейской державой?*

– Россия хотела участвовать в европейской политике. Об этом свидетельствуют попытки завести контакты и вступить в союзы. Например, заключить военный союз с Англией, что увеличило бы вес России на европейской арене. Правда, были трудности с взаимопониманием. К примеру, Иван Грозный называет в послании Елизавету I «сестрой». А она не понимает, почему она – сестра московского государя. Ей объяснили, что «братство» и «сестринство» – это в данном случае политические понятия. Не родство, а союз. Иван Грозный пишет: дайте список ваших врагов – мы на них нападём. И тут же добавляет: а вы, пожалуйста, на наших врагов нападите. Елизавета ответила гениально: дайте список ваших врагов и мы сделаем их вашими друзьями.

И с императором Священной Римской империи – то же самое. Император высоко ценился русскими государями.

– *Из-за ассоциации с византийскими императорами?*

– Нет. Византия – это особая тема в русской истории. Мы очарованы блеском образа Византии, который пропагандировали в XIX веке наши мыслители. Но это мираж. В XVI веке Византия не волновала Россию. Византия умерла, причем позорно. В России считали, что греки согрешили: согласившись на унию с Ватиканом, они изменили вере, и Господь наказал их нашествием иноверцев, пленом и позором.

– *То есть то, что мы – наследники Византии, это миф XIX века?*

– Не совсем. То, что мы – наследники Византии, нам пытался внушить Ватикан. Еще папские послы, приезжавшие к Ивану III, твердили ему: ты же женат на Софье, ты – наследник Палологов, так иди и отвоевывай Константинополь. А Иван III этого не хотел и никогда не признавал себя наследником византийских императоров. В русских текстах вообще нет прямого указания на то, что Россия – наследница Византии. Есть только легенда о дарах Мономаха и чин венчания на царство, копирующий византийский церемониал. Только вот до сих пор ученые ломают голову, что произошло в России с ритуалом помазания в этом церемониале. Ведь есть краткая и пространная редакции венчания на царство. Краткая редакция – это 1547 год, пространная – 1555–1556 годы. В краткой редакции ритуала помазания нет, а в пространной – есть. Напомню, краткая редакция, по идее, та самая, по которой венчался на царство Иван Грозный.

– *Получается, Грозный не был помазан на царство?!*

– Мы не знаем. Он не мог, не будучи помазанным на царство, объявить себя помазанным. Это, простите, самозванство. И что с этим делать? Никто не знает. Соотношение пространной и краткой редакций венчания на царство – это одна из загадок русской истории.

– *А есть надежда, что она будет разгадана?*

– Пример с «господарем» показывает, что открытия могут быть совершенно неожиданными. По-

нимаете, есть интересный момент. Русские письменные источники практически полностью изучены. А вот западные источники – те, что не лежат на поверхности, – почти не изучены. Это огромный массив документов. Например, один мой коллега случайно нашел письма немецких наемников, осаждавших Псков. Представляете? Письма псковского осадного сидения, в которых наемники пишут: плохо, голодно, холодно, дожди идут, зайцы не ловятся... Хранятся эти письма в архиве Дрездена. Вот подобных неизученных документов, связанных с русской историей, много.

– *Но почему эти документы не изучают?*

– Представляете, какой это объем работы? Ну и к тому же надо собрать полиязычную группу историков, найти финансирование... Это все не просто.

– *А ведь в них может обнаружиться масса любопытных деталей. В том числе и о том, как у европейцев менялось восприятие России.*

– Да, это интересный процесс. Пока у Европы была надежда на католическую унию с русскими, нам симпатизировали и даже преувеличивали наши добродетели.

– *Но как только надежда исчезла, Россию начали демонизировать. Почему Европа оказалась неспособна принимать других такими, какие они есть? Почему пришлось выдумывать очередных монстров, как это было в случае с мусульманами во время Крестовых походов?*

– Европа – это особое образование, которое всегда вступало в контакты с другими странами на

своих условиях. Так сложилось исторически. Европа никогда не была оккупирована, волны чужеродной агрессии разбивались на ее окраинах. То есть европейцы не знали, что значит веками жить под чужим и чуждым владычеством. А ведь такая жизнь требует изменения сознания и выработки новых способов существования. Зато опыт агрессии против других у европейцев был: взять те же Крестовые походы. Отсюда и проистекает привычка иметь дело с другими только на своих условиях. Причем условия эти незамысловатые: мы из вас делаем нас. Мы вас учим, мы прививаем вам свою культуру, свою религию, свои правовые основы. И тогда вы – часть нас, но младшая, периферийная Европа. Именно такие предложения и привозили европейские послы в Россию в конце XV века: статус королевства, корона из рук императора, уния. А Россия не захотела их принять. Во-первых, мы уже вкусили суверенитет. Это было такое обостренное чувство, видимо, результат многолетнего ига. Русские очень хорошо понимали, что такое быть под чужим управлением, пережить столкновение чуждых миров, столкновение абсолютно чуждых культур. А во-вторых, не могло быть и речи об унии с католиками. Слишком свежа была еще память о трагической судьбе Византии, погибшей в 1453 году. На Руси падение Константинополя воспринимали как прямое следствие Флорентийской унии 1439 года между православной и католической церквями.

– Когда в Европе окончательно поняли, что на унию и на подчинение императору Россия не пойдут?

– После провала миссии Сигизмунда Герберштейна 1526 года, предлагавшего посредничество императора в примирении России с Великим княжеством Литовским и Польшей. Тогда европейцы окончательно уяснили, что русские принципиально другие. А раз так, то вступает в действие иной механизм – противопоставление: другим приписывается все то, что считается дурным и преступным. В 1549 году Герберштейн издает свой труд *Regum Moscoviticarum Commentarii*, известный у нас как «Записки о Московии». С этого и начинается выстраивание легенды «Россия – это анти-Европа». К тому же масла в огонь подлил и Иван Грозный, своими жестокостями дававший поводы для разгула фантазии европейцев. Нельзя не сказать и о том, что тогда по России сильно была разница в уровне культуры. В качестве примера расскажу историю. Был у меня студент, занимавшийся примасом Польши Яном Ласким, который в 1514 году написал трактат «О русских народах и их заблуждениях». И когда я в очередной раз поехал в Москву, то пошел в Ленинку, в Музей книги, посмотреть кое-какие книги для него, подсказать кое-что. Принесли мне стопку книг. Я смотрю на нее с тоской и ужасаюсь: как же я сейчас буду искать упоминания в них Яна Лаского? Открываю первую книгу, а там – именной указатель. Понимаете, у нас еще книгопечатания не было, а у них – именной указатель! Это очень показательный пример существовавшей тогда разницы. Россия выпала из «коммуникационной революции» XV–XVI веков. В Европе про Ивана Грозного выходят памфлеты, листовки, плакаты, газеты, а в России всего этого как бы не существует.

– Почему Россия так отставала от Европы? Можно ли объяснить это только влиянием ига?

– Это совершенно отдельная тема. Нужно углубляться в историю XIII, XIV, XV веков, говорить о том, как развивались социально-экономические отношения. Скажем, есть концепция Андрея Юрганова и Владимира Кобрина, отталкивающаяся от того, что у нас вассалитет был задавлен министриалитетом, господствовала идея абсолютизации власти одного правителя, перед которым все остальные подданные – рабы. Но из чего она происходила? Это заимствование монгольской модели или это свои политические традиции? Еще один очень важный вопрос: что все-таки собиралось, какую страну строили? Строилась какая-то композитная монархия с учетом мнения регионов и делегирования прав? Нет. Разве в этом иго виновато? Все это нужно изучать, однозначных ответов нет. Но мы видим несомненную разницу между Россией и Европой. Приведу еще один пример из своего опыта. Я являюсь руководителем совместного гранта Российского научного фонда и Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG) под названием: «Святые и герои: от христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)». Он реализуется совместно с Грайфсвальдским университетом. Цель исследования – сравнение моделей, как из местных святых получались национальные герои и какую роль играли местные святые в европейской локальной идентичности и возникновении наций. Немецкие коллеги выяснили, что в Северной Европе работала модель, когда активно развивались культы местных святых, на базе которых формировались сначала локальные, местные сообщества, а потом уже национальные культуры. На Руси же, по крайней мере в Средневековье, мы видим иную модель: приоритетом пользуются общехристианские культы, культурные универсумы, если можно так сказать. А ведь были свои русские культы – святые Борис и Глеб, Сергей Радонежский и так далее, – равно как возникло и почитание местных святых. Но их удельный вес среди всех культов очень невелик. Мы с напряжением ищем в Средневековье следы их почитания. Зато в XVIII–XIX веках мы видим большой всплеск обращений именно к российским и местным культам, когда национальные святые становятся частью идеологии романтического национализма. То есть модель, которая в Европе развивалась гораздо раньше, к нам приходит позже и уже в ином контексте, как часть национальной политики Российской империи.

– Александр Ильич, подводя итоги, нужно, кажется, констатировать справедливость высказывания Ларри Вульфа. Получается, перспективы отношений с Европой у нас весьма туманные...

– Ну, скажем так, они зависят не только от России. Мы можем быть хорошими, замечатель-

ными и вести себя «правильно», но у нас есть определенная роль в европейской системе, в ее политических и культурных сценариях, и эта роль не изменится. Вернее будет сказать, что она изменится только в одном случае: если появится третий, общий для Европы и для нас враг. В истории мы имели такой пример – речь о Гитлере, разумеется. Когда появился Гитлер, европейские страны и Россия стали союзниками.

– Правда, как только Гитлера разбили...

– Да, все вернулось на круги своя. Но вы думаете, это хорошо, если появится такой ужасающий враг, что и у нас, и у Европы стереотипы изменятся?

– Не приведи Господь. Но и противостояние с Европой не радует.

– В этом отношении я придерживаюсь философии, которая изложена в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный». Помните, когда Иван Васильевич венчается на царство, а западные послы шепчутся: «Европа не допустит, Ватикан не признает». И говорят: «Сильным будет – все признают». Вот будем сильными – все признают.

Скажу о сфере, которую я знаю: о науке. Сейчас в научном сообществе сложилась малопривлекательная ситуация, которую мой белорусский коллега Алексей Мартынюк назвал «Великой схизмой славянской историографии». Дело в том, что уже выросло поколение ученых, которое воспитывалось в принципиально разных историографических парадигмах. Условно говоря, историю Древней Руси мы учим по Грекову, Фроянову, Мавродину, украинцы – по Грушевскому, белорусы – по Ермоловичу, поляки – по Ловмянскому и другим. И когда мы друг с другом говорим, мы друг друга не понимаем, потому что у нас изначально разные послы и оценки. А наука – это диалог. Без диалога наука немеет и слабеет. В итоге наша наука уступает позиции. Наша сегодняшняя ориентация на западную науку – это не только чья-то злая воля, как иной раз упрощенно утверждается. Это объективная ситуация: мы прежнюю методологию уничтожили, а своих наработок нет. И сейчас надо создавать новую концепцию, новую теорию истории Восточной Европы, новый большой нарратив с современными идеями и концепциями. Существующий сегодня расцвет национальных историй на постсоветском пространстве, когда общее прошлое растаскивается по национальным квартирам, на мой взгляд, основой для научного прорыва быть не может, это всего лишь расходный материал для «войн памяти». Будем сильными, будем научными лидерами, с нашими теориями и наработками будут считаться. Нужна новая идея, новая концепция исторических процессов от Древней Руси до Российской империи, а не дробление единого исторического поля на локальные кусочки. ❶

«МЫ СЛУЖИМ ТЕАТРУ...»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КОГДА-ТО В ЭТОМ АРБАТСКОМ ПЕРЕУЛКЕ ЖИЛИ ГРАВЕРЫ И ЧЕКАНЩИКИ ГОСУДАРЕВА МОНЕТНОГО ДВОРА, ПОТОМУ ОН И ПОЛУЧИЛ ИМЯ ДЕНЕЖНОГО. СЮДА, В ДОМ №12, В 1918 ГОДУ ПЕРЕЕХАЛ ЖИТЬ ЕВГЕНИЙ ВАХТАНГОВ С ЖЕНОЙ НАДЕЖДОЙ И СЫНОМ СЕРГЕЕМ. В 1922 ГОДУ ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ 39-ЛЕТНИЙ НОВАТОР ТЕАТРА СКОНЧАЛСЯ. СЕМЬЯ ЕГО ЖИЛА ЗДЕСЬ ДО 1972-ГО, КОГДА РОДСТВЕННИКИ ПЕРЕДАЛИ КВАРТИРУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ ИМ. ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА, ЧТОБЫ РАЗМЕСТИТЬ В НЕЙ МУЗЕЙ РЕЖИССЕРА. РЕАЛИЗОВАТЬ ЭТУ ИДЕЮ УДАЛОСЬ ЛИШЬ СПУСТЯ 45 ЛЕТ БЛАГОДАРЯ ДИРЕКТОРУ ТЕАТРА КИРИЛЛУ КРОКУ. В МАРТЕ 2016-ГО В МУЗЕЙ-КВАРТИРУ ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА ПРИШЛИ ПЕРВЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ. В ГОД 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ТЕАТРА ИМ. ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА ЭКСКУРСИЮ ПО НЕЙ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «РУССКОГО МИРА.RU» ПРОВОДИТ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК МУЗЕЯ МАРГАРИТА ЛИТВИН, РАБОТАЮЩАЯ ЗДЕСЬ УЖЕ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ...

— **МАРГАРИТА РАХМАЙЛОВНА,** получается, что становление экспозиции шло на ваших глазах, вы даже застали

жену Вахтангова?

— Да, моя подруга Ирина Сергеева привела меня в Вахтанговский театр в 1961 году. Надежде Михайловне Вахтанговой тогда было 75 лет, мы с ней дружили на протяжении семи лет. В 1968-м ее не стало. Она работала в литературной части Третьей студии МХТ, которая в 1926 году была переименована в Государственный академический театр имени Евгения Вахтангова. В 1931-м при театре был создан музей: фактически Надежда Михайловна стала его создателем и хранителем, потому что экспозиция началась с материалов, документов и личных вещей ее мужа.

— Вахтангов — ученик Станиславского, однако, в отличие от своего учителя, в своих постановках он делал акцент на форме, когда гротеск и экспрессия призваны завуалировать смысл пьесы, а зритель должен постараться уловить ее суть...

— Вахтангов, безусловно, ученик Станиславского. Но он искал свой путь в режиссуре. Последние спектакли Вахтангова, такие как «Гадибук», «Эрик XIV», «Принцесса Турандот», уже несли

в себе то новое, что он развил в своем методе и называл «фантастическим реализмом». Но вышел Вахтангов из Станиславского, который до конца дней был для него учителем.

Первые любительские спектакли Вахтангов ставил еще во Владикавказе, где он родился и жил до 1903 года. Там, на Армянской улице, до сих пор есть его дом, где сейчас идет капитальный ремонт: наш театр планирует устроить в нем дом-музей Вахтангова.

А если говорить о профессиональной режиссуре, то дебютировал Вахтангов в 1913 году пьесой Гауптмана «Праздник мира» в Первой студии, созданной актерами Художественного театра. Правление студии возглавил Станиславский, а руководил ею его помощник в МХТ Леопольд Сулержицкий. В числе постановок Вахтангова пьесы Гауптмана, Ибсена, Стриндберга, Бергера, Метерлинка. Он хотел поставить также «Гамлета», пьесу Байрона «Каин», задумывал инсценировать Библию. В 1920 году поставил «Свадьбу» Чехова. «Принцесса Турандот» Карло Гоцци — его последний спектакль...

— На Вахтангова немалое влияние оказал и Сулержицкий?

— Это учитель, друг и человек, который ввел Вахтангова в творческую жизнь Художественного

театра. С 1909 года Вахтангов играл и учился ставить спектакли на «Курсах драмы Александра Адашева» – педагога и актера МХТ. Там преподавали мхатовцы – Сулержицкий, Качалов, Болеславский. Это были подготовительные курсы для поступления в школу МХТ. Сулержицкий готовил молодежь по указаниям Станиславского, именно он заметил талант Вахтангова и порекомендовал Немировичу-Данченко, чтобы тот взял начинающего режиссера в МХТ. Если бы не Сулер – как его прозвал Толстой, – неизвестно, как бы все сложилось. Вряд ли состоялась бы Первая студия МХТ, не появилась бы идея «театра-дома», в котором труппа живет как коммуна, а актеры и работают, и отдыхают вместе. Эта идея возникла у Станиславского, но воплотил ее Сулержицкий, который и на отдых всех вывозил вместе с детьми – сначала на Князью гору под Каневом, а потом под Евпаторию, где хотел устроить дачный кооператив мхатовцев.

– Да-да, «орден актеров» по толстовским принципам: духовная жизнь в союзе с природой. Но почему Сулержицкий все время оставался в тени?

– Он сам так решил, он всегда оставался в тени. Его все обожали. В книге «Моя жизнь в искусстве» Станиславский посвятил ему целую главу. Сулержиц-

кий обладал потрясающим чувством юмора, это ведь он придумал капустники, которые стали замечательной традицией и игрались в Художественном театре два раза в году – на Святки и на Масленицу. У нас в музее хранится уникальная афиша первого капустника: состав всех, кто играл, писал тексты, оформлял... Фамилия Сулержицкого на ней тоже есть, но где-то внизу. Капустники живы и по сию пору, их играют в театрах, но мало кто знает, что придумал эту актерскую забаву именно Сулер.

– И по вашей инициативе Вахтанговский театр ставит спектакль о Сулержицком...

– Я просто поделилась своими мечтами, а помощник художественного руководителя по творческим вопросам Елена Дунаева сделала инсценировку по переписке и воспоминаниям Сулержицкого. И молодой режиссер нашего театра Ася Князева ставит этот спектакль.

– Сулержицкий был близко знаком с Толстым, не так ли?

– Он Толстого боготворил, однако принимал далеко не все его идеи. Но, конечно, непротивление злу насилием он с вахтанговцами обсуждал. В каком-то смысле это – часть его жизни, до увлечения театром

В музей-квартире обстановка восстановлена частично, поскольку многое было утрачено. Однако в небольшой светлой комнате (фото справа) все вещи аутентичны, здесь Вахтангов проводил большую часть времени, а на маленьком диванчике у окна он скончался...

он многое пережил. С детства он прекрасно рисовал, в середине 1880-х работал на росписи Владимирского собора в Киеве с Врубелем и Васнецовым. В 17 лет учил крестьянских детей в деревне, в 1890 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Его однокурсницей была дочь Толстого Татьяна, она и познакомила его с отцом, он часто бывал у них в доме. В 1897–1898 годах матросом ходил в Японию, Китай, Индию, Турцию и даже в кругосветное плавание. Но, пожалуй, самое неожиданное – это необычное поручение Толстого. К писателю с просьбой о помощи обратились гонимые властями духоборы. Толстой организовал фонд, в который перечислил гонорар за «Воскресение» и собирал деньги для переселения общины в Канаду. И он попросил Сулержицкого сопровождать переселенцев в трансатлантическом путешествии в 1898–1899 годах. Сулержицкий был пацифистом, он отказался служить в царской армии, попал в психиатрическую больницу, а затем был отправлен на службу в Кушку – на границу Афганистана и Туркменистана. Вернулся больным. А в 1904 году на санитарном поезде отправился на Русско-японскую войну санитаром. Через год вернулся в Россию. Скончался он в 1916 году, ему было всего 44 года.

– Как же Сулержицкий попал к Станиславскому?

– Он познакомился с Чеховым и Горьким во время их отдыха в Крыму, а они весной 1900 года представили его Станиславскому, когда «художественники» гастролеровали в Севастополе и Ялте. Помощником Станиславского и режиссером МХТ Сулержицкий стал в 1906 году. Вместе со Станиславским он поставил «Драму жизни» Гауптмана и «Жизнь человека» Леонида Андреева в 1907 году. Потом была «Синяя птица» Метерлинка, где Вахтангов играл роль Сахара. В 1910-м английский режиссер Гордон Крэг вместе со Станиславским ставил в МХТ «Гамлета», и Сулер был переводчиком во время репетиций, ведь Крэг не знал ни слова по-русски. А Сулер выучил язык в Канаде, два года помогая духоборам осваиваться на новом месте... В воспоминаниях современников, где речь идет о Сулержицком, нет никого, кто бы не написал, что он жил по вере и был очень высоконравственным человеком.

– Как вы думаете, если бы не было такого человека, не было бы, может быть, и реформатора театра Вахтангова?

– Такого, как Вахтангов, не было бы, конечно. Сулержицкий верил в Вахтангова и вселил в дру-

гих веру в него. Станиславский был восторженным и так же, как Толстой, полюбил Вахтангова. А Немирович – скептик, и, если бы не Сулер, который сказал: «Берите этого студента, он талантлив!» – конечно, не было бы в истории русского театра имени Евгения Вахтангова.

Сулержицкий – человек, создавший Первую студию и написавший ее этическую программу. Это он заложил основы существования студии, проявляя все лучшее, что есть в человеке – духовное, этическое, нравственное... Все это пришло от Сулержицкого. И Вахтанговский театр до какой-то степени эти традиции продолжает: это театром, где у нас общее все, мы служим Театру.

К сожалению, Сулержицкий не увидел спектакли уже профессионального режиссера Вахтангова.

– *«Художник должен вознестись до народа, поняв высоту его, а не поднимать его по своему смешному самомнению «до себя», – писал Вахтангов в своем дневнике...»*

– Это он начитался статей композитора Рихарда Вагнера, который жил в роскошной вилле в Венеции и писал статьи «о народе». Я думаю, у Вахтангова не было времени думать серьезно о политических проблемах. Ему было некогда,

он чувствовал, что жить осталось недолго, и был всецело занят творчеством. И писал он это, размышляя о том, как приблизить народ к искусству, сделать театр понятным и доходчивым. Это ведь еще было время очарования революцией.

– *Отразилось ли революционное настроение в его спектаклях?*

– Нет. Если Мейерхольд ставил революционные пьесы, призывавшие человека к восстанию, то вахтанговский репертуар – это, скорее, разговор с Богом: «Святой Антоний», «Принцесса Турандот», «Свадьба», «Гадибук», «Эрик XIV». Вахтангов существует в своей программе, которую задумал и хотел осуществить. И ценой чудовищных мучений осуществил. Как он это сделал? Вообще непонятно, как он прожил эти годы с ужасными болями и страданиями. Его несколько раз оперировали, предполагая язву желудка, но развился рак, и спасти его было невозможно...

– *Вахтангов ушел из жизни, не успев сформировать в целостный организм свой театр. Как его ученики сумели осуществить задуманное мастером?*

– Они положили десятилетия жизни на то, чтобы сохранить вахтанговские наработки. Многие из

Гостиная в музее-квартире. За круглым столом проходят чтения, лекции, встречи с вахтанговцами

Въ Четвергъ, 29 Юня.

Въ пользу филиального отдѣленія общественной библиотеки.

Представлено будетъ:

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ

Шесть въ 4 акта, по Н. Ткачову.

Действующие лица:

Варвара Ивановна Протурова — жена Владимира.	
Дмитрій Карловичъ, при- сезненный инж.	г-нь Тушинка.
Георгій, автоматчикъ, присе- занный инж.	г-нь Вахтангова.
Романъ — — — — —	г-ня Вахтангова.
Серферина — — — — —	г-ня Комаренская.
Тамбуринова, музык. Серферина	г-нь Комаренской.
Филаретъ, священникъ, Владиміръ, инспекторъ гимназій	г-нь Саронова.
Алифтина Семеновна, его жена	г-ня Саронова.
Евгений Александровичъ, инж. инж.	г-ня Нежданова.
Владиміръ Петровичъ Кларингъ, стат. инж.	г-нь Андреева.
Зина, горничная Протуровой.	
Богословскій, священъ.	

Творческий метод Вахтангова — это эксперимент, лаборатория, живое и постоянно обновляющееся искусство театра

них отказались от актерской карьеры, брали на себя должности директора, заведующего труппы, заведующего литературной частью и почти три года практически боролись с Немировичем-Данченко, чтобы отстоять самостоятельность своего театра. Ведь влиятельный Немирович готов был забрать у них здание, если они не вольются в труппу МХТ. Борьба была не на жизнь, а на смерть. Дело в том, что МХТ потерял половину труппы, когда актеры во главе с Качаловым, спасаясь от страшного голода в Москве, уехали в 1919 году на Украину и остались там на три года. Это стало трагедией для Немировича. А студия, даже оставшись без Вахтангова, отказалась входить в состав труппы Художественного театра, став через несколько лет МХАТом 2-м во главе с Михаилом Чеховым. И театр Немировича оказался лишенным всего: и подпитки молодыми нет, и стариков нет — уехали те, на ком держался весь репертуар! Что было Немировичу делать?

— *Его можно понять.*
— Можно. И все-таки вахтанговцы одолели Немировича, он просто устал бороться. А студии надо было определить, кто же ее возглавит. Умирая, Вахтангов предложил своим соратникам опи-

раться на Юрия Завадского, Бориса Захаву и ближайшую свою помощницу в режиссерской и педагогической работе Ксению Котлубай. Эти люди пришли первыми в нашу студию. Но у Завадского были не самые хорошие отношения с остальными членами коллектива, и вскоре он и Николай Горчаков ушли в МХТ, забрав с собой 10 молодых актеров. Будущий Театр Вахтангова сделали те, кто тогда остался в студии.

— *И то вливание в труппу к Немировичу спасло МХТ?*
— Конечно, это и стало его основой. Это молодые Тарасова, Андровская, Яншин и так далее. Немирович понял, что ему есть на кого опираться. А в 1922 году вернулась качаловская группа. И МХТ в полном составе уехал на два года в Америку, гастроли были официальными.

— *А победившие вахтанговцы тем временем?..*
— Это, конечно, гениальные люди — десять лет держались, чтобы показать Москве, что есть новый молодой театр, который они построили и сохранили. Актер Освальд Глазунов, став директором, добился для Театра Вахтангова статуса государственного. Актер и будущий педагог Борис Шукин, имя которого

сейчас носит Щукинское училище, с 1919 года был одним из ближайших учеников Вахтангова, а потом блистательно сыграл множество ролей, в числе которых и водевильный Лев Гурыч Синичкин, и трагедийный образ Егора Булычева. Василий Куза сначала ведущий актер, в 1930-е – режиссер, потом замдиректора и политрук во время войны. Актер и режиссер Лев Русланов вел административную работу в театре. Осип Басов – актер, режиссер и педагог. И все они – ученики Вахтангова!

В 1923 году в труппу взяли Алексея Попова – соратника Вахтангова по Первой студии, через год дали ему поставить спектакль «Комедии Мериме». Но время было уже непростое, и спасибо Попову, который понял, что театру необходим советский репертуар. Но так как подобного рода пьес фактически еще не было, он поставил спектакль по повести Лидии Сейфуллиной «Виринея». Всего он поставил здесь пять замечательных спектаклей – основу нашего репертуара, в том числе «Разлом» Бориса Лавренева, «Зойкину квартиру» Михаила Булгакова, «Заговор чувств» Юрия Олеши. Но в это время заявляют о своих режиссерских планах актеры Рубен Симонов, Борис Захава, Иосиф Рапопорт, настаивая на том, что они – ученики Вахтангова, а Попов – нет, и ему пришлось уйти в другой театр.

– *Все же коллективное управление – это «лебедь, рак и щука»...*

– Это катастрофа для профессионального театра – то, что ожидало МХАТ, когда умерли Немирович и Станиславский. Да, вахтанговцы не ангелы, им хотелось руководить театром, играть главные роли и тоже ставить спектакли... Куда деть свои амбиции? Это же почти подвиг человеческий и этический, когда свои амбиции откладывают и делают что-то во благо других.

– *Почему у соратников Вахтангова не было четкого понимания его идей: что входит в творческое наследие, что именно они должны сохранять и продолжать?..*

– Вахтангов не успел сформулировать и оформить все свои идеи письменно, только близкие ученики записывали за ним, особенно Захава – человек с сильным характером и аналитическим умом. Он и стал главным теоретиком учения Вахтангова, тем, кто пытался объединить его идеи в четкую программу. И занимался этим всю жизнь.

Сложность состояла в том, что Вахтангов мечтал сделать театр, который сочетал бы все прекрасное из системы Станиславского и новшества

Личные вещи
Евгения
Багратионовича –
дар музея
от вдовы
режиссера,
Надежды
Михайловны
Вахтанговой

Мейерхольда. Он стремился все переварить, смешать и создать свое. Но как это реализовать? Ученики приглашали для постановок тех, кто разделял взгляды Вахтангова. Им казалось, что Мейерхольд, которым Вахтангов очень интересовался в последние годы, будет тянуть студию к вахтанговской линии.

– Вахтангов эксперименты Мейерхольда принял. А творческие споры между ними были?

– Они больше переписывались, чем дискутировали. Вахтангову действительно нравилось то, что Мейерхольд придумывал, но он не все у него принимал и считал, что Мейерхольд не умеет работать с актером. Кроме того, у Мейерхольда был тяжелый характер и столько своих амбиций, что, начав с ним работать, вахтанговцы все же не выдержали, и он от них ушел.

– С одной стороны, «Принцесса Турандот» – визитная карточка театра, с другой – была злая критика на этот спектакль: слащаво, манерно, приторно...

– Визитной карточкой эта постановка стала лишь потому, что это был последний спектакль Вахтангова. И в зиму 1922 года, морозную и голодную,

когда состоялась премьера «Принцессы Турандот», Вахтангов хотел с помощью этой красивой сказки сделать людей счастливее. Нравилось это кому-то или нет – неважно. Всем не может нравиться все одинаково.

Его сказка с очаровательно придуманным, но перевернутым сюжетом – это на самом деле трагедия. Вахтангова больше всего интересовали трагифарс и трагикомедия. Сценически – необыкновенно выразительно, сложно, но очень театрално – тот самый «фантастический реализм»! Со дня премьеры спектакль прошел тысячу раз. При возобновлении, в 1963 году, «Принцесса Турандот» объехала и весь Союз, и всю Европу, и везде ее ждал оглушительный успех.

– Почему этот спектакль не обвинили в формализме и не закрыли?

– Я думаю, до 1930 года его воспринимали только как сказку. Но Театр Вахтангова, к счастью, был как-то в стороне от генеральной линии – партийного официоза. Из репертуара сняли только два спектакля – «Зойкину квартиру», мстя Булгакову за «Белую гвардию», и «Гамлета» в постановке Николая Акимова – за формализм. А в 1937 году поставили спектакль «Человек с ружьем».

– То есть «Человек с ружьем» спас «Принцессу Турандот»?

– Не совсем так. Большую роль в этом сыграл Алексей Попов, который с самого начала, придя в театр, взял для репертуара советский материал. Это было существенно для того времени. Рубен Симонов получил за постановку «Человека с ружьем» звание народного артиста РСФСР и стал художественным руководителем театра. Эта была дань власти, после чего можно было ставить классику. И были созданы прекрасные спектакли, в которых играли чудесные актеры – Театр Вахтангова всегда был на плаву.

– Расскажите о продолжении рода Вахтангова – проявились ли его потомки в творчестве?

– Сын его, Сергей Евгеньевич Вахтангов, стал замечательным архитектором. Он был одним из инициаторов и проектировщиков здания для Театра Мейерхольда – сейчас это Зал имени Чайковского. Внук Вахтангова, Евгений Сергеевич, был очень хорошим художником-абстракционистом. В Театре Вахтангова он, совсем еще мальчик, играл два спектакля. А в 1971 году оформил две постановки. За два года до смерти Евгения Сергеевича Зураб Церетели устроил в Академии художеств его персональную выставку. Евгений Сергеевич умер в 75 лет от разрыва сердца. И, собственно, на внуке Вахтангова остановилась творческая традиция семьи. Две его правнучки поддерживают отношения с театром, приходят на спектакли и торжества, но творчеством не занимаются. ❶

ЕВЗЕРИЖИН ЭММАНУИЛ/ТАСС

ИЩУ ЧЕЛОВЕКА

Сталинград.
23 августа
1942 года

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

В ЭТО ТРУДНО ПОВЕРИТЬ, НО ПОТЕРЯВШИЕСЯ В ВОЙНУ БЛИЗКИЕ ЛЮДИ ДО СИХ ПОР ИЩУТ ДРУГ ДРУГА. ДАВНО НЕТ В ЖИВЫХ МАТЕРЕЙ ВОЕННОЙ ПОРЫ, УХОДЯТ ПОСЛЕДНИЕ ДЕТИ ВОЙНЫ, А ПОИСКИ – ПРОДОЛЖАЮТСЯ. ПИСЬМА, КОТОРЫЕ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД ПИСАЛИ СОВЕТСКОЙ ПОЭТессЕ АГНИИ БАРТО ПОТЕРЯВШИЕСЯ В ЭВАКУАЦИИ, ПОД БОМБЕЖКАМИ, В КОНЦЛАГЕРЯХ, ВЕДУТ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ. ТЕПЕРЬ ЭТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ИСТОРИИ ЧИТАЮТ УЧИТЕЛЬ ШКОЛЫ №185 КОНСТАНТИН ТИМЧЕНКО И ЕГО УЧЕНИКИ, СОЗДАВШИЕ ПРОЕКТ «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА».

Поэтесса Агния Барто читает свои стихи

КНИГА АГНИИ БАРТО НАЧИНАЕТСЯ с писем. «Мою пятилетнюю дочку немцы убили на моих глазах... Сын Толя Феропонтов был отправлен в детский приемник. Архивы не сохранились, следы сына исчезли». «Во время эвакуации мой сын девяти лет Петр Хитренья отстал от поезда. На правой руке нет указательного пальца, оторван снарядом». «Одну мою дочь сожгли в печах Освенцима. Двадцать лет ищу вторую дочь, Шуру Королеву. У нее на левой ручке, ниже локтя, выжжен номер 77325». «Ночью подводы с нашими детьми поехали, мы их не догнали. С тех пор ищу Фаню и Борю Дубинштейн». «У меня теплится надежда, что мои Коля и Валерик где-нибудь выросли среди хо-

ВЛАДИМИР САВОСТЬЯНОВ (ФОТОХРОНИКА ТАСС)

Учитель школы №185 Константин Тимченко преподает своим ученикам уроки не только истории, но и человечности

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ЧЕМОДАНЫ С ПИСЬМАМИ

Все началось с того, что в одном из журналов Константин Тимченко увидел интервью с Татьяной Андреевной Щегляевой (см.: «Русский мир.ру» №5 за 2021 год, статья «Рождался новый человек». – Прим. ред.). Дочь Агнии Барто рассказала, что после смерти ее знаменитой мамы в доме остался большой архив. Стопки чемоданов с письмами, присланными со всей страны, возвышались в комнате Агнии Львовны до потолка, пока Татьяна Андреевна не сдала их в архив. К тому времени Константин Тимченко уже имел большой опыт работы в архивах и знал, к каким захватывающим открытиям могут привести исследования прошлого.

Константин пригласил Татьяну Андреевну на собрание школьного кружка по истории. Первый же вопрос, который задал гостье Константин, был о том, в какой архив она сдала письма матери. Оказалось, их надо искать в Архиве литературы и искусства. Там юные историки и обнаружили несколько тысяч писем детей войны. «Вы не представляете, о скольких трагических судьбах рассказывали эти письма», – говорит Константин.

Подростки начали разбирать послания, но за каждую поездку в архив им удавалось внимательно прочитать всего несколько писем. Константин решил, что поиски идут слишком медленно. Тогда он сделал копии сотни писем и раздал ребятам для поисков. «Я понял, что соединять семьи надо либо сейчас, либо уже никогда, – признается Тимченко. – Самым младшим детям войны сегодня за 80. А письма писали те из них, у кого к 1941 году были хотя бы какие-то воспоминания. К началу войны им должно было быть 3–5 лет. Значит, сейчас им уже 85 лет и больше. Еще несколько лет, и мы никого не застанем в живых».

По словам Константина, по сравнению со временем, когда Агния Львовна начинала свои поиски, ситуация в корне изменилась. Тогда были живы не только потерявшиеся дети, но и их родители. При этом возможности поиска были ограниченными: не существовало Интернета, базы данных были неполны и разрознены. Сегодня же большинства адресатов и авторов писем уже нет в живых. Зато увеличились возможности поиска. Раньше на проверку одной версии уходили месяцы, сейчас, если воспоминания сохранили хоть какую-то существенную зацепку, достаточно нескольких минут, чтобы уточнить по электронным базам, жил ли до войны в этом городе человек с такой фамилией.

роших людей... Помогите разыскать сыновей». Документальная повесть Агнии Львовны Барто «Найти человека» сплетается из сотен судеб.

Для большинства Барто – автор стихов, без которых невозможно представить советское детство нескольких поколений (см.: «Русский мир.ру» №8 за 2017 год, статья «И сколько хочешь радуйся». – Прим. ред.). Но с 1964 по 1973 год Агния Львовна вела на радио «Маяк» передачу «Найти человека». О своей работе она написала одноименную книгу, по которой в 1973 году сняли фильм.

После смерти Агнии Барто тысячи пришедших на ее имя писем так и остались без ответа. Но пятьдесят лет спустя молодой московский историк Константин Тимченко и старшеклассники школы №185 возьмутся разобрать архив советской поэтессы и продолжат начатое ею дело. Невероятная идея, кажется, за давностью лет обреченная на неудачу, внезапно обретает второе дыхание.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Дочь Агнии Барто Татьяна Андреевна Щегляева сохранила большой архив писем потерявшихся детей войны, на которые ее мама так и не успела ответить

«ЗВЕНИГОРОД» С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

«...Я заметила, что в детских домах, переполненных сиротами, слово «сирота» никогда не произносится, – отмечает Агния Львовна в своих записных книжках. – Это как бы неписанный закон. Даже праздник придумали новый, особенный – «семейный». Теперь ежемесячно будут праздновать день рождения тех ребят, кто в этом месяце родился...». Заметки были сделаны вскоре после войны: Агния Львовна не раз приезжала в детские дома, давшие

приют сиротам военного времени. Под впечатлением от поездок она написала поэму «Звенигород». А в 1954 году библиотекарь Карагандинского дома инвалидов прочитала поэму Барто своей знакомой, Софье Ульяновне Гудевой, у которой 8-летняя дочка Нина, как дети в поэме, потерялась во время войны. И Софья Ульяновна написала Барто о своей беде. «В ее письме не было никаких просьб, только надежда, что, может быть, Нина жива и выросла в хорошем детском доме», – вспоминала потом Агния Львовна.

Она решила попытаться помочь Гудевой. В Москве существовал Отдел по розыску пропавших детей управления милиции. Туда и обратилась Агния Львовна. Сотрудники отдела сумели найти Нину. Рассказывая об этом Агнии Львовне, майор, который вел расследование, предложил ей первой сообщить Софье Гудевой радостную новость. Софья Ульяновна тут же написала Барто: «...Вы не можете себе представить мое счастье, когда я читала в вашей телеграмме слова: «Горячо поздравляю, ваша дочь нашлась». Сколько лет я искала своего ребенка и сколько лет я проливала слезы! Теперь дочь решила переехать ко мне в Караганду...» Но история Нины Гудевой на этом не закончилась.

В 1964 году Агния Львовна приехала в Караганду на Декаду русской литературы в Казахстане и побывала в семье своей героини. Карагандинские журналисты рассказали о встрече. Заметку перепечатали ТАСС, после чего сообщение появилось во многих газетах. И когда Агния Львовна вернулась в Москву, на столе ее ждали 17 писем. Люди, чьи судьбы были похожи на судьбу Гудевой, просили Барто о помощи. Что ей было делать? Как раз во время раздумий Агнии Львовне позвонили из редакции «Маяка» с предложением выступить на радиостанции. Тогда-то ей и пришла в голову мысль: а что, если искать потерявшихся в войну детей по радио?

ДЕТСКАЯ ПАМЯТЬ

Сотрудники Отдела по розыску пропавших детей отыскивали и вернули родителям тысячи детей. Но для официального розыска им были нужны точные данные. «А как быть, если ребенок потерялся совсем маленьким и не мог сказать, где и когда родился, не знал, как зовут его отца и мать?» – писала Агния Львовна. Таких детей приводили в детские приемники, и часто они не могли назвать даже свою фамилию. Им давали новые фамилии, а иногда и имена, врач определял их возраст. Многие из них так и выросли, не зная, кто они и откуда. Примириться с этим они не хотели и в течение многих лет тщетно пытались отыскать родных. Еще труднее было матерям примириться с мыслью, что они никогда не найдут своего ребенка. Но как его найти, если он всю жизнь прожил под чужой фамилией? Агния Львовна признавалась, что выход ей подсказала особенность детской памяти, которая хранит незначительные, но яркие детали: «Взрослый никогда не обратил бы на них внимания, а ребенок запомнит на всю жизнь». И именно эти де-

МАКС АЛЬПЕРТ/ТАСС

тали нередко становились спасительной нитью, которая помогла разделенным войной людям найти друг друга.

«Бабушкин дом стоял на горе. Когда спустишься с горы, перед тобой открывается дорога. Там были посажены фруктовые сады, прямо на берегу реки. Как сейчас вижу крышу родного дома. Одна сторона крыши крыта красной черепицей, вторая – каким-то другим материалом». «Мы с братом поменьше, кажется, его звали Сережа, катались на калитке сада, она была скрипучая, и мы считали, что наша калитка с музыкой». «Отец пришел прощаться, я спряталась под стол, но меня оттуда извлекли. Отец был одет в голубую гимнастерку с самолетами... он принес мне огромный кулек яблок (красных, больших)... Ехали на грузовике, я крепко держала в руках игрушку, корову». Парадоксальным образом в этих обрывках воспоминаний – ничего не значащих для посторонних людей и таких важных для близких – родители и их повзрослевшие дети узнавали друг друга.

Зима 1942 года.
Беженцы

СОЕДИНЕННЫЕ

Все девять лет, пока шла передача, Агния Львовна читала приходившие в редакцию письма, наполненные деталями, недостаточными для официальных поисков, но безошибочно опознаваемыми теми, чьих судеб они касались.

«Никто ничего об этой девочке не знал. В детском доме сохранилась единственная запись: «Неизвестная Нелли. Отец на фронте, мать неизвестна». Потому и фамилию девочке дали Неизвестная. Тогда ей было 4 года, а теперь она взрослая и хочет знать: откуда она, чья?»... – рассказывала Агния Львовна. Воспоминания Нелли отрывочны, но четко отпечатались в детской памяти: «...Ночь, гул самолетов... Помню женщину, на одной руке у нее грудной ребенок, в другой тяжелый мешок с вещами... Мы бежим куда-то, продираясь в толпе, я держусь за ее юбку, а рядом со мной бегут два мальчика, одного из них, кажется, зовут Роман». Можно ли по этим при-

Эвакуация детей
из блокадного
Ленинграда

знакам узнать Нелли? Гул самолетов, бегущая толпа – увы, это почти типичная картина тех лет. Надежды было мало, но Агния Львовна решила: надо попытаться. История Нелли заняла в передаче несколько минут. Но как ни удивительно, этих минут оказалось достаточно, чтобы изменить всю судьбу Неизвестной. Передачу услышали ее родители, и через несколько часов на радио пришла телеграмма из Феодосии: «Нелли наша дочь. Семья Ферштер». Позже Агния Львовна узнала, как потерялась Нелли. Со станции под страшной бомбежкой отправлялся последний состав с эвакуированными. Мать с грудным ребенком и двумя мальчиками – одного из них действительно звали Роман – еле втиснулась в вагон, когда вдруг увидела, что нет дочки. Остатся искать ее значило рисковать остальными детьми: фашисты были уже на окраине города. И вот через 23 года Нелли узнала, что ее маму зовут Ада, а не Надя, как она всю жизнь полагала. И даже ее саму зовут не Нелли, а Мэри. Значит, и то небольшое, что Нелли знала о себе, было неверным. Единственное, что было точным, – это детское воспоминание о страшной ночи. Еще недавно Агнии Львовне казалось: найти ребенка, если имя и фамилия его изменены, почти невозможно. Но после случая с Нелли ей стало легче решать подобные задачи со многими неизвестными, признавалась поэтесса.

ВСЕМ МИРОМ

Передача «Найти человека» была всенародной. Агния Львовна неоднократно говорила, что ей никогда бы не удалось добиваться успеха в розысках, если бы ей не помогли сотни незнакомых людей. Вот Барто рассказывает в книге, как она искала родных Надежды Федоровны Пустоваловой из Ленинграда. «Помню, что жили мы недалеко от самой большой бани, которая в то время находилась на углу двух улиц и называлась на букву «Б». Улица наша называлась на букву «О», – было написано в пришедшем в адрес передачи письме. Агния Барто обратилась по радио к ленинградцам с просьбой подсказать, где была баня на букву «Б» на углу двух улиц, рядом с улицей на букву «О». Ее просьба вызвала шквал писем. Люди присылали старые планы города, нарисованные от руки планы улиц, чертежи, полный перечень ленинградских бань. Вот в письме – подробное перечисление всех питерских улиц 1939 года, начинавшихся с буквы «О» – от Ораниенбаумской до Ординарной. Но бани на букву «Б» нет ни на одной из них, сокрушается автор. Поиски зашли в тупик, и Агния Львовна отложила письмо в архив. А через полгода в адрес передачи пришла весточка: «В передаче 13 мая вы говорили, что бывшая ленинградская девочка искала родных. У меня пропала племянница в Ленинграде в 1942 году. Сестра моя ходила рыть окопы, дочка ее пропала с улицы, ее увела чужая женщина. В письме Надежды Пустоваловой говорилось, что с ними жил дядя, имя которого она не помнит, жила она на Сердобольской улице, на которой есть большая баня...» Агния Львовна была в полном недоумении: почему автор запоздалого отклика, Татьяна Григорьевна Евдокимова, считает, что Надежда Пустовалова – ее племянница? Ведь не совпадали даже названия улиц. Сходилось только упоминание о бане. Тем не менее адрес Надежды был сообщен предполагаемой тете. Еще через пять месяцев Агния Львовна получила второе письмо: потерявшаяся в войну девочка действительно была племянницей Евдокимовой. Оказавшись на месте, молодая женщина безошибочно нашла свой родной дом. А Сердобольскую улицу детская память запомнила по самому звонкому в ее названии звуку.

ВСЕВОПОД ТАРАСЕВИЧ/РИА НОВОСТИ

НОВАЯ ВОЛНА

Константину Тимченко и его ученикам, спустя пятьдесят лет вернувшимся к историям из писем Барто, удалось сделать то, на что почти не было надежды. «Давайте расскажу вам счастливую историю». – Константин открыто гордится их с ребятами победой. Жили в Белоруссии до войны сводные брат и сестра. У них была одна мать и разные отцы. Сестру звали Мария Леонова, брата – Григорий Мамриков. К июню 1941 года у Марии Леоновой было четыре сына. А Григорий Мамриков окончил ветеринарный институт в Витебске, женился на своей однокурснице, у них росли два сына – Юлий, 1937 года рождения, и Аркадий, 1939-го.

Много лет спустя Костя Тимченко нашел в архиве Барто письмо. В 1965 году воин Советской армии, сын Марии Леоновой Федор Федорович Леонов, написал: «Помогите, пожалуйста. Моя мама ищет своих племянников, Юлия и Аркадия, с которыми у нее нет связи с начала войны». Когда началась война, сообщает автор письма, мать Юлия и Аркадия ушла в армию и не вернулась. А Григорий Мамриков по заданию партии остался на оккупированной территории, был предан и расстрелян в 1942 году. Судьба его сыновей была неизвестна. Федор Леонов просил Агнию Барто помочь найти двоюродных братьев. Мария Ефимовна Леонова так ничего и не узнала о судьбе Юлика и Аркадия, которых искала всю жизнь. Местные власти не смогли ей помочь, а Агния Львовна – не успела. Но 28 апреля 2020 года двоюродные братья, семьи которых на 79 лет разлучила Великая Отечественная война, снова были вместе. Потому что московские школьники и их учитель Константин Тимченко вернули из небытия старое архивное письмо.

Необычная фамилия братьев давала юным историкам надежду на удачный поиск. Интернет показал, что в городе Долгопрудном Московской области живет несколько Мамриковых. Всем им ребята написали, и один из адресатов откликнулся: Аркадий Мамриков был его дедушкой. Потом Костя и его помощники написали в соцсети всем Леоновым Климовичского района Витебской области в Белоруссии, где до войны жила семья. Интернет помог и здесь. «Автор письма – мой двоюродный дедушка», – написала им Марина Леонова. Так были найдены обе семьи.

Оказалось, что из четырех братьев Леоновых, которые в начале войны остались в Белоруссии, а потом искали Мамриковых, сегодня жив только один. Автор письма, Федор, умер пятнадцать лет назад, два других брата тоже не дожили до сегодняшних дней. А Владимир Федорович – жив. Из братьев Мамриковых в живых остался только Аркадий Григорьевич Мамриков, сейчас ему 82 года. Владимиру Федоровичу Леонову – 85 лет.

На видео, оставшемся от той исторической – хоть из-за ковида и заочной – встречи, в дачном домике сидит на табуретке пожилой человек в клетчатой рубашке. Рука, которой он держит телефон, дрожит от волнения. Брат Володя звонит брату Аркаше: «Мой миленький, всю жизнь моя мать проплакала, искала вас, – плачет в трубку пожилой человек. – Спасибо, что вы нашлись... Была бы возможность, я бы сейчас к вам прилетел». «Мы тоже вас искали», – отвечает тот. Рассказывает, что Юлика и Григория уже нет в живых (Григорий – младший сын Мамриковых, названный так в честь отца. Он родился в 1941 году накануне войны, и Леоновы не знали о его существовании. – Прим. авт.). Внучка успокаивает Владимира Федоровича: «Дед, не плачь». А братья пересказывают друг другу истории своих семей за все восемьдесят лет, что они были в разлуке.

Из разговора выясняются обстоятельства гибели Григория Мамрикова. Леоновы думали, что он

ФОТОХРОНИКА ТАСС

остался в подполье на оккупированной территории и погиб. Сын объясняет: нет, Григорий ушел с нашими отступающими войсками, дошел до Вязьмы и погиб в окружении. Оказалось, что и мама братьев Мамриковых вернулась с войны, она не погибла, как считали потерявшие ее родные. Марина Васильевна после войны тоже долго и безуспешно искала родственников погибшего мужа. В 1971 году в геологоразведочной экспедиции погиб младший сын Мамриковых, Григорий, в начале 1980-х умер старший, Юлий. Да и автора того самого письма на радио, Федора Федоровича Леонова, уже пятнадцать лет нет в живых. Но спустя полвека Константин Тимченко и его команда исполнили просьбу Федора Федоровича. «Мы рады, что благодаря нашим усилиям потерявшиеся во время войны люди нашли друг друга», – говорит Константин.

ЗАЧЕМ ПРОДОЛЖАТЬ ПОИСК?

Кажется, что возрожденному проекту «Найти человека» отпущено всего несколько лет жизни. Тимченко признается: ему самому приходила в голову подобная мысль. Вот недавно они с ребятами нашли еще две семьи из архива Барто. И выяснилось, что потерявшийся маленьким мальчиком старик – умер. А искавшая его старшая сестра умерла еще

Эвакуация ленинградского детского дома. 1942 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО КОНСТАНТИНОМ ТИМЧЕНКО

Стас Кожемякин, Матвей Алябьев и Никита Мосин в читальном зале Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) изучают письма в адрес радиопередачи А. Барто «Найти человека»

раньше. «И так из раза в раз: умерли все – и те, кто искал, и те, кого искали. Казалось, пришло время закрывать проект», – признается Константин.

Но недавно ребята передали письмо из архива Агнии Барто еще в одну семью. Ни потерявшегося сына, ни искавшей его женщины тоже давно не было в живых. Но четыре страницы письма, присланного ему в 1960-х годах на радио, были такими пронзительными, что их невозможно было отложить в сторону, вспоминает Тимченко.

Мать искала сына, потерявшегося во время эвакуации. Тогда Агния Львовна не смогла помочь в поиске, и, как оказалось, впоследствии женщина нашла своего ребенка сама. Но ни внуки, ни правнуки не знали о письме прабабушки в адрес передачи «Найти человека», где подробно описывались обстоятельства потери. И Константин рассказывает историю воссоединившейся семьи, извлеченную из забвения.

Потерявшегося мальчика звали Адольф Каартинен. Благодаря редкому сочетанию имени и фамилии юные историки быстро нашли в Интернете упоминание о нем: бывший узник фашистских лагерей Адольф Тойвович Каартинен приходил на открытый урок в одну из школ Чебоксар. Оказалось, что заместителем директора в этой школе работала племянница Адольфа Тойвовича, Ольга Васенина. Константин организовал телемост между учениками чебоксарской и московской школ. «Ольга Геннадиевна плакала, когда я читал письмо», – рассказывает об этой встрече Константин.

Адольф Тойвович умер несколько лет назад, но найденное письмо произвело в его семье очень сильное впечатление, заставив потомков заняться исследованиями родословной. «Теперь в работе над проектом мы стараемся соединять не только

живых, – объясняет Константин. – Даже если все, о ком идет речь, умерли, мы все равно будем возвращать письма их потомкам».

А Ольга Геннадиевна теперь может рассказать историю своей семьи. Ее бабушку, Лидию Робертовну Ильину, девочку-сироту из Ленинграда, удочерила семья выходцев из Прибалтики, живших в том же городе. Лида выросла на Васильевском острове, вышла замуж за финна Тойво, родила сына Адольфа. В 1937 году ее отец и муж получили двадцать лет без права переписки. Теперь известно, что эта фраза означала расстрел. А тогда молодая жена «врага народа» с сыном и приемной матерью ждала мужа домой. Лидия Робертовна в 1941-м ушла на фронт сержантом медицинской службы, вернулась домой в декабре 1945-го – и не нашла своего сына.

Вместо дома была выжженная земля. Она долго искала Адольфа, но надо было жить дальше. Лидия вновь вышла замуж, родились сын и дочь. Но она продолжала искать своего пропавшего ребенка. А Адольф Каартинен попал сначала в концлагерь, после войны оказался в детском доме. Там, не помня по малолетству своего имени, он стал Сергеем Малаховым, работал в Архангельске. Только в 1974-м благодаря усилиям многих людей мать и сын нашли друг друга. Сергей вернул свое настоящее имя, обрел новую большую семью и прожил жизнь там же, где жила его мать, – в Чебоксарах.

На этом семейная история этих людей должна была бы завершиться. Но 7 мая 2020 года внучке Лидии Робертовны Ильиной, Ольге Васениной, участнице проекта «Найти человека» передали обнаруженные ими архивные документы. Никто в семье не знал, что их бабушка обращалась к Агнии Барто за помощью. И только упорная работа юных поисковиков помогла этой истории ожить. «У меня вторая семья, хороший муж, взрослые дети. Но поверьте, мой первенец меня все время зовет...» – писала Лидия Робертовна Агнии Барто.

Ольга Васенина долго не решалась обнародовать историю своей семьи. Считала, что глубоко личное не стоит выносить на публику. Но «есть моменты, когда судьба сама заставляет осознать, что самое ценное в мире – жизнь близкого человека, с которым тебя в одночасье может разлучить болезнь. Или война. Или еще что-нибудь страшное, – призналась она. – Сейчас вроде бы не стреляют, а страх за детей, за родных, за себя есть. И тогда хочется начать жаловаться, ныть. А потом вспомнишь семейную историю о том, что люди переживали более страшные времена. И жили, и давали жизни другим. И твоя обязанность – вместе с рассказом об их судьбе передать их жизнестойкость своим детям».

«Эта удивительная история очень важна для нашей семьи, – говорит Ольга Васенина. – Когда нам передали письмо и мы узнали всю историю в подробностях, мы особенно остро поняли, как важно, чтобы близкие всегда были рядом. А войны быть не должно, именно она разлучает людей». ❀

Петр Великий.
Портрет работы
неизвестного
художника.
1710-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА В РОССИИ ПРИСТАЛЬНО СЛЕДИЛИ ЗА ПРОИСХОДЯЩИМ ВО ФРАНЦИИ И ПРИСМАТРИВАЛИСЬ К ВОСХОДЯЩЕЙ ЗВЕЗДЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА – ДЖОНУ ЛО. В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕРЦОГА ОРЛЕАНСКОГО РЕШИЛО ВЗЯТЬ НА ВООРУЖЕНИЕ СМЕЛЫЕ ИДЕИ ЛО: СОЗДАТЬ ОСОБУЮ КОРПОРАЦИЮ, КОТОРАЯ МОНОПОЛЬНО КОНТРОЛИРОВАЛА БЫ КОЛОНИАЛЬНУЮ ТОРГОВЛЮ И СБОР НАЛОГОВ И СВЕРХ ТОГО ОБЛАДАЛА БЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ НА ВЫПУСК ЦЕННЫХ БУМАГ И БАНКНОТ.

В МАЕ 1716 ГОДА БЫЛ создан акционерный Частный общественный банк. Банку Ло, находившемуся под покровительством герцога Орлеанского, на двадцать лет разрешался выпуск векселей к оплате золотой и серебряной монетой и прием депозитов. Параллельно Ло, убежденный, что Франции необходимо активизировать морскую торговлю и закрепить за собой прибыльные колониальные владения, возглавил привилегированное акционерное общество, известное как «Западная», или «Миссисипская компания».

Этому мощному предприятию на 25 лет предоставлялись монополия на канадскую торговлю бобрами и полное право собственности над Луизианой – обширной французской территорией в Новом Свете, в состав которой тогда входили современные штаты Арканзас, Айова, Висконсин, Луизиана, Миннесота и Миссури. Пытаясь закрепиться на новых территориях, формально находившихся под контролем Испании, руководители французских колониальных экспедиций возводили здесь крупные военные базы: форты Фронтенак (ныне Кингстон) на озере Онтарио и Поншартрен (ныне Детройт). В феврале 1682 года, достигнув реки Миссисипи, французский исследователь Рене Робер Кавелье де Ла Саль назвал ее «река Кольбер». Спустя несколько лет у ее устья, неподалеку от острова Дофин, появились форты Новый Орлеан и Луи. «Западная компания» получала также права на владение землями, которые еще могут быть открыты в этих широтах, и наделялась полномочиями назначать губернаторов и должностных лиц, а также иметь свои войска.

Организованная Ло рекламная кампания приносила быстрые плоды. Луизиана описывалась как дивный рай с горами, наполненными золотом, серебром и медью. Местные жители, эти милые приветливые красноко-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жие люди, с готовностью будут обменивать золото и серебро на кожи, топоры, копыя и спиртное. На улицах Парижа раздавались гравюры с изображением дикарей Луизианы, гостеприимно встречающих колонистов. Все желающие могли подписаться на акции компании, обещавшей неслыханные прибыли от торговли. После выплаты в июле 1718 года дивидендов за первое полугодие в стране начался финансовый бум.

С каждым месяцем запущенный Ло маховик обогащения раскручивался. 4 декабря 1718 года Частный общественный банк приобрел статус первого центрального банка Франции. Теперь он именовался «Королевский банк» и раскинул сети по всей стране, выпуская свои акции и торгуя опционами. Эта гигантская корпорация контролировала налоговые по-

ступления от продажи табака, Королевский Монетный двор, государственные долговые обязательства. К маю 1719 года «Западная компания» Ло поглотила «Сенегальскую», «Французскую Ост-Индскую» и «Китайскую» компании: новообразованная «Компания Индий» претендовала на управление территориями и торговлей в Канаде, на мысе Доброй Надежды, восточном побережье Африки, берегах Красного моря, островах Тихого океана, в Персии, Монголии, Сиаме, Японии, Китае, Южной Америке. Выкупив у казны остров Бель-Иль, компания начала возведение на бретонском побережье новой гавани – Лорьян. Зимой 1719 года в Ост-Индию, в Пондишери, Сурат и к Китаю направились два десятка торговых кораблей с товарами. Успех ослепил Ло. И было от чего! Государственная казна по-

Лagerь Джона Ло в Билокси, Миссисипи. 1720 год

Ф.-Ж. Жоллен. Торговля между французами и индейцами в порту Миссисипи. Акварель. Около 1720 года

Джон Ло, шотландский экономист и финансист. Портрет приписывается художнику А.-С. Беллю

полнялась сотнями миллионов ливров, оживилась промышленность. Новые доходы от продажи дополнительных выпусков акций и ускорявшаяся эмиссия бумажных денег создали иллюзию бесконечного обогащения и перечеркнули трезвые математические расчеты шотландского банкира. Мыльный пузырь раздувался. Разработчики спекулятивной схемы внимательно следили за ситуацией на рынке бумаг и поднимали курс акций, выдавая «новые» акции при предъявлении четырех «старых». Все бросались скупать прежние акции. Через неделю выпускали еще 50 тысяч акций, но, чтобы их получить, следовало предъявить четыре «старых» и одну «новую». «Старые» акции выросли в цене до тысячи ливров, и по тому же курсу организаторы запустили «новые». В результате компания выручила 50 миллионов ливров за акции в 25 миллионов номинала. За три следующие недели было распродано еще 300 тысяч акций на 150 миллионов по нарицательной цене, за которые компания выручила 1,5 миллиарда ливров, по установившемуся же курсу они стоили 3 миллиарда ливров. Все жители Парижа, казалось, переехали на улочку Кенкампуа в старинном Ломбардском квартале, где когда-то ютились конторы менял. Но ростовщикам и привидеться не могли масшта-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бы сделок, совершавшихся в расположившейся здесь «Миссисипской компании». В Лионе, Страсбурге, Бордо и Брюсселе все места на дилижансы в Париж разбирались за два месяца. На мостовых перед офисом компании часами простаивали экипажи титулованных аристократов, готовых распродать последние фамильные драгоценности, только бы успеть приобрести акции компании. Люди лезли в окна, толпились возле дверей, пролезали по печным трубам. Запущено было в обиход и новое слово, которым называли счастливицков, которые вчера еще едва сводили концы с концами, а сегодня в золоченых каретах проезжали по улицам Парижа, – «миллионер».

Январь 1720 года стал подлинным триумфом для Ло: его утвердили генеральным контролером финансов. Он превратился в могущественнейшего и богатейшего человека Франции.

Но созданная Ло финансовая пирамида не могла существовать бесконечно. Стремительный рост французской экономики закончился полным крахом. Под натиском инфляции система Ло стала рушиться. Всесильный банкир пытался силовыми мерами выправить ситуацию: в феврале 1720 года он добился, чтобы власти запретили держать дома наличность в звонкой монете свыше 500 ливров. Тем самым его банк смог на время поддержать котировки своих акций, так как никто не смог предъявить к оплате бумаги свыше определенной суммы. 4 марта последовал указ, запрещающий обращение золотой монеты; с 1 сентября из обращения были выведены серебряные деньги. Но эти действия лишь отсрочили крах. Ажиотаж покупок обернулся кошмаром продаж. Люди бросились сдавать акции, банк захлебнулся. Ло превратился в преступника номер один. Ему удалось бежать из страны. Сначала он осел в Брюсселе, в декабре 1721 года прибыл в Лондон, а затем перебрался в Венецию. Некоторые

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ажиотажная скупка акций «Индийской компании» Джона Ло. Карикатура

исследователи полагают, что Ло был вовлечен в заговоры якобитов. Сочувствуя планам реставрации Стюартов, он оказывал им финансовую помощь. Ходили слухи, что ему был предложен пост секретаря при Якове III и, проживая в Венеции, финансист дважды встретился с «королем из-за моря», который приезжал в город инкогнито. Подробности их бесед остались неизвестны. Скончался Ло в 1729 году. Век спустя внучатый племянник, Жак Александр Ло де Лористон, маркиз де Лористон, маршал Франции и посол в России, перезахоронил его тело в церкви Сан-Муаз близ площади Сан-Марко.

ПЛАН ЩЕРБАТОВА

Готовя перевод книги шотландского банкира, Щербатов, скорее всего, не имел представления о политических нюансах деятельности Ло и стремился ознакомить царя с его экономическими воззрениями. Следуя идеям «господина Ляуса», Щербатов предлагал с помощью банков и выпуска бумажных «обещательных писем», более удобных в обращении, чем серебряные деньги, оживить внутреннюю торговлю в России. «Банковские письма, – по мнению Щербатова, – суть те денги, ибо за денги ходят, и их использование «может быть прибыльно государству вашего величества». Перечисляя возможные выгоды от использования банкнот, князь сокрушался, что «поньше российский народ не приучился к банку» и уточнял преимущества новой платежной системы: «те бумажные денги способнее к здаче, две тысячи рублей в бумаге можно заплатить в меньшее время, нежели двадцать рублей в серебре». Кроме того, они «мало места занимают и без потери». Ключевое значение в своих планах Щербатов придавал организации акционерной торго-

Париж во время паники на рынке акций в 1720 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вой компании, капитал которой складывался из взносов пайщиков, причем все металлические деньги участники должны были обменять в банке на «билеты».

По замыслу Щербатова, компания должна была выпустить акций на 20 миллионов рублей, причем владельцы акций не могли получить деньги обратно, но имели право перепродавать их. Предусматривалось, что создаваемая компания расширит торговлю с Персией и Китаем, а также установит торговые связи с Испанией, Португалией, Италией и будет посылать туда товары на отечественных кораблях. Предлагая установить торговые отношения с Испанией и Португалией, которые владели колониями в Америке и Азии и являлись основными поставщиками золота и серебра в Европу, Щербатов рассчитывал увеличить запасы драгметаллов в России. Чтобы лучше следить за состоянием спроса на рынке, купеческая компания должна была послать во все важнейшие страны агентов, «знающих торг» и «тем агентам приказать накрепко, дабы смотрели в тех землях, в которые посланы будут, каким способом торг распространять».

Но крах французской «Миссисипской компании» и британской «Компании Южных морей»

продемонстрировал, насколько рискованными были вложения в колониальные мыевные пузыри. И, как выясняется, не один князь Щербатов интересовался планами Ло и сообщал о них в Петербург. Информировали о замыслах Ло и некоторые российские представители, проживающие в Париже, которые, стремясь сорвать банк, вложили деньги в финансовые спекуляции. Одним из них был царский крестник и бывший денщик, а теперь специальный агент Алексей Юров, направленный в Париж для закупки картин и книг. В рапорте от 15 июля 1720 года, адресованном «придворному секретарю» Петра I Алексею Макарову, Юров красноречиво описал панику, охватившую Париж в момент крушения банка Ло, когда «банкир многих бумажными деньгами обманул и ушел». «Франция пришла в великую скудость, понеже ни у ково денег нет ничево, а ходят толко билеты банковья, которых в комерцию никто не берет, отчего много помирало з голоду. А в банке не платят больше десяти гулденов, а ныне и ничего не дают». Вложив средства в ассигнации банка Ло, Юров сам оказался на грани банкротства. Чтобы избежать разорения, он женился на дочери состоятельного торговца де Волиса, одна-

ко приданого супруги не хватило, чтобы оплатить все долги. «Из двора выйти не могу, также и питаться нечем», – жаловался Юров, надеясь, что царь войдет в его положение. В Петербурге благосклонно отнеслись к просьбе Юрова помочь ему рассчитаться с кредиторами. В письме послу князю Куракину Петр писал, что «женильба его нам не противна, а тот долг за него велели мы отдать здесь французскому министру Кампредону». В июле 1724 года Юров покинул Париж и в сентябре вернулся на родину.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Нам неизвестна реакция императора на записку Щербатова. Однако нет никаких сомнений, что предложенный план создания банковской системы и переориентирования российской внешней торговли на новые рынки не остался без внимания. Старый проект Салтыкова дополнился новыми звеньями: военно-научными экспедициями по отысканию золотых россыпей и водного пути из Средней Азии в Индию и морскими экспедициями, отправленными в Тихий океан для прокладки пути в Японию, Китай и Индию. И вполне можно разделить чувства одного из крупнейших специалистов по Петровской эпохе, историка Евгения Анисимова: «Дух захватывает от идей царя, мечтавшего с помощью каналов и поворотов рек добиться того, чтобы однажды, сев на судно в Петербурге, сойти с него на берегах Инда».

В деталях замыслы императора не всегда как-либо оформлялись, некоторые из них рождались совершенно спонтанно. Очертания петровских планов нелегко собрать в единое целое, подчас они нащупываются, исходя из общего анализа происходящего. Особенно в том, что касается географической периферии. Именно в этих отдаленных областях труднее всего реконструировать политические замыслы императора. Они многослойны, разноплановы и постоянно варьиро-

Ладожский канал.
Карта XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вались; информация же о них противоречива и обрывочна. Под пером стольника Салтыкова, скончавшегося в Лондоне в 1715 году, или князя Щербатова планы эти принимали различные формы, детали их проявлялись в отдельных эскизных фрагментах угадываемого последнего дела Петра Алексеевича.

Не думал ли Петр об альтернативных путях на Восток, прорубая окно в Европу? Проявляемый им интерес к Средиземному морю, испанской торговле, французским планам экспансии и Америке приоткрывает занавес над далеко идущими океанскими замыслами императора – Тобаго, Вест-Индия, Мадагаскар. Переориентируя персидскую шелковую торговлю в направлении Волжского речного пути, Петр I рассчитывал предстать перед Европой в качестве могущественного посредника восточной торговли, возрождавшего Великий шелковый путь. Как следует из записок Нартова, «желание Его величества было безмерное соединить сим море Каспийское с морем Балтийским и составить в государстве своем комерцию северо-западную и восточную чрез сопряжение рек Меты и Тверды одним каналом. Из Финландскаго залива чрез Неву в Ладожское озеро, оттуда чрез реку Волхов в озеро Ильмень, в которое впадает Мета, а тою рекою до реки Тверды, впадающей в Волгу, а сия в Каспийское море». Еще своим указом от 19 сентября 1718 года Петр начал возведение Ладожского канала – крупнейшего в Европе гидротехнического сооружения, позволявшего вести суда в обход Ладожского озера. 26 июня 1719-го Петр I передал в управление новгородскому купцу Михаилу Ивановичу Сердюкову Вышневолоцкий канал, проходивший на месте древнего волока. Сердюков, неоднократно вызывавшийся навести порядок на заброшенном водном пути, связывавшем Петербург с Волгой, выполнил данное им обещание и сумел увеличить судопропуск канала, проведя реконструкцию деревянных

Михаил Иванович Сердюков (1678–1754), российский купец, судостроитель, выдающийся гидротехник-самоучка. Портрет работы неизвестного художника

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

плотин на реке Шлине и прорыв каналы до реки Цны (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2016 год, статья «Между Цной и Твердой». – Прим. ред.).

Это были только первые подступы к восточному броску, взгляд Петра устремлялся дальше – в сторону Каспийского и Черного морей. В мае 1722 года, когда на повестке дня стоял Персидский поход, император направился по Москве-реке в Оку и лично убедился в несовершенстве транспортных связей между Москвой и Волгой. Пребывая в Коломне, он отдал распоряжение Сенату начать осмотр состояния рек от Яузы до Клязьмы. Проведя предварительные работы, следовало начать реорганизацию «судового хода» до Волги и искать, «где удобнее сделать каналы и слюзы». Общий надзор за работами был поручен вице-

губернатору Московской губернии Ивану Воейкову. На проведение инженерно-строительных работ было выделено 5 тысяч рублей. За строительство отвечал военный инженер генерал-майор Георг Вильгельм де Геннин, в помощь ему были направлены шлюзный мастер Граффорст, инженер-поручик Люберас и несколько человек «кондукторов из русских». В июле 1722 года император распорядился начать землемерные работы между Москвой и Волгой «в осень, как реки замерзнут измерять версты реками и, начав от Москвы, Московою рекою, Окою и Волгою до Астрахани, города от города, и ставить столбы толко по городам, кои стоят по берегам помянутых рек, сколько от города до города будет рекам верст».

Начиналась также подготовка строительства сети дорог вдоль Днепра и сплошной водной магистрали через днепровские пороги. Указом от 13 февраля 1724 года предписывалось найти удобное место для крепости ниже порогов. С этой целью в самое сердце Запорожской Сечи, к острову Хортица, был направлен военный инженер француз Александр Клапье де Колонг. Миссия его, впрочем, не увенчалась успехом. В октябре 1724 года, донося из Киева адмиралу Федору Апраксину о результатах своей поездки, он вынужден был признать, что «оных порогов осмотреть было мне невоз-

Ж.-Б. де ла Траверс. Вышний Волочёк. 1786 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Китобойный промысел в Арктике. Гравюра. XVIII век

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

можно против данной мне инструкции, понеже близ оных живут запорожские казаки и непрестанно ездят в степи и ни по которому образу невозможно мне видеть пороги без страху». Вынашивая планы «восточной коммерции», Петр решил привлечь к своим планам и Джона Ло. Для этого царь воспользовался услугами управителя Шпалерной мануфактуры в Петербурге и асессора Берг-коллегии Габриеля Багаре де Пресси. Приглашая в Россию Ло, Петр I обещал ему сказочные перспективы: княжеский титул, должность обер-гофмаршала двора, чин действительного тайного советника и орден Андрея Первозванного. Ло надеялся на 200 дворов крепостных и получал в свое распоряжение личную гвардию в 100 человек. Приехав в Россию, Ло должен был провести колонизацию берегов Каспия: основать новые города и привлечь иностранных колонистов. Но Ло предложение Петра не принял, по-видимому, отдавая себе отчет в том, насколько трудно будет воплотить столь далеко идущие замыслы царя.

Об одном из них в представленном царю «Мнении» князь Щербатов рассуждал как о наиболее прибыльном. Касался он организации рыбного промысла в Белом море и создания торговой сети по продаже рыбопродуктов в Италии, Испании и Португалии. «Для зачатия той торговли, — писал Щербатов, — выписать из Англии рыбаков,

которые бывали в Новонайденной земле и знают, какую рыбу ловить и как солить». Дешевая же рабочая сила, легкие кредиты и низкая себестоимость рыбного промысла обеспечат России конкурентные преимущества перед Нидерландами и Великобританией. Одновременно разрабатывались планы возобновления китобойного промысла у побережья Лапландии, находившегося в монопольном владении торговых компаний Нидерландов. В марте 1721 года французский агент в Петербурге Анри Лави доносил в Париж, что несколько лет назад некий английский негоциант подал Петру записку,

в которой предложил учредить рыболовецкую компанию для ловли семги, трески, моржей и китов в водах от Двины до Печоры. Одобрив записку, Петр I передал ее «для просмотра» в Коммерц-коллегию. По информации консула, русские предприниматели вложили в дело 36 тысяч рублей, получив прибыль в размере 28 тысяч.

В ноябре 1721 года в частной беседе с французским посланником Жаком де Кампредоном граф Петр Толстой вернулся к вопросу о китобойной компании, подчеркнув, что «царь приказал держать его в секрете до самого приведения в исполнение». По его словам, «голландцы, пользуясь нашим невежеством, почти одни присвоили эту ловлю и извлекают из нее громадные барыши. Мы должны этим богатством поделиться, образовавши вместе компанию; управляющим назначим французов, и им представлены будут все возможные покровительство, льготы и выгоды...».

К созданию новой китобойной компании был привлечен приехавший с де Кампредоном в Петербург парижский купец Лебон. При создании предприятия отталкивались от опыта Сальной компании, патронируемой князем Меншиковым и контролирующей промыслы воровани на Русском Севере. Все подготовительные работы по организации компании в Коле и Архангельске следовало, по указанию государя, держать в тайне от англичан и голландцев. В перспективе речь шла об организации в Архангельске китобойной компании с участием западноевропейских партнеров, указ о создании которой появился 8 ноября 1723 года. В ее распоряжении находилось пять судов, укомплектованных русскими матросами, «ловцов» же следовало вывезти из Голландии.

Петр готовил тайные коммерческие операции по заведению торговых контор в Кадисе и Бордо, созданию торговой компании в Испании и организации торговли персидски-

И.-Г. Таннауэр. Портрет президента Коммерц-коллегии графа Петра Андреевича Толстого (1645–1729)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ми товарами в Европе. С этой целью в Испанию в 1721–1722 годах с извещением о заключении мира со Швецией был направлен норвежский капитан Питер Бредаль. В задачи его миссии входила своего рода «рекогносцировка» позиций Испании, а также наём морских офицеров на русскую службу и сбор сведений о возможности открыть русско-испанскую торговлю. В записке по итогам поездки, поданной в Коллегию иностранных дел, Бредаль сообщил о готовности Испании установить дипломатические отношения с Россией.

К делу подключили и князя Щербатова: 20 августа 1723 года Иван Андреевич получил секретный указ об отправке в Испанию. Ему предписывалось под видом «валентира» направиться в Кадис – главный порт на Атлантическом океане. Здесь следовало основать консульство и организовать русскую торговлю, но на первых порах «все сие держать в великом секрете», «все разузнать о потребных товарах», определить специфику местного товарооборота и «тайным образом разведовать о той коммерции и разговаривать с купцами». Особый интерес в Петербурге придавали информации о флоте, «которой из Гиспаний в Америку ходит». Щербатову также предписывалось узнать, по какой цене испанцы покупают корабли, и сообщить об этом в Петербург.

Однако не только вопросы кораблестроения вызывали интерес у российской стороны. Сохранились протоколы специального межведомственного совещания в заседании Коллегии иностранных дел с представителями Коммерц-коллегии, прошедшего 25 июня 1724 года. На нем обсуждался перечень товаров, которые могла бы экспортировать Испания. Среди так называемых «товаров американских» (из Испанской Америки) на первом месте были «золото – пистолями из Мексики и Перу», серебро («ефимки, в Индии деланные, и слитки из Мексики и Перу»),

Бордо.
XVIII век

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жемчуг, изумруд, а также «кин-кин» («пригодно в лекарство») и «кокао и банил – употребляются для дела шекулата».

7 ноября 1723 года дело вошло в решающую фазу: последовал именной указ Щербатову. «Ехать тебе в Кадис», – распорядился Петр, направив в помощь князю «валентиров»: Якова Евреинова, сына известного московского купца Матвея Евреинова, и молодого дипломата Александра Вешнякова. Параллельно развивались коммерческие дела с Францией. В начале ноября 1723 года поручик от галер Иван Алексеев получил указание ехать консулом в Бордо (центральный порт по торговле с Вест-Индией) «для возстановления коммерции между Россией и Францией». В данных ему инструкциях, напоминавших щербатовские, предписывалось «искать <...> с тамошними купцами знакомства и разведывать подлинно, какие товары из России и из других стран северных краев во Францию привозимы». В том случае, «если разведать тебе будет не можно, то стараться, чтоб тайным образом о том подлинно разведать», особое внимание уделяя тому, что «флоту их воинскому потребно».

Алексееву надлежало также собрать сведения о торговле вином и изучить перспективы французского рынка для сбыта продукции китобойных промыслов и персидских товаров: шелка, юфти, шафрана, сухофруктов, «орехового, кипарисного и палмового дерева». Особое место в планах Петра занял вопрос о создании во Франции и Испании русских торговых компаний – «наисельнейшую», по аналогии с Нидерландской Ост-Индской компанией, надлежало организовать в Испании. Среди иностранных коммерсантов следовало найти надежных партнеров. Агентам предписывалось соблюдать осторожность и рекомендовано действовать «сколь возможно негласно <...> дабы лишним эхом вреды вместо пользы не было».

С начала 1724 года начали осуществляться конкретные шаги по воплощению задуманной программы. 24 января русский посол в Мадриде князь Сергей Голицын получил от испанского правительства проект Франциска Перраты об организации русско-испанской торговли, после рассмотрения которого князь получил предписание объявить испанскому двору, что «мы к уста-

Кадис.
Конец XVII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Г. фон Мардефельд. Портрет царя Петра I. 1707 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

новлению прямой директной между обоими государствами коммерции весьма склонны». В феврале Щербатов отправился в Испанию и в августе приехал в Кадис. Незадолго до того в Кадис прибыл и торговый флот из Америки. Не успев еще толком обжиться, Щербатов сумел обзавестись сетью информаторов и в донесении от 21 августа 1724 года представил Петру точные сведения о привезенных «из Мексики и колоний» грузах: кошенили, ванили, индиго, бархате, какао, меди, а также «в деланных серебре монетах», «в пистолях золота» и «в слитках дукатов». Пока же князь добирался до Испании, Петр I в мае 1724 года распорядился «изготовить два карабля в посылку и один фрегат на продажу, из которых послать один в Бордо, а два в Кадис, для того другой, что когда первой продадут, чтоб было людям на чем возвратиться». Контуры плана императора начинали вырисовываться все более отчетливо. Следующим его

шагом стал указ от 4 августа 1724 года об учреждении торговой компании под государственным контролем и на казенные средства с целью установления торгового с Испанией. Осенью 1724-го в Бордо со специальной миссией направился гукор «Кроншлот».

ЭПИЛОГ

Но вскоре императору стало не до того: 8 ноября был арестован камергер Виллим Монс, через четыре дня – его сестра Матрена Монс. Разразилось скандальное дело об измене императрицы и коррупции при дворе. 16 ноября Монс был обезглавлен; его сестра получила пять ударов кнутом и была сослана в Тобольск; бит кнутом был и доверенный Монса – стряпчий Егор Столетов; камер-лакей императрицы Иван Балакирев получил 60 батога – обоих отправили в ссылку в Рогервик. После этой истории состояние императора начало резко ухудшаться, но, преодолевая себя, он продолжал исполнять

свое «последнее дело». 4 декабря 1724 года Петр I дал указания готовить корабли к плаванию в Испанию, 24 декабря в Адмиралтейств-коллегию поступил указ об отправке в Испанию корабля «Страффорд» (замененного затем на «Девоншир») и двух фрегатов, ранее подготовленных для Мадагаскарской экспедиции: «Амстердам-Галей» и «Декронделивде». Во Францию должен был направиться один из фрегатов – «Армонт» или «Эсперанс». В начале января 1725-го были подписаны инструкции для экспедиции Витуса Беринга: тому следовало без промедления ехать на Камчатку, строить «один или два бота» и искать путь из Азии в Америку. Но отправился Беринг из Петербурга только 5 февраля, когда Петра I уже не было в живых... Внезапная кончина императора изменила ход истории, а экспедиция Беринга стала, по словам камер-юнкера Фридриха Вильгельма фон Берхгольца, «последним достопамятным распоряжением покойного императора, задуманным им для пользы и благополучия России». Со смертью Петра его далеко идущие планы колониального проникновения в Тихий, Индийский и Атлантический океаны лишились масштабности. И кто знает, к каким результатам привело бы «последнее дело» Петра Алексеича, проживи император еще несколько лет? «По замыслам Его величества не до одной Персии было ему дело, – вспоминал Артемий Вольнский. – Ибо, если бы поспетливилось нам в Персии и продолжил бы всевышний живот его, конечно, покусился бы достигнуть до Индии, а имел в себе намерения и до Китайского государства, что я сподобился от Его императорского величества... сам слышать». Истратив колоссальные средства на модернизацию страны и оставив после себя Россию, которая во многих смыслах «изменилась до неузнаваемости», Петр I запустил новую программу ее истории. ❶

«ЕСЛИ НЕТ СТАРИНЫ, ТО ЕЕ МОЖНО ПРИДУМАТЬ»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ ЧАСТО ПРОИСХОДИТ НА СТЫКЕ ЭПОХ. ЧТО, ВПРОЧЕМ, ОБЪЯСНИМО: ВСЯКИЙ РУБЕЖ – ВРЕМЯ ПОДВОДИТЬ ИТОГИ, НАМЕЧАТЬ НОВЫЕ ПУТИ. ТАК БЫЛО И ПРИ ПЕРЕХОДЕ БЛИСТАТЕЛЬНОГО, БОГАТОГО НА ПЕРЕМЕНЫ XVIII СТОЛЕТИЯ В ЗОЛОТОЙ XIX ВЕК.

ЕСЛИ НЕ ПРИДИРАТЬСЯ к цифрам и датам, а говорить по существу, то XVIII век в России выпало завершить Екатерине II. Именно она, идейная наследница Петра Великого, подошла к делу осмысления времени со всей монаршей ответственностью – культурно-исторически. «Окно в Европу», развитие наук, реформы и прогресс – все это прекрасно, ей ли, немке, не понимать. Но всему этому, чтоб не рассыпалось, нужно и твердое основание. Каждый народ силен своими корнями – это тоже для царицы было очевидно. В июле 1791 года императрица назначает обер-прокурором Синода известного собирателя древностей Алексея Мусина-Пушкина, а в августе издает указ о собирании древнерусских рукописей. Такова завязка истории, которую все мы знаем сегодня как открытие «Слова о полку Игореве». Первая публикация «Слова» случилась в 1800 году. И она стала, конечно, настоящей литературной сенсацией. А еще публи-

кация эта задала новый интересный вектор в литературе, культуре, истории, философии – мистификациям.

Мистификации? Да-да. Причем речь об отдельной их разновидности. Такой, в которой иной раз трудно отличить тонкую игру от подлога, в которой непонятна истинная роль автора – то ли он «великий комбинатор», то ли жертва собственных иллюзий. Речь о мистификациях в духе «преданий старины глубокой».

АВАНТЮРИСТ, ВДОХНОВИВШИЙ ДЕРЖАВИНА

Тень сомнения не раз падала и на само «Слово о полку Игореве». Первые подозрения стали высказываться с момента его обнаружения, последним – нет числа: споры то утихают, то вновь разгораются с новой силой. Однако пока этот бастион стоит, на страже его такие авторитеты, как Пушкин, Лихачев, Лотман, Зализняк. Но «Слово» сработало как детонатор. После его счастливого обнаружения древние

тексты стали появляться один за другим. И многие из них вводили в заблуждение даже самых видных литературоведов.

Вот, например, история. В 1812 году в очередном выпуске «Чтений в Беседе любителей русского слова» Гаврила Романович Державин опубликовал «Рассуждение о лирической поэзии». В своей работе поэт помимо прочего ссылаясь на весьма странные тексты, представленные как «недавнее открытие одного славено-рунного стихотворного свитка I века и нескольких произречений V столетия новгородских жрецов». Что это за невероятные древние тексты?

В начале XIX века много толков возбуждал в обществе собиратель древних рукописей Александр Сулакадзев. Державин очень интересовался его коллекциями и выражал желание с ними ознакомиться. В 1810 году такая возможность наконец представилась: поэт в компании товарищей побывал в гостях у коллекционера и посмотрел несколько рукописей. Особое впечатление произвели на Державина тексты, написанные так называемыми новгородскими рунами, – известные впоследствии как «Боянов гимн» и «Перуна и Велеса вещания». Поэт сделал из них несколько выписок, которые после и процитировал в своем «Рассуждении». Хотя Державин и отмечал в работе, что за подлинность древних текстов нельзя ручаться, по свидетельствам посвященных в эту историю, он, кажется, верил, что они не являлись подделкой. Более того, эти памятники седой старины вдохновили Гаврилу Романовича на сочинение собственной баллады – «Новгородский волхв Злогор».

*Боянов послух, скальд седый!
На мутном Волхове, ленивом
Воссядь и в гуле гор игривом
Пой арфой древних лет следы,
Пой с южной как пришли отчизны
Оден, Велес на край нощной
И волхв Злогор для вечной тризны
Как лег холмом, потек рекой.*

Прекрасно же! Размах, мощь, удаль. И это отнюдь не единственный случай в истории ли-

романтическое фразерство и в то же время дилетантизм, стремление выдавать желаемое за действительное, решение проблем не столько с помощью знаний, сколько самоуверенным напором и остроумными выдумками». Примечательно свидетельство литературоведа и этнографа Александра Пыпина, который считал, что Сулакадзев в своих аферах «гнался прежде всего за собственной мечтой восстановить памятники, об отсутствии которых жалели историки и археологи <...> Недостаточное знание подлинных фактов развило, с одной стороны, доверчивость, а с другой – большую смелость в обращении с предметами старины: была простодушная мысль, что если нет старины, то ее можно придумать».

Сулакадзев вошел в историю с огромным количеством фальсификаций. Помимо уже упомянутых это и «Таинственное учение из Ал-Корана», и Евангелие Иисуса Христа, и «Оповедь» – легендарный очерк об истории Валаамского монастыря, на который ссылались как на подлинный источник вплоть до 1904 года! Ему же приписывают и «Велесову книгу» – библию современных неоязычников. Однако было в собрании Сулакадзева и множество действительно подлинных исторических и литературных документов. Не испортил бы Сулакадзев сам себе репутацию, его бы до сих пор вспоминали добрым словом за вклад в культуру. Но увы.

АПОСТОЛ ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯН

А в 1817 году удивительная история приключилась с чешским филологом Вацлавом Ганкой. Приехав в гости в тихий городок Двур-Кралове-над-Лабем, он прослышал, что в подвале местного костела хранится множество предметов 500-летней давности. Конечно, ему захотелось на все это взглянуть. Оказавшись в подzemелье, литератор отыскал среди разного не представляющего интереса хлама сокровище национального значения – пер-

тературы, когда истинное произведение искусства родилось из не самой благородной почвы. «Когда б вы знали из какого сора»... «Боянов гимн», равно как и «произречения жрецов», таким сором и оказались, а точнее, очень неуклюжей подделкой под старину авторства самого Сулакадзева. Разоблачили собирателя древностей доволь-

но быстро, очень уж он был осторожен в своих фальсификациях, эффектность предпочитал аккуратности. Интересно охарактеризовал Сулакадзева историк Владимир Козлов. Он написал о коллекционере как о «по-своему неординарной личности, которой были присущи погоня за знаниями, бессистемная любознательность,

гаментную рукопись XIII века, содержащую 14 песен. В текстах повествовалось о битвах древних чехов с «полями свирепыми», со «злой ратью» немцев, с «дикими татарами». А песня «Ярослав» и вовсе рассказывала о победе чехов над татарами при Оломоуце в 1241 году – по сути, о ранее неизвестном историческом эпизоде.

Чешский народ, не имевший сколько-нибудь действительно древних литературных памятников, находившийся под властью австрийских Габсбургов и подвергавшийся насильственному онемечиванию, возликовал. И уже в 1818 году в Праге открылся Чешский национальный музей, в котором найденная Ганкой Краледворская рукопись и обрела дом. А к ней потянулись и другие древности. Вскоре бургомистр Праги получил анонимное письмо с поэмой «Суд Либуше», которая позже стала известна как Зеленогорская рукопись. Исследовать документ вновь взялся Ганка, и выяснилось, что произведение создано не позднее IX века. Случились и другие находки – и все великолепные историко-литературные памятники. Знакомый Ганке Йозеф Линда нашел в одной из старых книг рукопись старинной «Песни о Вышеграде», сотрудник Пражской университетской библиотеки Ян Циммерман в переплете одного средневекового манускрипта случайно обнаружил лист с «Любовной песней короля Вацлава». Просто поразительное везение! Слава о чешских древностях разошлась далеко за пределы страны. Рукописи очень быстро переложили на основные европейские языки, некоторые песни перевел Гёте.

Само собой, особый отклик получили чешские открытия в России. Здесь Вацлав Ганка стал настоящим героем. Тютчев назвал филолога «апостолом единения славян», посвятил ему несколько стихотворений. Тургенев, Гоголь, Вяземский желали ему новых успехов в рабо-

те «во славу славянской земли». Покровительствовали Ганке и высокопоставленные царские чиновники: Шишков, Уваров, Сперанский и Норов. За открытие Краледворской рукописи чешский литератор получил Большую золотую медаль Российской академии наук, а впоследствии был избран ее членом. Его приглашали в Россию работать на постоянной ос-

нове, обещали чин надворного советника, потомственное дворянство и академическое жалованье. Ганка остался в Праге, продолжая работать скромным библиотекарем.

Красивая история. Даже жаль, что время внесло в нее свои жесткие правки. Первые подозрения о поддельности некоторых документов высказал наставник самого Ганки, про-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВСКОЙ

фессор Йозеф Добровский. Правда, тень он бросил не на своего ученика, а на Линду и Циммермана. Его не услышали за хором ликования. Позже на некоторые нестыковки обратил внимание немецкий славист Леопольд Гаупт, в 1857 году австриец Юлиус Фейфалик заявил: экспертиза показала, что под текстом «Песни короля Вацлава» на пергаменте обнаружен текст XV века. Окончательное разоблачение случилось уже после смерти Ганки. Химический анализ показал, что при создании Краледворской рукописи была использована берлинская лазурь (краска, появившаяся лишь в начале XVIII века. – Прим. ред.), а при лингвистическом анализе было выявлено огромное количество ошибок, нехарактерных для грамматики средневековых текстов.

Бедный Ганка. Он ведь был талантливым филологом. И цели его были благими, но запутался, погубил память о себе в потомках. Даже не хочется верить, что все это изначально было политическим проектом, пусть и созданным на энтузиазме. Ах, если бы это была игра, сложная, хитрая, но игра. Ретроспективно представить дело таким образом не так уж и сложно. Мистификатор будто сам оставил подсказки. Чего стоит одна только история находки Краледворской рукописи. Она же почти полностью повторяет историю обнаружения «Слова о полку Игореве», как ее знали тогда в обществе. А в обществе имела распространение история о том, как Мусин-Пушкин случайно отыскал «Слово» в «Хронографе», приобретенном у последнего архимандрита ярославского Спасо-Преображенского монастыря, Иоилиа Быковского (хотя рукопись «Слова» прислал в Синод, согласно повелению Екатерины, петербургский митрополит Гавриил Петров). Но, увы, игра должна быть закончена вовремя и желательно самим автором. Может, чешский филолог заигрался, а потом остановить это все не хватило духу?

ОХ УЖ ЭТИ ВАШИ ПЕСНИ!

В 1827 году в Париже вышла книга «Гюзла. Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине». Сборник был издан анонимно, но с предисловием некоего итальянца, чье детство прошло в Далмации, а юность – в путешествии по славянским землям. Путешествуя, этот итальянец услышал и записал несколько народных песен, причем записал на французском, так как Франция стала новой родиной загадочного фольклориста.

Почти сразу в Париже стали высказываться догадки, что за анонимом скрывается известный писатель. Истинный автор не особенно и прятался. Например, в 1828 году он отправил экземпляр сборника Гёте с подписью «от автора «Клары Газуль». «Театр Клары Газуль» – известная и на тот момент уже разоблаченная мистификация Проспера Мериме. Мериме интересовался мистификациями других авторов (особенно восхищали его «Поэмы Оссиана» Макферсона) и с азартом что-нибудь выдумывал сам. Правда, в основном все же ради шутки. До России парижские толки доходили с опозданием. Публикацию балканских песен в «Сыне отечества» в 1828 году сопровождали не подробности создания сборника, а восторженная рецензия. Почти сразу песнями заинтересовался Пушкин. И взялся за собственный перевод. Наконец слухи о мистификации дошли и до России. Александр Сергеевич пишет письмо Мериме – правда ли, дескать, что все это выдумки? Мериме любезно отвечает, что все так и есть. И что же? Русский поэт вовсе не останавливает работы, хотя, казалось бы, смысл ее изменился чуть менее, чем полностью. Перевод песен он сопровождает небольшим предисловием с письмом французского писателя. В 1835 году эта странная работа под названием «Песни западных славян» выходит в свет.

А работа более чем странная! В общем, ведь даже неважно, переводом чего явился сборник Пушкина: реально распространенных в народе песен или полностью выдуманных – хотя один из текстов у Мериме был подлинно фольклорным. Интересно то, что этот перевод Пушкин дополнил переложениями реальных сербских песен из собрания Вука Караджича и своими собственными текстами. Все оказалось перемешанным, а что чье – поди разберись. Сам Александр Сергеевич в предисловии легкомысленно написал, что большую часть песен взял из книги Мериме, а по поводу остального распространяться не стал. Легкомысленное саморазоблачительное письмо французского писателя добавил к приложению полностью, хотя оно и не представлялось особенно лестным для Пушкина.

В письме парижский мистификатор признавался, что «Гюзлу» он написал по двум мотивам: из желания посмеяться над «местным колоритом», который вошел в моду во Франции, и из стремления заработать с товарищами на путешествие по Италии и окрестным государствам, дабы и в самом деле найти в народе что-нибудь интересное. «Я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись, – общал Мериме. – На себя я взял собиранье народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов».

Казалось бы, анекдот, да и только. Но нет, не только. Не анекдот, а мистификация в квадрате. Мериме зачем-то слишком уж настаивает на шутке, слишком уж обесценивает собственный труд, дескать, сочинения песен ничего ему не стоили, тогда как многие исследователи доказы-

вают, что работа над текстами для француза не была такой уж легкой. Да и Пушкин, углубившийся в тему более, чем иные этнографы, не мог не понимать, что Мериме лукавил. Понял, конечно, но вида не подал. Более того, он продолжил эту странную игру.

Александр Сергеевич тоже очень любил мистификации. Он проявлял повышенный интерес ко всякого рода литературным загадкам своего времени и сам не упускал возможности напустить при случае туману, запутать читателя. В роли мистификаторов выступают и многие его герои: Дубровский, барышня-крестьянка Лиза, Бурмин из «Метели», кухарка Мавруша из шуточной поэмы «Домик в Коломне», Дон Гуан из «Каменного гостя», само собой, Лжедмитрий. Мистификациями были и целые произведения, как «Повести Белкина», и частично – некоторые сборники: упомянутые «Песни западных славян», записи русских народных песен. Передавая последние собирателю фольклора Петру Киреевскому Пушкин предложил отгадать, какие песни и в самом деле народные, а какие он сочинил сам.

Мистификациями были отдельные ссылки в разных произведениях: подзаголовок «Скупого рыцаря» – «Из Ченстоновой трагикомедии: The covetous Knight», ссылка на Пиндемонта в стихотворении «Не дорого ценю я громкие права» и другие. А еще Пушкин, имея репутацию шутника и затейника, становился персонажем чужих мистификаций. Юрий Тынянов, например, упоминал об идее рассказа, в котором Пушкин встречается в одном из ресторанов на Невском проспекте с Эдгаром По. Об этой несуществовавшей встрече писал также в романе «Время, вперед!» Валентин Катаев. Пребывание Эдгара По в Петербурге – тоже известная мистификация, созданная самим американским писателем.

Между прочим, очень в духе пушкинской иронии.

Но что же «Песни западных славян»? Надо отметить, что Пушкин переводит тексты Мериме в очень вольном стиле. И не только их, но и оригинальные песни из собрания Караджича. Переложения больше похожи на русские народные песни, причем не только стилистически, но и содержательно. Исключением на этом фоне выглядит «Песня о Георгии Черном» – тут историк побеждает в Пушкине художника. История о руководителе сербского восстания против турок могла быть известна Пушкину из множества источников. Поэт мог узнать подробности жизни и борьбы Карагеоргия, находясь Кишиневской ссылке. В это же время в Кишиневе жили соратники Георгия Черного, сербские воеводы Вучич, Недович, Живкович. По свидетельству Ивана Липранди, с которым Пушкин сблизился во время своей Южной ссылки, поэт часто встречался с ними, записывал сербские песни, что-то уточнял. Также Пушкин пользовался работами историка Бантыш-Каменского.

А вот песня «Яныш Королевич», вероятно, является полностью вымышленной. Она – результат смешения известных фольклорных сюжетов о русалках. Таким же итогом переработки народных мифов могла стать в цикле история о рыбаке и рыбке, но этот текст вырос в отдельную сказку-притчу, и Пушкин изъясил ее из сборника.

ПРИВЕТ ОТ ДЕДУШКИ СЛЫШКО

«Песни западных славян» – одно из самых удивительных произведений Пушкина. Тут и тонкая интеллектуальная игра с читателем, и, при всей разделяемой с Мериме иронии к «национальному колориту», подлинный народный дух, и сложная философия. После Пушкина подняться на такую высоту, хоть в форме мистификаций, хоть в виде от-

крытой стилизации, мало кому удавалось.

В 70–80-х годах XIX века вспыхнула на мгновение «Веда Славян» – два тома болгарских народных песен дохристианской эпохи, изданные Стефаном Верковичем. Тексты сербскому исследователю передал некий болгарский учитель Иван Гологанов. Среди песен оказались и такие, в которых упоминались Орфей и Александр Македонский, славянские боги Сива и Вишну. Первое издание вышло в Белграде в 1874 году, второе – в Санкт-Петербурге в 1881-м. В подлинности песен сомнения возникли практически сразу, в XX веке подделка была окончательно разоблачена. В России громче всех опровергал подлинность песен Александр Пыпин, который ранее уже разоблачал Сулакадзева. Что интересно, французы Альберт Дюмонт и Огюст Дозон, которым была поручена проверка сборника еще перед изданием в Белграде, нашли эпос, переданный Гологановым, истинно народным. Что ж, и сам Вольтер был однажды обманут книгой Ezour-Yedam, якобы написанной браминами и содержащей комментарии к Ведам. Однако, вспыхнув, история быстро угасла: болгарский эпос сомнительного происхождения канул в Лету.

Эпоха рождения нового «фольклора» талантливыми художниками, казалось, безвозвратно ушла. К XX веку поле это оказалось настолько перепаланным, а образованный читатель настолько искусственным, что сочинить тут можно было разве что-то для очень узкой аудитории, например для каких-нибудь неоязычников, словом, публики, которая сама обманываться рада.

Но, как оказалось, фольклор можно воспроизвести по заказу партии. Ну как произвести... Отыскать, конечно же. В начале 1930-х советская власть призвала собрать и издать «рабочий и колхозно-пролетарский фольклор» разных областей страны.

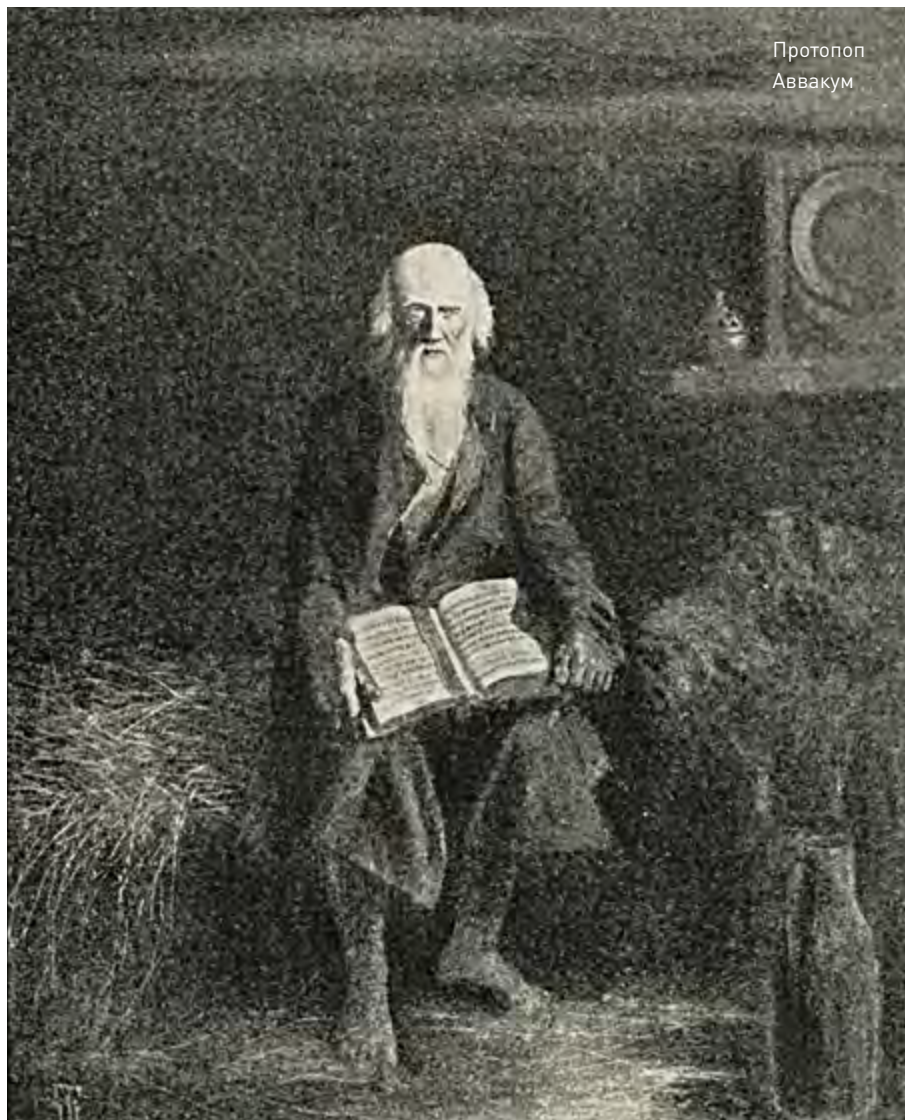
Это практически троллинг. Но проскочило. И не просто проскочило, сказы приняли на ура. Потом тучи сгустились. Время требовало жертв. А тут сказы какие-то непонятные, никак не соотносимые с уже известными краеведческими материалами. Появились вопросы. Почему, например, Решетников и Мамин-Сибиряк ничего не слышали о странных существах бажовских сказов? Не сносить бы писателю головы, но вступился за него Демьян Бедный: он рискнул заявить, что якобы что-то похожее он встречал в работах путешественника Семенова-Тян-Шанского. А в 1939 году вышла целая книга «Малахитовая шкатулка». Позже Бажов получил за нее Сталинскую премию. Больше художника не трогали. А в истории Урала появилась новая страница. И самый настоящий фольклор. Фольклор – это народная мудрость. Но кто скажет, что Бажов, когда писал свои сказы, не руководствовался этой самой мудростью. В конце концов сам автор тоже вышел из народа, кто мог ему запретить создать собственный миф. И не только миф – целый мир. Прежде место было практически пусто, но пришел мастер и вдохнул жизнь, и засияло все прекрасными самоцветами, и стали множиться и цвести таланты. Чем плохо? Алексей Иванов вот тоже свою собственную Уральскую горнозаводскую цивилизацию создал. И ведь интересно как получилось. Потому что на хорошо удобренной почве взойшли новые всходы.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

Но легко сказать. Пойди себе в зимнем лесу подберезовиков. На Урале вот обратились к краеведу Владимиру Бирюкову, он только руками развел: нет «рабочего фольклора». Обратились к Павлу Бажову, который тоже ничего не нашел. Но он был уже дважды исключен из партии. Причем второй раз его наказали за то, что герои его книги «Формирование

на ходу» (тоже заказанной партией) к моменту выхода оказались «врагами народа». Еще раз испытывать судьбу не хотелось. В общем, нашлось сокровище. Добыл Бажов для сборника три сказа: «Дорогое имячко», «Медной горы Хозяйка» и «Про Великого полоза». Сослался новопеченный фольклорист на заводского сторожа Хмелинина-Слышко. Дедушка Слышко!

Одни верят, что старину можно выдумать, а другие берут ее и создают. И когда за дело берется настоящий художник, то и все им созданное становится настоящим. Если талант берется за народные песни, сказки, предания, то именно народными они и выходят. И вдруг оказывается, что без них уже невозможно себе представить историю и культуру народа. Волшебство, да и только! 📖

Протопоп
Аввакум

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МУЖ ОГНЕПАЛЬНОЙ РЕВНОСТИ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

В 2020 ГОДУ ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ НЕ ПОЗВОЛИЛА ДОСТОЙНО ОТМЕТИТЬ 400-ЛЕТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ВЕЛИКОГО ПРОПОВЕДНИКА И ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ. ПОЭТОМУ ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ БЫЛО ЧАСТИЧНО ПЕРЕНЕСЕНО НА 2021 ГОД. ТАКОВА ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА ПРОТОПОПА АВВАКУМА: ПРИЗНАНИЕ ЕГО ЗАСЛУГ, КАК И ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ, РАСТЯНУТО ВО ВРЕМЕНИ.

Н И В XIX ВЕКЕ, НИ В XX протопоп не удостоился того почета, на который имеет полное право. Между тем в нашей истории личность Аввакума нельзя недооценивать. Именно он, не приняв церковную реформу середины XVII века, первым указал на ее недостатки. А его сочинения стали первым манифестом старообрядцев. Спор о вере, начавшийся при царе Алексее Михайловиче, до сих пор будоражит умы русских людей.

БУНТАРЬ И ИДЕОЛОГ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Советский литературовед Владимир Малышев заметил, что царская власть всегда видела в Аввакуме не только «главаря и идеолога старообрядчества», но и «народного вождя, бунтаря, «возмутителя» Церкви и государства, «ругателя» духовных и светских властей, увлекшего за собой огромные массы народа». Впрочем, и в XXI веке, когда вспоминают о протопопе, предпочитают говорить не о правдоискателе и мученике, а только о литераторе. Его принято называть выдающимся писателем, опередившим свое время, смело пользовавшимся разговорным языком и первым в нашей литературе давшим описание картин природы.

Это признавали и классики. Например, Иван Тургенев, показывая гостям издание Жития Аввакума, говорил: «Вот она, живая речь московская... Так и теперешняя московская речь часто режет ухо, а между тем это речь чисто русская». При этом писатель делал оговорку: «Груб и глуп был Аввакум, порол дичь, воображал себя великим богословом, будучи невеждой».

В XVIII–XIX веках среди «чистой публики» было естественным отрицательное отношение к старообрядчеству. До 1861 года, когда впервые было издано Житие протопопа, никто из историков и литераторов не считал его великим писателем и, тем более, мучеником за веру. Если Аввакума и вспоминали,

то только как вождя и проповедника «раскола».

Мальшев установил, что первым светским писателем, упомянувшим протопопа на страницах печатного издания, был Михаил Чулков. В мае 1770 года в издаваемом им журнале «Парнасский щепетильник» он поместил сатирическую статью «Продается стихотворец лирический».

В ней Чулков изобразил некоего бездарного поэта, дед которого был старовером. Почитая память Аввакума, этот старообрядец носил перстень с вделанной в него частью ногтя с указательного пальца протопопа. На вороте кафтана он носил большую красную запонку с вырезанным на доньшке именем протопопицы Настасьи Марковны – жены Аввакума. Кроме того, этот дед «все житие Аввакумово помнил наизусть. Рассказывал оную во всякой беседе с прегорькими слезами, а особливо, как сей угодник их страдал под батогами и под всяким орудием, которым его за дурачество стегали».

В 1791 году в Санкт-Петербурге увидела свет книга «Жизнь некоего мужа и перевоз курioзной души его чрез Стиксреку» – сатира писателя Степана Колосова на ржевского купца-старовера В.А. Чупятова. Здесь снова упоминается Житие Авва-

Антиох Кантемир.
Гравюра середины XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

кума и сообщается, как оно выглядело: «В руках держал житие протопопа Аввакума, книгу толщиною по крайней мере в восемь вершков».

Как пишет Колосов, Чупятов носил на вороте кафтана большую запонку, но не с именем протопопицы, а с ногтем Аввакума. Современные литературоведы предполагают, что Чулков, создавая образ деда «стихотворца лирического», пользовался еще не изданной рукописью Колосова. Из поэтов первым упомянул Аввакума Антиох Кантемир. В девятой сатире, «На состояние сего света», он изобразил невежду-старовера, «который соху оставил недавно». Крестьянское происхождение и отсутствие образования, как полагает сочинитель, не позволяют старообряд-

Писатель Михаил Дмитриевич Чулков (1743?–1792)

Житие протопопа Аввакума, написанное им самим (С.-Пб., 1861). Титульный лист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

цу иметь собственное мнение: «Прислушайся, что врет и что его вздоры!» Упоминание о протопопе Кантемир сопровождается примечанием: «Аввакум, первый расколов затейщик, самая безмозгая, буйная и упрямая голова был, от которого великие хулы на православную веру произошли, за что он по указам казнь достойную приняв, но в раскольников в святых есть». Потом имя Аввакума надолго исчезло из русской поэзии. Воскресил его в поэме «Петриада», посвященной царю Петру I, стихотворец Александр Грузинцев. Первое издание поэмы вышло в Санкт-Петербурге в 1812 году, второе – в 1817-м.

Детство Грузинцева прошло в Юрьевце-Поволжском, где его отец был городничим. Здесь в 1652 году Аввакум несколько месяцев служил протопопом собора Входа Господня в Иерусалим. Вероятно, Грузинцев не понаслышке знал о старообрядчестве. Но оно было для него, как и для многих людей той эпохи, всего лишь «суеверием» и «безбожием».

Во второй песне «Петриады» Грузинцев упоминает Аввакума, описывая Хованщину – московский Стрелецкий бунт 1682 года. Поэт влагает в уста Петра такие слова:

*От суеверия вдруг
туча поднялась,
Чревата бурями
к престолу понеслась.
Под видом святости
свое смертельно жало
Для пагубы моей
безбожие скрывало.
Сколь много зла нанес
непросвещенный ум,
Раскол от тем, что ввел
в Россию Аввакум!*

В чем же заключалось «смертельно жало» старообрядчества? В неповиновении властям, в хуле «на веру, на царя».

В первой песне поэмы Грузинцев описывает посещение Петром Соловецкого монастыря. Самодержец беседует с архимандритом Фирсом. Тот показывает Петру «воздвигнуты бугры» – могилы иноков-староверов, погибших при Соловец-

ком разорении – взятии обители царскими войсками в 1676 году, и вкратце объясняет злобредность «раскола»:

*Се суеверия знак
пагубный, плачевный!
Злодеев кости здесь
хранятся погребенны.
Незапной смерти их
виною был раскол,
Ведущий наглый сонм
к свершению крамол.
Сколь много пострадал
от них и твой родитель!
Не усмирил невежд ни суд,
ни меч-крушитель!
Неистовый сей род
в упорстве пребывал,
На веру, на царя
хулу из уст рыгал.*

Чтобы понять причины отрицательного отношения писателей и поэтов XVIII–XIX веков к старообрядчеству, обратимся к книге священника Алексея Малова «Письма к воинам», изданной в 1831 году в Санкт-Петербурге. Мнение священника о староверах – типичное суждение, широко распространенное в XIX столетии.

Книга Малова, известного петербургского проповедника, предназначалась солдатам и, по мысли сочинителя, должна была способствовать «возбуждению в воинах духа веры, преданности к государю и других воинских доблестей». Одно из писем посвящалось «раскольникам».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Юрьевец.
Справа на фото –
собор Входа
Господня
в Иерусалим,
рядом колоколь-
ня, построенная
в XIX веке.

Начало XX века

Царь Алексей
Михайлович.
Французская
гравюра
1670-х годов

О Соловецком разорении Малов писал: «Государь [Алексей Михайлович] возгремел противу них [старообрядцев] правдою и властью, а особливо, когда увидел, что они ищут не истины, а, соединясь со Стенькою Разиным и некоторыми другими бунтовщиками, замышляют что-то другое и злобное. Гром повеления царского их устрасил, но не успокоил. Они в великом множестве убежали в Соловецкий монастырь и в нем укрепились. Государь в 1676 году отправил противу них воеводу Ивана Мещерского. Сей воевода многих переловил, но большая часть утекли в олонецкие приморские

края, укрылись там в лесах и ущелиях. И вот почему в Петрозаводске и около ононого и по сю пору раскольников множество». О Хованщине Малов рассказывал солдатам: «Пользуясь неустойчивыми, которые по случаю первого стрелецкого бунта произошли в Москве, он [священник Никита Добрынин] снова собрал партию, приобщи к себе воров, пьяниц и мошенников и столь был дерзок, что требовал открытого состязания со святителями Церкви. Их величества государи Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич по смутности обстоятельств сие им дозволили. Состязание или спор происходил в Москве в Грановитой палате».

Но поскольку на состязании старообрядцы «только с злостием смеялись» над новообрядцами, «противу них снова возгремела правда помазанников Божиих. Никита, как вождь мятежников, на Красной площади казнен, а прочие поручены в особый надзор духовенству».

Сейчас никто не считает старообрядцев «злодеями», «ворами» и «мошенниками». И Аввакума никто не называет «буйной и упрямой головой». Пожалуй, сегодня он известен более, чем Чулков и Кантемир, и уж точно более Колосова и Грузинцева. Житие протопопа признано великим памятником не только русской, но и мировой литературы.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А. Малов. Письма к воинам (С.-Пб., 1831). Титульный лист

Преображенская
церковь
в Пустозерске.
Рисунок
А.А. Борисова.
1898 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НЕПРИМИРИМЫЙ ПРОТИВНИК

Пересказывать Житие – дело неблагодарное. Кроме того, оно известно каждому мало-мальски образованному человеку. Достаточно сказать, что Аввакум был непримиримым противником реформ царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, во время которых старомосковский (византийский и древнерусский) обряд заменялся новогреческим и западнорусским (малорусским и белорусским) обрядом.

За свое несогласие протопоп претерпел несколько церковных судов и тюремных заключений, ссылку в Сибирь, ссылку на Мезень, лишение священнического сана в 1666 году, заточение в земляной тюрьме в заполярном городке Пустозерске и жестокую казнь.

Для староверов протопоп Аввакум – святой священномученик и исповедник. Его иконы появились в старообрядческих скитах на Керженце уже в конце XVII века.

Известный писатель-старовер Симеон Денисов в книге «Виноград российский» (XVIII в.) витиевато славил подвижника: «Великоревностный и многотерпеливый Аввакум протопоп, муж сколь доброго и воздержательного жития, столь великой и огнепальной ревности, и сколь великодушием изобильный, столь и многостраданием обогащенный».

А вот историк Николай Каптерев, в целом сочувственно относившийся к противникам патриарха Никона, писал об Аввакуме: «Внешний его подвиг велик, продолжителен, постоянен и крайне труден, да, к тому же, и закончился он мученической смертью на костре. Но внутреннее содержание этого подвига, – те идеи и идеалы, во имя которых подвиг совершался, были удивительно мизерны, ничтожны, неценны, даже фальшивы и вредны». Еще резче отзывался о протопопе ростовский митрополит Димитрий, один из самых непримиримых обличителей староверия. В книге «Розыск о рас-

Протопоп
Аввакум.
Старообрядче-
ская икона

Патриарх Никон.
Русская гравюра
1802 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

кольнической брынской вере» он называл Аввакума: «буесловец» (пустослов), «преславный раскольнический учитель», «сатанин евангелист», «лжеевангелист и лжеучитель раскольнический». О сочинениях протопопа митрополит писал: «О мужичьего безумного умствования! Ведали ли он сам что бредил? Не суть ли сия его словеса тьма, и мгла, и мрак, и самая бредня?»

В этих словах отразилось бытовавшее с конца XVII века мнение о том, что старообрядчество – вера «мужичья», простонародная, «подлая».

Сегодня вслед за Тургеневым некоторые читатели жалуются, что стиль протопопа, который он сам называл «вяканьем», режет ухо, чрезмерно груб и излишне прост. Но Аввакум, никогда не терявший связи с простым народом, и не стремился к высокопарности, а излагал правду «мужичьей» веры «подлым» языком. Таковы были обстоятельства времени и места. Разве мог подругому писать человек, пятнадцать лет просидевший в страшной земляной тюрьме в Пустозерском остроге, за полярным кругом, в вечной мерзлоте? Нет, он мог писать только так: «Я ведь не богослов, что на ум напало, я тебе то и говорю. Горазд я, Симеон, есть да спать, а как ветхая та испражнять? Покой большой у меня и у старца милостию Божиею. Где пьем и ядим,

тут, прости Бога ради, и лайно испряжняем, да складше на лопату, да и в окошко. Хотя воевода тут приходит, да нам даром. Мне видится, и у царя Алексея Михайловича нет такого покоя. Еретики, собаки! Как-то их дьявол научил: жива человека закопай в землю!»

Противники старообрядчества всегда противопоставляли «мужичьей» вере новообрядчество. Единственным оправданием этой веры и доказательством ее истинности, по мнению старообрядцев, было единение с властью. Недаром патриарх Иоаким (Савелов) признавался: «Я не знаю ни старой веры, ни новой. Но что велют начальники, то и готов творить и слушать их во всем».

Впрочем, старообрядчество противопоставлялось новообрядчеству не только как вера мужиков вере господ или вера невежд вере ученых. Оно противопоставлялось как вера великорусская вере западнорусской. Ведь большинство ученых монахов, приехавших при Алексее Михайловиче в Москву «исправлять» нашу православную веру и наши богослужебные книги, были уроженцами Западной Руси.

Типичным представителем ученого западнорусского монашества был Симеон Полоцкий, уроженец Речи Посполитой. В 1664 году при царском дворе он познакомился с Аввакумом, вернувшимся из 10-летней сибирской ссылки. Они много спорили о вере. Их спор завершился следующим отзывом Симеона об Аввакуме: «Острота, острота телесного ума, да лихо упрямяство! А се не умеет науки».

По мнению Симеона и прочих западнорусских ученых, образованным человеком мог считаться только тот, кто окончил Киево-Могилянскую академию или какое-нибудь иезуитское училище, в совершенстве владел латинским и польским языками, прочел «Сумму теологии» Фомы Аквинского, умел писать вирши и гадать по звездам. Такое образование, чуждое старомосковскому православию, не признавал Аввакум, для которого академией и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

С.Д. Милорадович.
Путешествие
Аввакума
по Сибири.
1898 год

училищем была самая жизнь. Он с негодованием писал о тех, кто гонялся за западной «внешней мудростью»: «Виждь, гордоусец и альманашник, где твои Платон и Пифагор? Тако их же, яко свиной, вши съели, и память их с шумом погиге» (стоит заметить, что как и прежде, так и сегодня Платон и Пифагор гораздо известнее Аввакума. – Прим. ред.).

Известны слова Аввакума о русском языке, обращенные к Алексею Михайловичу: «Воздохни-тко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по русскому языку: «Господи, помилуй мя, грешного!» А кириелеисонот отставь. Так елленя говорят, плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить».

Симеон
Полоцкий.
Из книги
«Портреты
именитых мужей
Российской
церкви»
(Изд. П. Бекетова,
1843)

Протопоп пять раз обращался с челобитными к Алексею Михайловичу, умоляя отказаться от «новых законов беззаконных» – богослужебных реформ, вернуться к византийскому и древнерусскому обряду и спасти от духовной гибели Русь. На разные лады Аввакум повторял: «Вспросил у Бога светлую Россию сатана».

К царю Феодору Алексеевичу, сыну Алексея Михайловича, протопоп писал только раз, в 1676 году, когда молодой государь взшел на престол. Челобитная начиналась с прошения о помиловании: «Помилуй мя, Алексеевич, дитятко красное, церковное!.. Аз обложен узами железными. Ты, государь, царствуешь, а аз во юдоли плачевной плачуся». Затем Аввакум писал о том, что более всего волновало его – о церковных делах. Тут просительная речь сменялась речью властной, повелительной: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их [новообрядцев], что Илия-пророк, всех перепластал во един час. Не осквернил бы рук своих, но и освятит, чаю... Первою бы Никона-собаку и рассекли на четверо, а потом бы никониян». Столь же резко Аввакум писал о посмертной участи Алексея Михайловича: «Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от Спаса. То ему за свою правду».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Некий стрелец Лодьма говорил Афонке – Афанасию, «что-де отец Афонкин Аввакум велел великого государя гробницу дегтем мазать, за то-де отец его, Афонкин, и сожжен».

В Пустозерск отправился капитан стрелецкого стрелянного полка И.С. Лешуков. Он произвел тщательный сыск и установил, что в Москве староверы действовали «наущением того же расколоначальника и слепого вождя своего Аввакума». Лешуков имел при себе царский указ, скорее всего, заготовленный заранее, о казни протопопа Аввакума и его союзников – попа Лазаря, дьякона Феодора и инока Епифания. Казнь – сожжение в срубе – состоялась 14 апреля 1682 года, в Страстную пятницу. А 27 апреля умер царь Феодор Алексеевич. Обычно историки пишут, что в указе повелевалось: «За великие на царский дом хулы сжечь Аввакума и его товарищей». Но указ не сохранился до наших дней. Из «Объявления» известно, что протопоп был казнен «по правилам святых отец, по царским и гражданским законам и по истинному суду».

Рассказывающие о казни дают яркую картину мученичества Аввакума: из пламени высунулась его опаленная рука с дуперстным крестным знаменем и раздался голос протопопа: «Православные! Вот так креститесь! Коли таким крестом будете молиться, вовек не погибнете, а покинете этот крест, и город ваш песок занесет, и свету конец настанет!»

Но это не подлинные слова Аввакума, обращенные к жителям Пустозерска, а художественный вымысел из романа «Великий раскол» Даниила Мордовцева. В этой же книге протопоп перед казнью думает о себе и своих союзниках: «Из каждой золинки их, из пепла, аки из золы феникса, изростут миллионы верующих». Что ж, современное староверие не может похвастаться миллионами верующих. Но пепел протопопа Аввакума, подобно пеплу угольщика Клааса, стучит в каждое старообрядческое сердце. ❀

Возможно, челобитную припомнили протопопу во время следствия 1681 года. Поводом для него послужило чрезвычайное происшествие в Москве – отчаянная попытка старообрядцев в очередной раз не словом, так делом принудить власти вернуться к церковной старине.

На праздник Крещения Господня, 6 января 1681 года, когда Феодор Алексеевич вышел для водосвятия на Москву-реку, старовер Герасим Шапочник с Ивановской колокольни бросал в народ «воровские письма».

Существует любопытный документ 1724–1726 годов – «Объявление» Синода о протопопе Аввакуме. В нем сообщаются некоторые сведения, однако не вполне достоверные, имеющие отношение к следствию 1681 года и казни Аввакума. Согласно «Объявлению», письма бросал не одиночка Герасим, а несколько старообрядцев, которые в толпе «бесстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству бесчестные».

На свитках – «берестяных хартиях» – рукой самого протопопа были нарисованы «царские персоны и высокие духовные предводители с хульными подписаниями и толкованиями». Из Пустозерска в Москву Аввакум переслал свитки, «утоля мздою караул» – подкупив тюремную стражу.

В это же время, как повествуется «Объявление», другие староверы проникли в Благовещенский собор, где похоронены русские самодержцы, и «как церковные ризы, так и гробы царские дегтем мазали и салные свечи ставили».

В действительности старообрядцы мазали дегтем не все царские гробницы, а только гробницу Алексея Михайловича. Это известно из документов, касающихся сыновей Аввакума – Афанасия, Ивана и Прокопия.

П.Е. Мясоедов.
Сожжение протопопа Аввакума.
1897 год

Боярыня Морозова посещает заключенного протопопа Аввакума

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Автопортрет.
1811 год

ПРОСВЕТИТЕЛЬ

АВТОР
АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТИХАЯ, ПОЧТИ НЕЗАМЕТНАЯ ЖИЗНЬ ПРОСТЫХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ НА ПОЛОТНАХ АЛЕКСЕЯ ВЕНЕЦИАНОВА ЗАСТАВЛЯЕТ СБАВИТЬ БЕШЕНЫЙ ТЕМП ТЕХНОЛОГИЧНОГО XXI ВЕКА. МЫ СМОТРИМ НА ЭТИХ ЛЮДЕЙ, ЖИВШИХ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД ТАМ ЖЕ, ГДЕ СЕЙЧАС ЖИВЕМ МЫ, И ПЫТАЕМСЯ ПОНЯТЬ: О ЧЕМ ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО ИХ ЗАБОТИТ, ЧТО ГЛАВНОЕ ДЛЯ НИХ В ЭТОМ МИРЕ?..

В ИНЖЕНЕРНОМ КОРПУСЕ Государственной Третьяковской галереи (ГТГ) развернута выставка «Алексей Венецианов. Пространство, свет и тишина»: в пяти залах демонстрируется более 80 произведений живописи, графики, а также мультимедийная инсталляция. Это работы художника из Русского музея, Тверской областной картинной галереи, Исторического музея, ГМИИ им. А.С. Пушкина и ГТГ, которой принадлежит 27 живописных работ, 15 рисунков и 5 гравюр мастера. «Зал Венецианова всегда привлекает посетителей, – говорит заместитель генерального директора ГТГ Татьяна Карпова. – С симпатией и пониманием открывает художник красоту природы средней полосы России, которая нам знакома и близка, он учит нас любить этот пейзаж».

Мы не замечаем кропотливого труда в работах Венецианова, словно мастер не придумывал для модели костюм и позу, а только созерцал представшую перед ним сцену. Художник ненавязчиво приглашает нас в мир русской души, не раскрывая, а лишь касаясь ее тайн. Недавно современник Венецианова, издатель журнала «Отечественные записки» Павел Свиньин, писал: «Наконец мы дождались художника, который прекрасный талант свой обратил на изображение одного отечественного, на представление предметов, его окружающих, близких к его сердцу и к нашему».

ТАГАНСКИЙ ГРЕК

По семейному преданию, предки Венециановых были эфирскими греками, звавшимися то ли Михапуло-Проко, то ли Фармаки-Проко. Прадед художника

Федор Проко с женой и сыном Георгием в 1730–1740-х годах поселился в Нежине и занялся торговлей. Там семья и получила прозвище Венециано, позже превратившееся в фамилию Венециановы.

Отец будущего художника, Гаврила Юрьевич, переехал в Москву, женился на купеческой дочери Анне Лукиничне и поселился у Коломенского тракта. В своей лавочке у Покровского монастыря на Таганке он продавал саженцы плодовых деревьев, цветов и садовых кустарников, которые скупал в пригородных усадьбах. Заодно приторговывал и картинами. В 1795 году «Московские ведомости» опубликовали объявление: у московского купца Гаврилы Юрьева Венецианова продаются кусты смородины, луковицы тюльпанов, а также картины, писанные пастелью.

В феврале 1780 года у Венециановых появился первенец – Алексей (помимо него в семье родились еще три дочери и два сына. – Прим. ред.). Состояние семьи позволило определить мальчика в частный пансион, где преподавали российскую словесность, французский, математику, историю, географию, чертежное дело и рисование. «Я всегда рисовал украдкой, а в особенности от учителей, которых я боялся, – вспоминал позже художник. – Но когда я был в V классе, я смело завоевывал свое любимое занятие и рисовал красками, да не водяными, а масляными, и не на бумаге, а на полотне, и, бывало, по целым дням пропадал по воскресеньям у одного живописца, Пахомыча». Пахомыч заметил необычный талант мальчика и попросил отца отдать Алешу в учение к хорошему мастеру.

Но отец и слышать об этом не хотел. «Когда я вышел из пансиона, то я поступил в Чертежное управление; мне платили жалованье 5 рублей ассигнациями; прослужил чертежником три года», – рассказывал Венецианов. Однако писать он не переставал. Одной из первых моделей Венецианова стала его мать – в 1801 году появился «Портрет А.Л. Венециановой». Получив место помощника землемера, Алексей перебирается в столицу. 30 мая 1802 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется объявление: «Недавно приехавший сюда живописец Венециано, списывающий предметы с природы пастелем в три часа, живет у Каменного моста в Рижском кофейном доме». Объявление трижды публиковалось в газетах, а это означает, что художник был вполне уверен в себе, но не имел зна-

комств и рекомендаций, чтобы получать заказы. Возможно, по делам службы Венецианов часто бывал в разъездах, всерьез заниматься живописью при таком графике было сложно. Алексей перешел работать в Канцелярию директора почт Дмитрия Трошинского, портреты которого дважды писал Владимир Боровиковский. В 1803–1806 годах Алексей учится у этого знаменитого мастера, наряду с другими учениками живет в доме учителя, входит в его ближний круг, пишет несколько портретов. Он переводится в Департамент государственных имуществ Министерства финансов, с 1809 года работает землемером при Лесном департаменте... Перемены должностей и департаментов до сих пор заводят в тупик его биографов: точного количества мест его службы узнать не удалось.

Спящая девушка
(Сон девушки).
1840-е годы

Портрет
К.И. Головачев-
ского с тремя
воспитанниками
Академии
художеств.
1811 год

Портрет князя
В.П. Кочубея
в его кабинете.
Между 1831
и 1834 годами

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

18 января 1808 года министр внутренних дел князь Алексей Куракин писал министру просвещения графу Петру Завадовскому о Венецианове: «Он дарование свое мог бы обратить на гораздо лучший предмет и временем мог бы воспользоваться с большею выгодой к приучению себя к службе, в коей находится». Причиной раздражения высокопоставленных чиновников стал «Журнал карикатур», который Алексей Венецианов стал издавать с января 1808 года. Издание не было журналом в прямом смысле. Это были гравированные листы, первый из которых, «Аллегорическое изображение двенадцати месяцев», вышел в свет в начале января. Издание «дожило» только до третьего листа, после чего было запрещено цензурой: негодование властей

вызвала сатирическая гравюра «Вельможа».

Но Венецианов не унывал. Его жизнь в Петербурге полна приятных впечатлений и знакомств. Занятия у Боровиковского не прошли даром, как и копирование картин великих мастеров в Эрмитаже. Однако Алексей Гаврилович все больше убеждается в том, что для продолжения карьеры живописца ему необходим статус официального художника и синий мундир академика. В 1811 году он пишет «Автопортрет»: с холста на нас смотрит кроткий, тихий мужчина с добрыми беззащитными глазами. Эту картину он представляет в Совет Императорской Академии художеств и получает звание «назначенного» в академии (то есть без обучения в академии он становился кандидатом в академики. – Прим. ред.). Следующая работа, «Портрет К.И. Головачевского с тремя воспитанниками Академии художеств», в сентябре того же года принесла Венецианову звание академика. Кстати, эта картина долгое время украшала зал Совета: инспектор Воспитательного училища академии Головачевский считался в этих стенах патриархом...

Отечественная война 1812 года предоставляет Венецианову возможность вернуться к жанру карикатуры. Теперь он ориентируется не только на английскую карикатуру, но и на русский лубок. Известность художнику приносят «Французское воспитание» и «Французский парикмахер», высмеивающие «французоманию» русского дворянства, а также ряд сатирических картинок: «Французы – голодные крысы в команде у старости Василицы», «Наполеонова гвардия под конвоем старости Василицы» и другие.

В 1818 году Венецианов берется за просветительский проект: издание литографированных портретов исторических деятелей с их краткими биографиями. Возможно, заказчиком этой работы был сенатор Виктор Кочубей: именно его собранием картин

пользовался Венецианов при подготовке портретов. В следующем году Кочубей, уже министр внутренних дел, устраивает встречу Венецианова с императрицей Елизаветой Алексеевной. Государыня благосклонно приняла художника и в знак расположения наградила его золотой табакеркой с финифтью. Возможно, итог аудиенции повлиял на решение Венецианова оставить чиновничью службу и посвятить все время живописи.

У СЕМЕЙНОГО ОЧАГА

Переломным моментом в жизни Венецианова стала женитьба на девушке из семьи небогатых помещиков Ржевского уезда Тверской губернии. Он встретил ее в Петербурге, где она воспитывалась у родственников, и сразу влюбился. В 1815-м Алексей Гаврилович Венецианов и Марфа Афанасьевна Азарьева повенчались. Молодожены приобрели в Вышневолоцком уезде Тверской губернии сельцо Трониха с деревнями Сафонково, Сливнево, Максиха и Микашиха. И несколько лет кряду художник занимался хозяйством. А между сенокосом и посевной писал портреты своих крепостных. Венецианов был счастлив в браке. С разницей в два года в семье родились дочка Александра и Фелицата. «Крестьяне наши папеньку очень любили, и он заботился об них, как отец, – вспоминала Александра Алексеевна. – У нас самый из бедных мужиков имел двух лошадей, но большей частью по четыре и по шесть, рогатого скота у них тоже было довольно, постройки все порядочные у всех по деревне. Он входил всегда в их нужды, стараясь обо всем, что клонилось для пользы их благосостояния и дохода».

На выставке есть два живописных портрета Марфы Афанасьевны, написанных во второй половине 1810-х и в конце 1820-х. Заметно, что это десятилетие сильно сказалось на ее внешности. Вот портрет после свадьбы: на нем – миловидная женщина, от всего ее об-

Портрет М.А. Венециановой в русском наряде. Конец 1820-х годов

лика веет домашним уютом, легко можно представить ее за повседневными делами. На втором портрете – нарядная барыня в богатом русском костюме,

но сухая, бледная, кажется, что она позирует через силу и делает это только ради мужа. В то время Марфа Афанасьевна уже часто болела, а в 1831-м умерла во время эпидемии холеры. Смерть жены стала для Венецианова огромным горем. Он признавался друзьям: «Худо, очень худо оставаться при дочерях одному отцу в эту эпоху развития органической жизни...»

Алексей Гаврилович не мог не написать своих дочерей. На парном портрете сестер Александра с палитрой и кистями, Фелицата загадочно улыбается. Эта работа словно иллюстрирует слова из письма Венецианова друзьям: «Малюты мои меня утешают своими успехами и невинными чувствами...» Картина осталась незавершенной, наверное, по причине, записанной автором графитным карандашом прямо на холсте: «1841 году 12 Июня начали косить; 10 Июля начали жать, а 30 начали с ять и яровое жать, которое дожали 24-го Августа»...

Портрет А.А. и Ф.А. Венециановых, дочерей художника. Первая половина 1830-х годов

Портрет
М.А. Венециановой. Вторая
половина
1810-х годов

Художник сетовал на тяжесть помещичьих обязанностей. Он стал неплохо разбираться в агрономии и земледелии, несколько лет занимался мелиорацией, выкапывая пруды и прокладывая канавки, чтобы сделать свою безлесную и безводную землю плодородной. Александра в «Записках дочери Венецианова» уточняет: «Всем крестьянам сво-

Портрет
А.А. Венециановой. Не позднее
1836 года

им старался давать понятие об различных ремеслах, а чтобы приохотить молодых мальчиков, нанимал учить их или на время отдавал учиться по способностям каждого... Равным образом и в женских рукоделиях... было так хорошо устроено, что и богатые помещики присылали к нам учиться ткать канифасы и разные полотна...» Старшая дочь с детства занималась рисованием и живописью с отцом и стала художницей – ее работы есть в музеях. Фелицата пережила сестру на девять лет и завещала часть своего состояния Академии художеств для учреждения стипендии имени Венецианова. Обе они замуж не вышли, и прямых наследников у художника не осталось. Одним из его биографов был племянник Николай Венецианов, с которым он часто проводил время и многое рассказал о своей жизни...

РОДОЧАЛЬНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ ТЕМЫ

Венецианов оказался толковым помещиком. Наладив хозяйство, он покупает новомодные маслобойни, заводит меринсов, собирает лекарственные травы, вводит четырехпольную систему запашки и добивается хороших урожаев. По его инициативе в поместье строятся больница для крестьян и школа для крестьянских детей. И при всех этих заботах он умудряется успевать писать. Сначала это по большей части портреты соседей, к которым он приезжал в гости с ящиком красок и палитрой, – Милюковых, Стромиловых, Путятиных. А с начала 1820-х годов с творчеством Венецианова происходит удивительная метаморфоза. В течение ближайшего десятилетия он станет настоящим новатором. Секрет этого прорыва – об-

ращение к настоящей, а не рафинированной крестьянской теме, само по себе удивительное в то время. Это был глоток свежего воздуха. Художник будто обрел новое дыхание в своем Сафонкове, ощутил единение с природой, землей, простым русским бытом. Пока интеллектуалы, очарованные идеей Руссо о «естественном» человеке, произносили в петербургских салонах высокопарные речи, Венецианов, ежедневно наблюдавший тяжелый труд и незатейливый быт этого человека, копил впечатления и переносил их на бумагу и холст. Его интерес к жизни русского крестьянина продиктован уважением и любовью к людям, живущим трудно и смиренно... Бытовые сценки и портреты крестьян кисти Венецианова нашли признание в художественных кругах: романтические

Портрет княжны В.С. Пуятинной. Вторая половина 1810-х годов

влюбленные «Жнецы», отсылающий к античной элегии «Спящий пастушок», неакадемичный, а оттого живой хулиган «Захарка»... Новые «крестьянские» работы художника столичная публика впервые увидела в 1824 году на академической выставке. Но не идеальные «пейзаны» оказались для просвещенного общества слишком непривычны. Даже издатель «Журнала изящных искусств» Виктор Григорович посчитал, что «лучше превосходно писать то, что прекрасно, особенно если выбор предмета зависит от художника». Зато Свинын был в восторге: «Новизна естественных, неприукрашенных и невыдуманных образов на картинах Венецианова <...> может стать своего рода «пропуском» для вхождения этих русских персонажей в сферу «высокого искусства».

В конце XIX века в России появляется великий австрийский поэт Райнер Рильке. Он будет так очарован русской культурой, что начнет изучать русский язык и пытаться писать на нем стихи. В одной из своих статей, посвященных русской культуре, он особо выделит творчество Венецианова и отметит открытие им для искусства огромного пласта – народной крестьянской жизни. А в начале XX века личность и судьба Венецианова станут предметом пристального внимания Александра Бенуа и Николая Врангеля: мирискусники начали осмысливать его творческое наследие и просветительскую деятельность. В эссе «Время и школа Венецианова» Врангель писал: «Крестьяне этого времени изображены счастливыми и покорными поселянами, не знающими горя, болезней и нужды». Но Венецианов не создал ни одного веселого сюжета или праздника, хотя и надрывных эмоций в его произведениях нет, как нет и приукрашивания, свойственного сентиментализму – автор всегда сдержан. Однако отношение Венецианова к героям его картин сказывается даже в выборе фона. Он часто пишет как Рембрандт: освещен-

ный герой выступает из глухой темноты. Этот прием позволяет сразу понять достоинство изображенного: раз на него направлено столько света, значит, он того заслуживает. В России такого прежде не было... В один из своих очередных приездов в Петербург Венецианов увидел в Эрмитаже картину Франсуа Гране «Внутренний вид церкви капуцинского монастыря на площади Барберини

Гумно.
1822–1823 годы

Девушка
с телятком.
1829 год

в Риме». В 1821 году автор преподнес ее императору Александру I. Полотно ошеломило Алексея Гавриловича: контрасты света и тени создают иллюзию высокого купола зала, а взгляд зрителя притягивает свет, льющийся из небольшого окна за алтарем, фигуры же монахов составляют одно целое с грандиозным пространством. Венецианова потряс эффект «натуральности» изображения и моделирующий свет. Он несколько раз приходил к картине, простаивал перед ней часами, пытаясь понять, как создана перспектива и согласованы все элементы. Вернувшись домой под впечатлением от работы Гране, он решает попытаться воплотить в своей картине идею «оживотворения» людей и предметов разнонаправленными потоками света. Так рождается знаменитое «Гумно». Ради ее создания Венецианов приказывает выпилить одну из бревенчатых стен, чтобы осветить помещение из трех источников. «Гумно» – это признанный шедевр русского искусства: помимо вопросов освещения здесь решена проблема пространственных соотношений. При содействии председателя Общества поощрения художеств Петра Кикина Венецианов представил свою работу императору, получив благосклонную оценку и 3 тысячи рублей. Когда «Гумно» внесли в каталог Эрмитажа, осуществилась мечта Венецианова – оказаться «на одной стене с Гранетом». Картины Венецианова стали одними из первых экспонатов в галерее произведений русской школы, основанной в царских коллекциях. Однако самой известной работой Венецианова стала картина «На пашне. Весна», написанная в первой половине 1820-х годов. История ее создания неизвестна, как неизвестны и владельцы – до того момента, пока ее не приобрел для своей галереи Третьяков (не позднее 1893 года). Сегодня «На пашне. Весна» – одна из визитных карточек ГТГ и ярчайший символ русского искусства.

Перед нами босая красавица в кокошнике, которая ведет под уздцы двух лошадей, бороздящих пашню. Женщина не смотрит вперед, она глядит на своего ребенка, сидящего на земле в одной рубашонке. Большую часть полотна занимает удивительно выписанное небо. «И это безоблачно-неизмеримое небо, иногда совсем чистое, горделиво милосердствует! Тут как у юных артистов, так и у старца зашевелится душа и запоем хвалебный гимн, пораженная красотами неба, дающего столь благо земли!» – писала Александра Венецианова. Искусствоведы нередко сравнивают «Весну» с произведениями Рафаэля и Боттичелли, и это никак не умаляет достоинств русского шедевра. Он самодостаточен и совершенен.

На пашне.
Весна.
Первая половина
1820-х годов

ВЕНЕЦИАНОВЦЫ

Кажется, биография Алексея Венецианова небогата яркими событиями. Возможно, дело в том, что сведения о его жизни довольно скудны: короткие воспоминания о художнике оставили его дочь Александра, племянник Николай Венецианов, ученик Аполлон Мокрицкий. Но если приглядеться и добавить толику воображения, то станет ясно: перед нами жизнь трудоголика, художника-самоучки, постоянно совершенствовавшего свое мастерство. Доказательством тому – его наследие. Оно – результат его таланта и упорного, кропотливого труда. Однако в историю русской живописи имя Венецианова вписали не только его новаторские работы, но и венециановская школа. Художник создал ее все в том же Сафонкове. За двадцать лет работы школы в ней прошло обучение более 70 человек. Не противопоставляя себя Академии художеств, увлеченный идеями Просвещения и воспитания художников из народа, Венецианов провел уникальный опыт приобщения к искусству крепостных – как своих, так и из соседних имений. Еще в 1818 году с подачи Кочубея он стал вникать в проблемы обра-

зования. Вступил в Вольное общество учреждения училищ, оформил книгу Алексея Стога «Об общественном призрении в России». И теоретически и практически Венецианов был готов к столь важной миссии. В своем авторском курсе он отменил копирование чужих работ. С одной стороны, откуда в деревне оригиналы, к которым имеют доступ столичные художники? С другой – обнаружился новаторский путь: воплощать в искусстве идею правды и естественности, ставя на

первое место ценность непосредственного взгляда на натуру. Венецианов призывал учеников наблюдать «характер лиц, наций, земли, костюмы, здания» и воспитывал в них «внимание действиям душевным». Особенное внимание в своем методе Венецианов придавал изучению законов перспективы. Художник написал теоретические статьи «Секрет Липмановских картин», «Нечто о перспективе», «О системе преподавания в рисовальных классах». В экспозиции ГТГ представ-

Благословение
рекрута.
Конец 1830-х
годов

В конце 1820-х годов Венецианов написал эти два портрета неизвестных и назвал их одинаково – «Девушка в платке». Но первый из них (на фото) – старшая дочь, Александра

лены работы Алексея Тыранова, Григория Сороки, Никифора Крылова, Александра Алексева, Федора Славянского и других учеников Венецианова. Расцвет и первые успехи школы пришлось на вторую половину 1820-х – начало 1830-х годов: произведения венециановцев появились на академических выставках, упоминались в печати, покупались коллекционерами. В судьбе художников деятельное участие принимал Василий Жуковский.

Однако содержать учеников и решать организационные проблемы школы становилось для Венецианова все труднее. Последним значительным выступлением венециановцев стала лотерея в пользу Петербургской детской больницы в 1839 году, где разыграли 27 произведений. Венецианов часто хлопотал о принятии в академию своих подопечных, не-

которым даже давал свою фамилию, называя сыновьями, чтобы облегчить поступление.

Но к середине 1830-х школа распалась: многие ученики, попав под влияние других художников, покинули наставника. Последние ученики мастера – его племянник Михаил Эраси, ставший известным живописцем, и Иринарх Васильев, которого учитель хотел везти в 1847 году в столицу, но...

В тот год Венецианов работал над иконами для церкви пансиона дворянского юношества в Твери. Выполнив эскиз, он собрался везти его в Тверь. Ранним утром 4 (16) декабря 1847 года он выехал на обледеневшую дорогу. На крутом спуске в селе Поддубье лошади понесли, Венецианова выбросило из саней, он погиб на месте.

Художника похоронили на Дубровском сельском погосте, не-

далеко от Сафонкова. На его могиле – высокий крест и чугунный постамент с изображением палитры и кистей. В 1980 году село Дубровское было переименовано в Венецианово.

Часть работ мастера и его учеников, приобретенных в 1870 году Министерством Императорского двора, хранилась в резиденции наследника престола – в Александровском дворце Царского Села, несколько картин – в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге. Позже они вошли в собрание Русского музея императора Александра III. «И множество изображений людей его времени, членов его семьи и его друзей – все вместе составляют тот тесный семейный круг, в котором личность Венецианова приобретает еще большее обаяние и... прелесть», – писал барон Николай Врангель в 1911 году. ■

МНОГОГРАННАЯ ЛИЧНОСТЬ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ЕРЛИНЕ О СЕРГЕЕ ХУДЕКОВЕ РАССКАЗЫВАЮТ КАК О ДОБРОМ ЗНАКОМОМ. ЕСЛИ НЕ ЗНАТЬ ИСТОРИЮ УСАДЬБЫ, МОЖНО ПОДУМАТЬ, ЧТО РЕЧЬ ИДЕТ О КОМ-ТО ИЗ СОСЕДЕЙ. ТОЛЬКО И СЛЫШНО: «СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ДЕЛАЛ ВОТ ТАК, У СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА БЫЛО УСТРОЕНО ИНАЧЕ»... И НИЧЕГО, ЧТО С ТОГО ВРЕМЕНИ, КОГДА СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖИЛ ЗДЕСЬ, ПРОШЛО БОЛЕЕ ВЕКА. О НЕМ ПОМНЯТ И ПАМЯТЬ ЭТУ БЕРЕГУТ.

А ПРИ СЕРГЕЕ ХУДЕКОВЕ в Ерлине, которое сейчас относится к Кораблинскому району Рязанской области, было просто сказочно. Изящный мост через зеркальный пруд соединял две части огромного парка, наполненного растениями, привезенными из разных уголков мира... Оригинальные фонтаны, изящные беседки, величественный храм, пестрый ковер цветов... Не усадьба, а мечта.

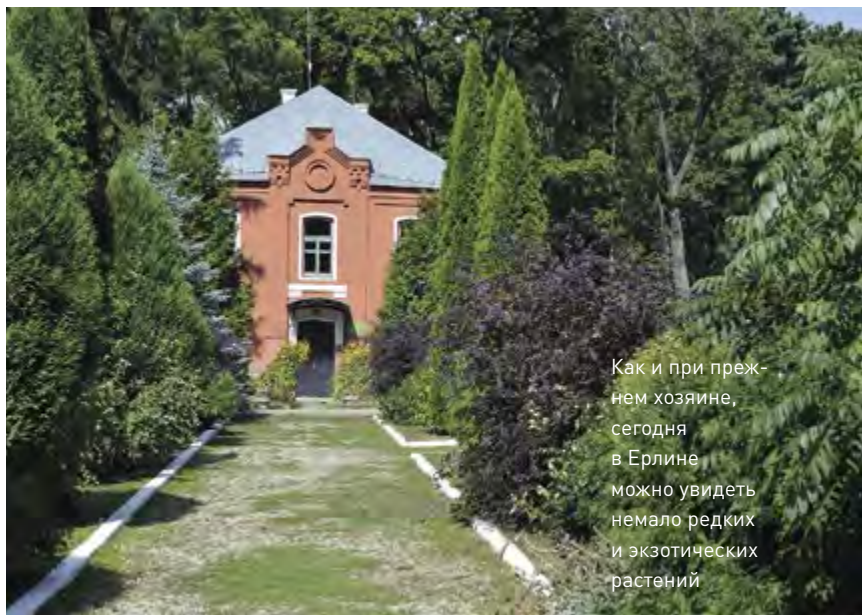
«Усадьба С.Н. Худекова» Ольга Ягодкина. Действительно, как правильно представить этого человека? Офицер, издатель газеты, драматург, либреттист, писатель, историк балета, общественный деятель, юрист, землевладелец, хозяйственник... Навскидку можно перечислить не менее десяти его занятий. Выбрать для характеристики что-то одно из этого солидного списка невозможно, ведь каждый из видов деятельности имел для Сергея Худекова немаловажное значение. В любой сфере, за которую Худеков брался, его не устраивал дилетантский подход, он ко всему относился основательно и в каждом деле достигал немалых успехов. Самая популярная «визитка», оставленная Худековым, известна огромному количеству людей, многие там бывали, но, увы, даже из числа побывавших в Сочинском дендрарии далеко не все вспомнят, кто был создателем этого уникального места. А между тем этот уголок, ставший одной из ярких достопримечательностей Сочи, детище Сергея Худекова. И уж совсем немногие знают, что дендрарий в судьбе Худекова был не один: удивительный ботанический сад он создал еще и в средней полосе России, в Рязанской губернии.

«До революции в парке-дендрарии произрастало 88 сортов хвойных деревьев, около 200 лиственных, – с гордостью перечисляет Ольга Ягодкина. – Особую слабость Сергей Худеков испытывал к розам. В розарии Ерлина было около 500 сортов роз. Местные жители рассказывали, что весной из оранжерей выносили кадки с пальмами – здесь было очень красиво. В древесном питомнике, который располагался на территории усадьбы, выращивали 164 сорта яблонь и груш, 40 сортов сливы и вишни, 40 сортов крыжовника и малины, 75 сортов земляники...». Ольга Ягодкина говорит, что в 1898 году в типографии «Петербургской газеты», которую издавал Худеков, был напечатан каталог древесного питомника села Ерлино. «Там все было подробно написано – когда лучше заготавливать саженцы, как они будут доставляться. Читаешь и удивляешься – у него все было разложено по полочкам. Он был удивительно щепетильным человеком и поразительно грамотным, – восхищается экскурсовод. – Пользовался консультациями специалистов и во все вникал сам. Если уж брался за дело, то основательно и глубоко. И всегда его работа приносила результат».

СУДЬБА УСАДЬБЫ

Хозяин всего этого великолепия, Сергей Худеков, любил все необычное. Он и сам был личностью весьма неординарной. «Посетители музея иногда просят сказать одним словом, кем же все-таки был Сергей Николаевич. Худеков был настолько многогранной личностью, что сказать о нем одним словом невозможно», – говорит научный сотрудник, экскурсовод музея-заповедника

Когда началось возрождение музея, был объявлен конкурс на эскиз памятника Сергею Худекову. Победителем стал рязанский скульптор Борис Горбунов – памятник его работы украсил усадьбу в 2007 году

Как и при прежнем хозяине, сегодня в Ерлино можно увидеть немало редких и экзотических растений

ТВОРЕЦ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Усадьба Худекова в Ерлине, которое до революции относилось к Скопинскому уезду Рязанской губернии, славилась не только растениями, здесь разводили породистых животных. Одних только кур можно было насчитать 40 пород, а помимо того свиньи, овцы, лошади-тяжеловозы... Таких животных в то время привозили из-за границы. Это было сложно, далеко, дорого. Питомник Худекова значительно облегчал жизнь: выращенные в российских условиях животные были адаптированы к местным условиям, да и их транспортировка требовала меньше затрат. «Усадьба приносила колоссальный доход, – говорит Ольга Ягодкина. – Притом что Сергей Николаевич был очень творческой натурой, у него была еще и сильная предпринимательская жилка».

Помимо всего прочего стоит принять во внимание, что Худеков был, как сейчас бы сказали, крупным работодателем. «В усадьбе трудилось практически все население Ерлина. Приходили и из других деревень – работы хватало всем», – продолжает Ольга Григорьевна. Все эти рассказы относятся к периоду расцвета усадьбы – он пришелся на конец XIX – начало XX века и продолжался до переломного 1917-го. Революционную волну Сергей Николаевич встретил здесь, в Ерлине. Когда ему сообщили, что идут громить усадьбу, он до последнего не верил. К нему хорошо относились, ведь он действительно многое делал для здешних крестьян: взрослое население всегда имело хорошие заработки, а дети могли бесплатно обучаться в организованной Худековым школе. Говорят, сами ерлинцы громить усадьбу не пошли, но и не защитили своего помещика от решительно настроенных жителей соседних сел. Владелец просил не разорять, не жечь – заверял, что себе ничего не возьмет, все достанется народу. Но остановить мужиков было уже

Когда-то по аллеям красивейшего парка-дендрария прогуливался А.П. Чехов – он приезжал в гости к Худекову и даже описал усадьбу в одном из своих произведений

невозможно... Усадьба была разгромлена. «Сергея Николаевича и его жену спрятал у себя батюшка Грицианский, – рассказывает Ольга Григорьевна. – Под покровом ночи, переодетые в крестьянскую одежду, Сергей Худеков с супругой отправились в Скопин...». С тех пор прошел целый век... Век разорения и забвения. Дом разобрали, оставив лишь фун-

дамент. Мебель и картины разворовали или уничтожили... Изысканную посуду растащили, скульптуры, вазы и прочие непрактичные безделушки побросали в пруд. В храме Архангела Михаила сделали машино-станцию, потом склад химикатов... А парк стал жить совсем другой жизнью, постепенно превращаясь в заброшенный участок леса.

В Ерлине есть прекрасно сохранившийся винный погребок – внутри его украшают своды из старинного кирпича. Возможно, со временем там расположится кафе

ВЕК ЗАБВЕНИЯ И ЗАПУСТЕНИЯ

Период запустения был долгим. Несмотря на то, что в 1974 году парк получил статус памятника культуры, а в 1977-м был признан памятником природы республиканского значения, в судьбе исторического места мало что изменилось. Дендрарий превратился в дикие заросшие дебри, остатки зданий продолжали разрушаться. Так продолжалось до XXI века. Сегодня очертания прежней красоты все-таки угадываются. А ведь еще лет пятнадцать назад даже люди с очень богатой фан-

тазией вряд ли смогли бы представить, что когда-то на этом месте был прекрасный парк. «Когда началось восстановление, уже не сохранилось даже намека на былую роскошь парка. Это был просто участок №43 Кораблинского лесхоза», – объясняет Ольга Ягодкина. Мало что могло отличить некогда роскошный парк от обычного лесного массива... Новый виток в судьбе рязанского дендрария начался лишь в начале 2000-х, когда, готовясь к 170-летию Сергея Худекова, приступили к восстановлению усадьбы. «Вот этот памятник

Самым старым деревьям в парке уже более полутора веков. Они еще помнят хозяина усадьбы...

был поставлен в 2007 году, – показывает на монумент Сергею Худекову экскурсовод. – Тогда же посадили некоторые деревья». Сейчас территория усадьбы именуется «Государственный историко-культурный природно-ландшафтный музей-заповедник Рязанской области «Усадьба С.Н. Худекова» – такое звание парк получил в 2006 году. Однако в полной мере восстановление началось в 2012-м: тогда почистили территорию парка, прудов, посадили новые деревья... Есть на территории и те деревья, что помнят владельца усадьбы – вековые ели, дубы, вязы, посаженные еще при Худекове. Есть совершенно нехарактерные для средней полосы России растения. «Сергей Николаевич высаживал деревья, которые росли на той же долготе, что и у нас – чтобы климат был похожим, – объясняет Ольга Григорьевна. – Он все делал грамотно, и его подход приносил результаты – растения приживались. Сегодня у нас нередко спрашивают, почему у наших «экзотов» ветви располагаются только высоко у макушки. А объясняется это просто: им приходилось бороться с более сильными конкурентами, вот они и вытяну-

Когда усадьбу начали возрождать после века заброшенности, все приходилось восстанавливать по крупицам

лись, пытаясь добыть свой кусочек солнца». Экзотики в дендрарии Худекова хватало. Здесь есть пихта сибирская, крымская сосна, даурская лиственница, черешчатый дуб, бересклеты – европейский и бородавчатый, плакучая ель, канадский тополь... Одна из изюминок парка – сосна Веймутова. Это огромное красивое дерево с пушистой кроной, хвоя которого в солнечный день отликает голубоватым цветом. Растет оно на востоке Северной Америки – от Атлантического океана до реки Миссисипи. В разных уголках ерлинского парка можно насчитать около десятка таких сосен-американок, возраст которых специалисты оценивают от 100 до 160 лет.

Старожилы рассказывали, что в советские годы ерлинцы собирали здесь кедровые орехи – долгие годы на территории парка росли кедры, потом, уже где-то в 1970-х, они погибли, не пережив чрезмерно суровую зиму. Особая гордость ерлинского заповедника – псевдотсуга Мензиса. Для нашей местности, да и вообще для нашей страны, это настоящая редкость. Такие вечнозеленые хвойные деревья растут на западе Канады и в США, вдоль бере-

Музей состоит из семи залов – в них посетители могут узнать о разных гранях личности Сергея Худекова

Особую слабость Худеков питал к розам – в его розарии насчитывалось более 500 сортов. Весной этого года в усадьбе провели акцию «Розы возвращаются в имение» – здесь было высажено 50 кустов роз

гов Тихого океана. Ее ствол на родине может достигать 3 метров в ширину и 75 метров в высоту. «К нам с 1970-х годов приезжают представители Воронежского университета, наблюдают за тем, как растет это дерево. Оно очень необычное. Даже шишки оригинальной формы – похожи на кактусы, – говорит Ольга Ягодкина. – Вырастить новое деревце псевдотсуги нам никак не удастся. Мы уж как только не пытались – и закапывали, и в снегу держали, и в песке пробовали – все бесполезно. Не растет...» – продолжает экскурсовод.

ЗЕЛЕНАЯ ИСТОРИЯ

По парку в Ерлине проводят отдельную экскурсию. Гости проходят по аллее лиственниц, сворачивают на липовую аллею, потом оказываются в дубовой... На каждой из аллей можно увидеть вековые исполины, посаженные еще стараниями самого владельца усадьбы.

В парке всегда красиво. Весной гостей встречает многообразие красок всевозможных цветов, летом – буйство зелени, осенью – все оттенки желтого, красного, оранжевого в обрам-

ем, – рассказывает Ольга Ягодкина. – Нам нередко говорят, что воздух нашего парка надо собрать в баночки и законсервировать. У нас здесь такой коктейль – множество видов хвойных растений, лиственных, огромное многообразие цветов... Конечно, воздух здесь необыкновенный». Впрочем, здесь много необыкновенного – и парк, и сама усадьба, и ее прежний хозяин.

«Здесь находился главный усадебный дом, на этом месте раскопали часть фундамента, – продолжает экскурсию Ольга Ягодкина. – Здесь стоял жилой флигель, от которого тоже ничего не осталось, лишь немного фундамента. Сохранился гостевой дом, в котором сегодня располагается музей – он небольшой, но содержательный. «Ерлино, Худеков и эпоха» – такое название все в себя вмещает». Фотографии частично сохранили свидетельства былой красоты Ерлина. Огромный пруд с красивым белым мостом украшал центральную часть парка. Мост и сейчас находится на историческом месте и впечатляет своей величественной красотой. А вот вместо пруда остался лишь овраг. «Когда усадьбу начали восстанавливать, пруд спустили, чтобы построить мост и почистить дно. Дно почистили, мост построили, а вот вода почему-то ушла. Говорят, прежний, еще до Худекова, владелец усадьбы, Ивинский, который тоже относился к этой территории с большой любовью и сделал здесь немало интересного, привел сюда крепостных, и они обмазывали стены оврага глиной, чтобы укрепить дно. Изначально здесь воды не было, а потом был создан каскад прудов, которые соединялись между собой», – объясняет Ольга Ягодкина. Дно спущенного пруда – а он был очень глубоким – оказалось кладезем находок. Помимо разнообразных предметов интерьера, видимо, брошенных в воду разорителями усадьбы, была найдена фи-

лени зелени сосен... «Осенью у нас просто необыкновенно: каждый день приходишь, и кажется, что оказываешься в новом месте. Краски потрясающие, – делится Ольга Григорьевна. – Зимой в этом году мы украсили парк гирляндами – получилось просто сказочно. Так что усадьба хороша в любое время года». Ранней весной территория парка покры-

вается фиолетовым ковром и воздух наполняется медвяным запахом – это цветут хохлатки. Так же и при Худекове в парке разливалось ароматное фиолетовое море... «Помимо хохлатки при Сергее Николаевиче росли лилии многоцветковые. У нас они тоже цветут. В разное время года у парка свои ароматы – цветы сменяют друг друга, наполняя воздух благоухани-

В годы революционных погромов цветочный вазон вывезли из Ерлина. В 2014 году он был обнаружен в больничном комплексе города Скопина и передан музею-заповеднику

После революции усадьба была разграблена и частично разрушена. На ее территории разместился колхоз, который использовал уцелевшие постройки для своих нужд

гура одного из фонтанов. К сожалению, мальчик на черепахе расколот, но это подлинный предмет, украшавший аллею худековского парка. Сейчас он хранится в музее. Всего в парке было три фонтана, украшенных статуями: танцовщица, в точности повторявшая ту, что украшает дендрарий в Сочи; мальчик, сидящий на черепахе; всадник на лошади. Еще в парке было огромное количество скульптур. Но они не сохранились: все было разбито и разорено. Частички былой красоты – фарфор XVIII века, вазоны – доставали потом со дна осушенного пруда...

А когда-то на его водах покачивалась плавучая беседка и плавали черные лебеди... Воспоминания об этом сохранились в записках современников и на старинных фотографиях. В прошлом году в парке открыли фонтан – для этого приобрели новую чашу. Конечно, фонтан отличается от того, что был при владельце усадьбы, но он помогает передать атмосферу дореволюционного имения. А весной этого года пришла еще одна радостная новость – пруд начал заполняться водой. «Слышите, журчит водичка? – прислушивается экскурсовод. – Для нас это большая радость. Мы так этого ждали». Возможно, несколько лет спустя в Ерлине снова будет каскад прудов, как при его прославленном помещике. Конечно, это процесс не быстрый, но теперь можно надеяться, что года через два-три центральную часть усадьбы украсит зеркальная гладь пруда.

«У Чехова есть рассказ «Черный монах» – пара первых страниц подробно описывают усадьбу Ерлино. Чехов сотрудничал с «Петербургской газетой», бывал здесь и описал то, что видел, – очевидно, красота впечатлила писателя. Известно, что он приезжал в Ерлино на венчание старшего сына Худекова, Николая, который женился на дочери поэта Алексея Плещеева, Любви».

К 1900 году оригинальный усадебный комплекс со скульптурами в Ерлине получил известность за границей – за создание парка Худеков получил Большую золотую медаль на Всемирной выставке в Париже

Храм в честь Михаила Архангела построил в 1777 году Матвей Ивинский – первый владелец усадьбы. Сейчас старинную церковь потихоньку реставрируют

АГРАРИЙ, ИЗДАТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ...

Грандиозность обустроенного Худековым имения помогает представить макет усадьбы, который стоит в музее. 43 гектара – такой масштаб даже по тем временам серьезный. Хозяйство было выдающимся и получило известность не только в нашей стране. В 1914 году на I Всероссийской выставке садоводства и плодоводства в

Санкт-Петербурге Сергей Худеков за достижения в области сельского хозяйства стал кавалером ордена Святой Анны 2-й степени. А ведь по образованию он был далек от сельского хозяйства – окончил юридический факультет Московского университета. Потом была военная служба, которую он оставил в чине майора. В отставке Сергей Худеков занялся издательским делом – сначала арендовал «Петербургскую газету», а потом купил ее. Это обстоятельство сильно повлияло на судьбу газеты. До Худекова она издавалась небольшим тиражом – всего 600 экземпляров. Новый редактор взялся за дело энергично и серьезно. Первый номер «Петербургской газеты» под руководством Худекова вышел 1 августа 1871 года. Вскоре газета стала ежедневной, значительно прибавила в объеме, и, самое главное, выросла ее популярность, и увеличилось влияние. К 1890-м годам тираж газеты достиг 24 тысяч экземпляров. Сергей Худеков сумел подобрать талантливых сотрудников и сам очень много работал как редактор. «Газета была разноплановой, политически-литературной – можно было и

рассказы почитать, и о политике узнать. – Ольга Ягодкина показывает хранящиеся в музее экземпляры газеты. – Можно увидеть и образцы работы Худекова-журналиста. Например, он получил аккредитацию и присутствовал на коронации Александра III как корреспондент». Не оставлял Худеков и литературной работы, которую начал еще на военной службе. Он продол-

жал писать пьесы, романы, либретто. Его интерес к литературе разделяла и супруга. Надежда Худекова тоже писала. В «Петербургской газете» печатались ее переводы романов и маленькие рассказы. Впрочем, сама история их отношений достойна сюжета романа. Надежда Страхова была кузиной Сергея Худекова. Вспыхнувшие между молодыми людьми чувства не одобрил

В усадьбе был целый каскад прудов – когда началось возрождение, центральный пруд спустили. Сейчас, к радости сотрудников музея, вода начала возвращаться

отец Надежды: жених, занимающийся литературной работой и не имеющий стабильного материального положения, не вызывал доверия у потенциального тестя. Ухаживания Худекова были отвергнуты, но это не стало препятствием на пути любящих сердец. Худеков решился на похищение возлюбленной прямо с бала, из-под надзора отеческого ока. Надежда Алексеевна лишилась наследства, но это нисколько не смущало молодых – их окрыляла любовь. Их семейная лодка не разбилась об испытания безденежьем: чтобы издать очередной номер газеты, поначалу им приходилось закладывать свое имущество, даже подушки. Тогда мало кто мог бы поверить, что спустя некоторое время Сергей Николаевич построит для своей жены сказочный замок в Рязанской губернии, а потом и виллу на берегу моря, которую назовет именем своей любимой. Вилла «Надежда» станет центром Сочинского дендрария. В советские годы экскурсоводы в дендрарии опускали историю ее основателя. В последнее время имя Худекова возвращается, и сегодня все больше и больше людей узнает об этом уникальном человеке.

Хоть медленно, но в усадьбе все-таки идет возрождение. Если сравнить сегодняшнее Ерлино с состоянием четырнадцатилетней давности, разница будет огромной

Когда музей открылся, местные жители стали приносить предметы из имения Худековых – долгие годы люди хранили эти вещи у себя, теперь посуда и предметы интерьера возвращаются в родную усадьбу

...И ЕЩЕ БАЛЕТОВЕД

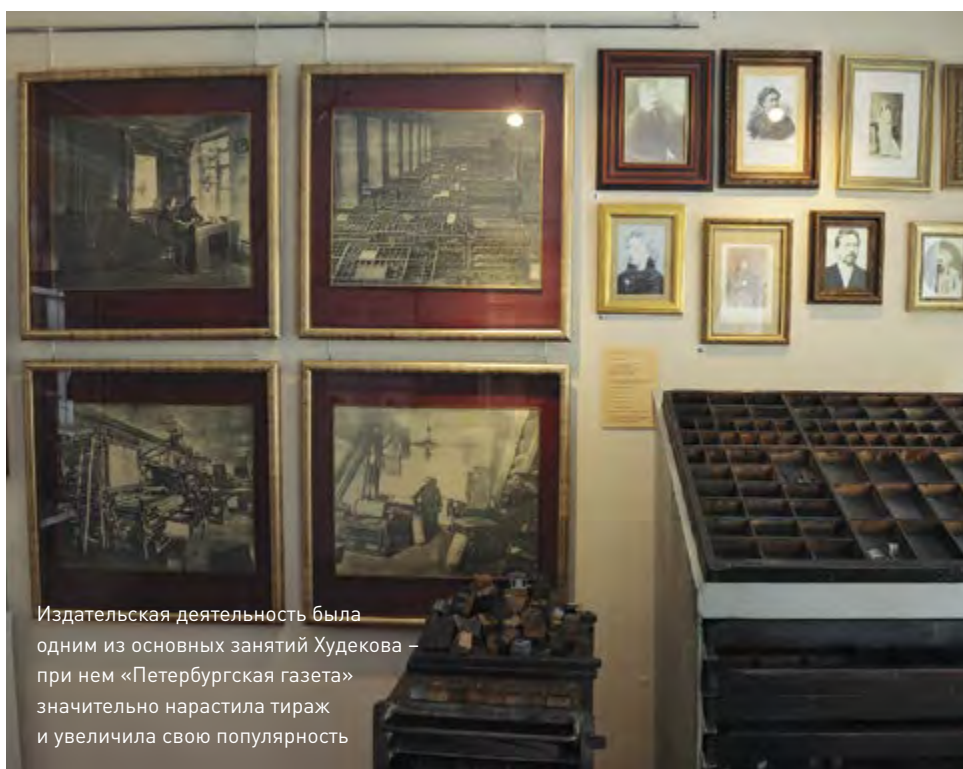
Ерлинский парк медленно возрождается. Когда восстановление только началось, планы были грандиозные, потом они стали скромнее, но самое главное, что дело все-таки продолжается. И сегодня все больше и больше туристов приезжает в глубинку Рязанской области, чтобы побывать в Ерлине. А в музее с удовольствием рассказывают о поворотах судьбы Худекова. «Родился он в Москве, жил по большей части в Петербурге, там же и похоронен, но мы говорим о нем как о земляке, потому что родители его наши, рязанские, – говорит Ольга Ягодкина. – Михайловский уезд, Подобреево, Бутырки. Это их родные места. От одной деревни не осталось ничего. В другой, где был барский дом, сохранился лишь бассейн. И хотя практически ничего не дожило до наших дней, корни его все-таки здесь».

И в Ерлине бережно хранят все предметы, связанные с Сергеем Николаевичем. «Вот эту сушарницу нашли при раскопках фундамента. А из этого самовара пила чай семья Худековых, – рассказывает экскурсо-

вод. – Нам вернул его один из местных жителей, предки которого специально забрали самовар при разорении усадьбы, чтобы сохранить его. Вот этот кофейник и часы тоже вернулись спустя век. Когда наш музей был открыт, люди стали приносить вещи из усадь-

бы, и этот процесс еще продолжается».

Каждая комнатка небольшой, но емкой экспозиции музея рассказывает об одной из страниц биографии Сергея Худекова. Военная служба, хозяйственные достижения, издательская деятельность, театр... Театру здесь

Издательская деятельность была одним из основных занятий Худекова – при нем «Петербургская газета» значительно нарастила тираж и увеличила свою популярность

В коллекции Худекова было около 15 тысяч рисунков и фотографий по истории балета, балетная библиотека... Изучением истории балета он занимался серьезно и увлеченно

Сергей Худеков прожил долгую и интересную жизнь.

Его не стало в возрасте 90 лет. Похоронили уникального человека на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в 1928 году

При всем многообразии увлечений Худекову хватало сил и на активную общественную жизнь – он избирался почетным мировым судьей Санкт-Петербурга, гласным Петербургской городской думы. В Скопинском уезде его дважды избирали предводителем уездного дворянства, он был членом Рязанской ученой архивной комиссии. Состоял директором литературно-художественного общества, членом комиссии по празднованию 200-летия Санкт-Петербурга... Перечислять его звания и должности можно долго.

Жизнь Сергея Худекова прервалась в 1928-м, когда ему было 90 лет. Он на десять лет пережил любимую супругу, сердце которой не выдержало революционных потрясений. Она скончалась в 1918 году, не перенесла испытаний, выпавших на долю семьи, и потери сына, а затем и внука... Сергей и Надежда Худековы помимо трех родных сыновей воспитали еще и любимую племянницу и мальчика-приемыша. Николай стал продолжателем издательского дела. Алексей, второй сын, после революции переехал в Скопин, женился там на учительнице английского языка. «Жили они счастливо, но в 1943 году в доме произошел пожар, и оба погибли, – рассказывает Ольга Ягодкина. – Третий сын, Сергей, в 1935 году был арестован, за пять дней ему сфабриковали дело и сослали в Казахстан на пять лет. Дальше его следы теряются». Следы прямых потомков потеряны, остались лишь потомки сестер Сергея Николаевича и его супруги, работники ерлинского музея поддерживают с ними связь. Измерить наследие Худекова почти невозможно: кажется, чем больше узнаешь о нем, тем больше остается неизведанного. Неслучайно ерлинские экскурсоводы, рассказывая о Сергее Николаевиче Худекове, говорят, что его жизни хватило бы на несколько человеческих судеб. 📌

не случайно уделили столько внимания: Сергей Николаевич был не просто заядлым театралом, он глубоко изучал историю театра. Еще в молодости он начал собирать документы, фотографии, рисунки, имеющие отношение к хореографии, за много лет у него скопилось колоссальная коллекция. Возможно, именно она вдохновила его на создание грандиозного труда – четырехтомной «Истории танцев всех времен и народов». Эта работа поражает своей основательностью. В витрине музея можно увидеть прижизненное издание – три тома были напечатаны в 1914–1916 годах. Четвертый том увидел свет в 1918 году, но его судьба сложилась трагически: в типографии произошел пожар, сохранилось лишь несколько экземпляров последнего тома. Переиздана книга была только в 2000-м, почти век спустя. Здесь же в витринах можно увидеть костюмы к балету «Баядерка», автором либретто к которому был Сергей Худеков – еще одно великое детище великого человека. Этот балет до сих пор ставится в театрах мира. Впрочем, это не единственное на-

писанное им либретто. «Весталка», «Зарайя, или Мавританка в Испании» тоже вышли из-под пера Сергея Худекова. Есть в его творческом списке и романы, один из которых, «Балетный мирок», был посвящен балету. Неслучайно в биографии Худекова нередко используется слово «балетовед»...

НАЙТИ СЕБЯ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ШАРАНГСКАЯ ХОХЛОМА, ПОЖАЛУЙ, НАИМЕНЕЕ ИЗВЕСТНЫЙ ВАРИАНТ ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО ПРОМЫСЛА. О ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИИ СЕЙЧАС НАПОМИНАЮТ РАЗВЕ ЧТО ЭТИКЕТКИ В МУЗЕЯХ И НА АУКЦИОНАХ, ГДЕ В КАЧЕСТВЕ МЕСТА ПРОИЗВОДСТВА ИЗДЕЛИЯ УКАЗАНА ШАРАНГСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФАБРИКА.

Я ОТПРАВИЛСЯ В САМЫЙ ДАЛЬНИЙ УГОЛ Нижегородской области, в рабочий поселок Шаранга, чтобы узнать о судьбе некогда популярной росписи. Представление получил двоякое: с одной стороны, в стро-

гом смысле хохломой здесь давно не занимаются. С другой – шарангская хохлома живет и развивается... в детском творчестве. И все благодаря энтузиазму и творческому вдохновению Александры Аркадьевны Ануфриевой, стоявшей

у истоков появления хохломы в Шаранге.

История шарангской росписи началась на Красногорском деревообрабатывающем участке. Само предприятие было образовано в 1930 году на хуторе, впоследствии названном «Красная Горка». Спустя 38 лет завод переехали в Шарангу, где и взялись за декоративный промысел. Поначалу небольшой художественный цех располагался в здании проходной местного завода. Но цех разрастался, и в итоге само предприятие переименовали в «Шарангский завод сувениров». В 1973 году завод стал филиалом Семеновского производственно-художественного объединения «Хохломская роспись» (см.: «Русский мир.ру» №7 за 2016 год, статья «Великое наследие ложкарей». – Прим. ред.). Александра Ануфриева пришла на завод в 1975 году 16-летней девушкой.

«ПРОЧАЯ» РОСПИСЬ И «АЛЮМИНИЕВЫЕ» ЛОЖКИ

Дом детского творчества – одно из немногих исторических зданий Шаранги. И в образовательном плане – наследственное: до революции 1917 года в нем размещалась церковно-приходская школа. Здесь мы и встретились с создательницей шарангской хохломы.

Собственно хохломой в первые годы шарангский филиал не занимался. Делали матрешку, сувенирную посуду, карандашницы. Рисовали анилиновыми красителями на воде, изделия грунтовались крахмалом, покрывались масляным лаком. На фабрике это называлось «прочей» росписью. На встречу Александра Аркадьевна принесла редчайшие изделия той «прочей» росписи – салфетницу и карандашницу.

– Мы использовали холодную обработку изделий, – рассказывает Александра Аркадьевна, – а для хохломы нужна горячая обработка лака, чтобы роспись стала именно «золотой». А главное – самой хохломской росписи нужно было учиться. Началось с того, что нам привезли «алюминиевые» ложки! Мы смеялись, не понимали, что это деревянные заготовки, загрунтованные специально под хохлому. Из Семенова приехали две художницы-наставницы, одна из них – Елизавета Владимировна Яковлева, заслуженный художник СССР. Учить-

ся было очень трудно. В росписи хохломы используют специальные кисти, самодельные, из беличьего хвостика. Кисти тончайшие, держать их нужно особым хватом, тремя пальцами, – так кисть свободно поворачивается во все стороны, удобно рисовать завитки, вести извивающуюся линию стебля. Привыкали к масляной краске – она такая тяжелая и пахнет сильно.

У Александры Ануфриевой после закрытия фабрики сохранились неоконченные изделия. На них она наглядно показывает этапы хохломской росписи

ПЕТУШОК С КОРОБКИ ДРАЖЕ

Александра Ануфриева родилась в 1957 году в деревне Малое Гусево Шарангского района. В 13 лет переехала в село Рожнецово вместе с родителями – дом в родной деревне раскатали на бревна и собрали на новом месте жительства. Рожнецово в те времена было передовым селом: здесь провели электричество, построили медпункт, школу и универмаг, проложили гравийную дорогу до Шаранги. Дети из окрестных деревень ходили учиться в рожнецовскую школу за 5, а то и за 15 километров.

– Я с детства любила рисовать, – вспоминает Александра Аркадьевна. – Тягу к прекрасному, к узорам мне привила мама еще в раннем возрасте. Помню, в доме у нас была красиво убранная божица с иконами. К Пасхе мама украшала ее белым кружевом – вырезала узоры из бумаги. В школе до пятого класса рисование нам преподавала Августа Ивановна Криницина. Однажды задала рисунок на свободную тему. Мне приглянулась коробочка от конфет драже с красочной картинкой: петушок с косой идет, домик, речка... Срисовала ее на большой лист. Августа Ивановна посмотрела и так серьезно сказала: «Шура, ты должна рисовать». И я поверила в свои способности. Увлекалась рисованием, состояла в редколлегии стенгазеты, на конкурсы рисовала. Мне хотелось учиться на художника, но возможности не было – жила я одна с мамой...

По этой причине Александра Аркадьевна после восьмого класса пошла работать на шарангскую фабрику, доучивалась в вечерней школе. В Шаранге юной художнице попалась книга о хохломе, по иллюстрациям она сама взялась осваивать старинную роспись. В 1984 году Александру Ануфриеву назначили старшим художником на фабрике и сразу отправили на стажировку в Семенов. – Как же работали семеновские художники! – вспоминает Александра Аркадьевна. – У меня дыхание перехватывало. Золотые

Здание Дома детского творчества сохранило облик дореволюционной школы, внутри – необычные лестницы, коридоры, массивные стены...

руки! Я окунулась в атмосферу «золотой» хохломы, словно в сказке побывала. Вернулась в Шарангу – решила на фабрике делать перестройку. Мы ведь рисовали типовую «массовку». Я поняла, что пора расти, заниматься искусством, хохломой. Начальство мои идеи не одобряло, говорили, что это целая проблема: грязно, пыльно, не получится. Стала работать втихую. Сделала под хохлому набор посуды для окрошки и поставила директору на стол. Ему понравилось, сказал: «Давай пробовать». Одной такие горизонты мне было не осилить, подготовила в качестве второго ведущего художника свою ученицу, Светлану Михайловну Волкову. Нам выделили экспериментальный цех, кабинет. Мы разрабатывали хохломские наборы, возили их на утверждение в Нижегородское управление народных промыслов – без их одобрения и выдачи паспорта на изделие мы ничего производить не могли. И брать образцы изделий семеновской фабрики не имели права – все охранялось авторским патентом.

– Когда я привезла набор для окрошки на художественный совет в Нижний, очень переживала, – продолжает Александра Аркадьевна, – какой я художник? Самоучка, раскритикуют на комиссии. Но главному художнику семеновской фабрики Екатерине Николаевне Доспаловой моя работа понравилась. Она была удивлена, что Шаранга рискнула взяться за хохлому. Посмотрела внимательно на сочетание рисунка и формы изделия, о щеку окрошницу потеряла – такой у мастеров способ проверки гладкости изделия. ЗаклЮчила, что хохлома у нас правильная, традиции росписи сохранены и свой хохломский стиль обозначился. Одобрив и утвердила.

Для запуска хохломы на фабрике мы отбирали способных художников, учили их более сложной росписи, образовался хохломской цех. С 1989 года мы стали работать самостоятельно, вышли из состава семеновской «Хохломской росписи», объединились с Тонкинским и Тоншаевским

Раритетное изделие Тонкинского участка Шарангской фабрики. Инкрустация соломкой

участками, образовав Шарангскую художественную фабрику. В Тонкине занимались инкрустацией изделий соломкой, в Тоншаеве точили заготовки для работы. С Семеновом у нас сложился бартер: мы им поставляли липу, они нам – прессовку, то есть заготовки для изделий из прессованной под горячей смолой липовой стружки. Некоторые работы уходили в Европу и Америку. Куда только не отправляли! Я лично самовар для Гонконга расписывала! Художники в те времена хорошо зарабатывали – по 200–300 рублей в месяц, к нам шли талантливые девчонки после окончания школы.

ТРАВКА И ЛАЧКА

– На ярмарке в Нижнем Новгороде в 1985 году родилась идея нашей шарангской росписи, – рассказывает Александра Аркадьевна. – Мы проводили мастер-класс по росписи на деревянных ложках и шкатулках. Заготовки представляли собой просто загрунтованное «белье». Расписывали рябинкой, ягодками, цветками, листиками и элементами травки – все очень скромно. Посетителям такой подход очень понравился – горожанам хотелось видеть больше открытого дерева на изделии.

Лудильщицы Шарангской фабрики – создательницы «алюминиевых» ложек

Александра Аркадьевна сама делает кисти и экспериментирует с красками для изделий

смотрят на травку – самая тонкая и трудная работа. У семеновских мастеров травка более кудрявая, в Ковернине – травка в виде осочки, в Шаранге – травка не такая богатая, как семеновская. У каждой фабрики своя лачка на изделиях – в соответствии с замыслом технолога или главного художника. В лак добавляется краситель желтый и оранжевый, цвет лака зависит от того, в каких пропорциях разбавили краситель и сколько его добавили в лак. А все же самое важное – это стиль самого художника. Как у каждого человека свой уникальный почерк, так и по почерку письма художники узнают друг друга.

«ДЕТСКАЯ» ХОХЛОМА

Век шарангской хохломы был недолог, в 1996 году фабрика закрылась. Некоторые разработки шарангских художников стали производить в Семенове, восемь из них выпускаются до сих пор – в том числе наборы для окрошки, для салата и другие работы Александры Ануфриевой.

Отработав двадцать лет на фабрике, Александра Ануфриева пришла в Дом детского творчества, где уже трудится четверть века.

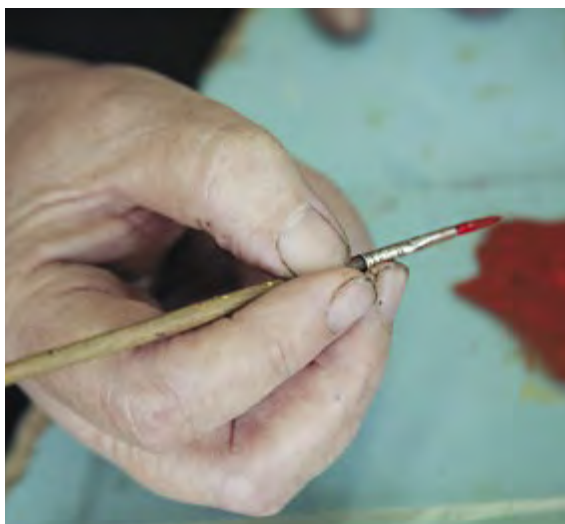
– По СанПиНу, мы не могли соблюдать с детьми технологию изготовления хохломы, делать обжиг, использовать масляные краски, – рассказывает Александра Аркадьевна. – Пришлось придумывать свою технологию. Грунтовка изделий лучше всего получилась с помощью крахмала и клея ПВА, для росписи – гуашь или акриловые краски, покрытие – масляный лак с добавлением красителей, растворителя и уайт-спирита. Результата добивалась методом проб. Если в лак, например, добавлять только растворитель, он будет сворачиваться.

Заготовки нам делает местный токарь, Николай Федорович Филимонов – с ним вместе мы работаем уже 45 лет. Я только эскизы с размерами нужных изделий создаю, а он их вытачивает на токарном станке. Ну, и старыми заготовками ложек пользуемся –

Вернувшись, решили сделать образцы сувениров, используя простую роспись с элементами хохломы, более доступную в технологическом плане роспись холодной обработки. Заготовки покрывали масляным лаком и рисовали масляными красками для хохломы. Традиционная хохлома ведь очень сложный технологический процесс. Изделия грунтуются специальным глиняным составом, шлифуются; следующий этап – олифление в три приема, затем втирается алюминиевый порошок полуда, заготовки становятся как будто металлические. После росписи просушенное изделие покрывается масляным лаком и закаливается в печи при температуре 270–300 градусов. Для получения более насыщенного золотого цвета лакирование повторяется несколько раз с промежуточным закаливанием. Правда, сейчас в Семенове пишут не по луде, а по золоту, уже лакированному цветным

лаком. Расписанные изделия покрывают слоями бесцветного лака. Так получаются более яркие краски. В музеях очень хорошо видно отличие старой хохломы от современной – изделия прошлого более темные. Обыватель наверняка не сможет отличить стиль разных хохломских фабрик. Но только не художники. Прежде всего они

Особый хват кисти тремя пальцами – неременный навык для хохломской росписи

после закрытия фабрики их осталось около 3 тысяч.

Изделия у Александры Ануфриевой получились очень похожие на семеновские – даже мастер хохломы из города Урень удивилась: каким образом добились такого результата без обжига? В классах Дома детского творчества на стенах развешаны лучшие работы учеников и самой изобретательницы «детской» хохломы.

ДУШЕВНАЯ РОСПИСЬ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

На занятие по росписи пришли ученицы разных возрастов и сразу взялись за дело. Александра Аркадьевна работает с каждым индивидуально, старается, чтобы ученик поверил в свои способности.

Кате Суходольской 8 лет, она рисовала гуашью пейзажи на бумаге в стиле ордынской росписи. «Бедноватая картина, – подсказывает Александра Аркадьевна Кате, – добавь стог сена, сороку, белочку, травки побольше; трубы у домиков должны быть, камень-противовес на колодце-журавле... Интересно, как ты листики нарисовала – полужелтые-полужелтые». Катя признается, что любит рисовать лошадей. Хотя лошадей в хозяйстве в Шаранге сейчас никто не держит, на улице можно встретить красавцев-скакунов из спортивной секции, они же и на праздниках в поселке выступают. Катя считает, что умение рисовать ей пригодится в жизни – хочет стать воспитателем в детском саду...

– Начинаем мы обучение, как правило, с городецкой росписи, – рассказывает Александра Аркадьевна, – она более доступная, элементы простые. Далее ордынская роспись, дети особенно ее полюбили, она очень подходит как подготовительная для хохломы, в ней много хохломских завитков, капельных элементов – такая душевная роспись, которая привлекает начинающих. С Катей мы со следующего года хохломой займемся. В первую очередь я учу правильно держать кисть

Из рекламного буклета хохломских изделий Шарангской фабрики. Конец 1980-х годов

тремя пальцами. Еще в старину мастера придумали держать кисть особым способом – тремя пальцами в щепотку. Кисть всегда должна стоять прямо, вертикально. Если ее взять как ручку, то брюшком кисть будет задевать поверхность, заплетаться, мазать. А так, направляя кончик кисти, его можно разворачивать в любую сторону, можно тонко рисовать завитки.

РОСПИСЬ НА КОЛЕНКЕ

– В хохломе для начала изучаем элементы: реснички, капельки, травинки, завитки, кустики, листочки разной формы, – продолжает Александра Ануфриева. – Рисуем ведущую линию-стебелек, на него помещаем главные элементы, добавляем прочие мелкие украшения. Последним

Декоративные панно учеников Александры Ануфриевой

Заготовки из липы для нее сделал папа. Рисунок – клубника с вишней. Точки-семена на клубнике ставила зубочисткой. На следующей доске в сладкую идиллию пририсовала... снегорей.

Ане 16 лет, рисует она в разных стилях, учится в Шарангской художественной школе. На занятии Аня, как настоящая художница, много работает с палитрой: краски смешивает, нужную консистенцию наводит, пробует кисть. В рисунках любит эксперименты. На смартфоне показывала дипломную работу в школе искусств – картину «Индейцы на поляне». Говорит, что мотив был навеян фильмом «Одинокий рейнджер»...

Ученики Дома детского творчества постоянно участвуют в конкурсах – областных, всероссийских, международных. Аня в последний год стала абсолютной чемпионкой по количеству занятых первых мест. Правда, из-за пандемии о своих победах она узнавала с опозданием. Последние пять конкурсных грамот Ане были вручены при нашей встрече.

этапом идет роспись травки, ею заполняем свободное пространство.

Ведущей линией и написанием травки на деревянных ложках занималась ученица пятого класса Маша Наумова. Делала это традиционным способом: поставила подножку, держала ложку на коленке. Ложки хоть и получаются внешне как хохломские, но их бытовое использование ограничено.

– Нашими ложками, конечно, можно есть, но не горячее – они больше сувенир, – объясняет Александра Аркадьевна.

– Я пробовала есть – неудобно, ложка в рот не лезет, – говорит Маша.

– Конечно, ею нужно не как обычной ложкой, а как черпачком еду в рот заливать, – смеется Александра Аркадьевна. – У нас многие помидоры протирают через сито такими ложками. Или как мой дед, который под себя зубами ложку сточил – ему было удобно.

– Хорошо этими ложками оладьи печь, – делится опытом Аня Егошина, – теста как раз на один оладушек помещается в ложку. Аня на уроке расписывала кухонные разделочные доски.

Анна Егошина расписывала разделочную доску клубникой, а затем решила добавить снегорей

ПРАВИЛЬНЫЙ ХВОСТ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОЙ КИСТИ

Александра Аркадьевна с ученицами вспоминали, как пару лет назад для них устроили мастер-класс в Семенове. Директор Фонда развития народных художественных промыслов Нижегородской области Николай Смирнов посещал места, связанные с традициями хохломской росписи, побывал и в Шаранге. Курс хохломской росписи в Доме детского творчества ему очень понравился, детей с преподавателем пригласил посетить фабрику в Семенове. Экскурсии и мастер-классы длились более пяти часов. Дети остались под большим впечатлением и от работы художников, и от сложного процесса производства хохломы. А вот на мастер-классе показать себя не получилось – юным

Идеалистическое воплощение деревенской жизни в детском творчестве

художникам выдали «лохматые» кисти.

– Мы привыкли рисовать хорошими тонкими кистями из беличьих хвостиков, какими только и возможно рисовать хохлому, – объясняет Александра Аркадьевна. – Я сама кисти и для себя, и для детей делаю. В советское время мы покупали кисти на семеновской фабрике. Но это было дорого, и мы решили направить наших художников в Семенов перенимать опыт. С технологией они познакомились, но делать кисти отказались – показалось, что очень сложно. Я тоже все посмотрела и зафиксировала. А когда остались без кистей, стала делать их сама. Специалист по снабжению привозил на фабрику беличьи хвосты с охотоведческого хозяйства Кировской области. Хвосты нужно отбирать – не всякий подойдет для кисти, бывает кудрявый, обесцененный, незрелый волос, важно, чтобы шкурка была заготовлена в нужное время. Дома стираю хвосты хозяйственным мылом. Вешаю сушиться на бельевую веревку под прищепку. Соседи первое время удивлялись, что у меня хвосты висят. Сейчас привыкли.

Сам процесс изготовления действительно кропотливый. Беру между пальцев пучок волос – на глаз, сколько нужно для кисти – и отрезаю от хвоста ножницами. Волос берется от корешка, макушка не используется, она слишком мягкая. Держу отрезанные волоски за макушку и выдуваю пух от корешка. Затем вкладываю будущую кисть в изгиб открытки корешками вверх и постукиваю об стол. Опять выдуваю пух, снова постукиваю. Когда пуха не осталось и волоски подравнялись, закидываю петельку на пучок особым узлом, чтобы не развязался. Подрезаю корешки, смачиваю хвостик кисти скипидаром, чтобы волоски сжались; вдеваю пучок в ягилёк (железную трубочку), нанизываю черенок – и кисть готова.

Декорация на кухню в стиле шарангской росписи с «открытым» деревом

Заготовок ложек от закрытой фабрики осталось еще 3 тысячи, что дает ученикам волю в росписи этого традиционного хохломского предмета

СИДИМ ДОМА И ШИНКУЕМ КАПУСТУ

Пока мы обсуждали беличьи хвостики, Маша расписала все ложки. Взялась разбирать свои прошлые рисунки. Она любит рисовать и дома. Особенно много домашних рисунков получилось в период карантина. В серии «Сидим дома» у нее девочки в масках, расписанных под хохлому и городецкую роспись. Маша, как выяснилось, внучка Александры Ануфриевой, а старшая сестра Маши окончила училище по профессии педагог-художник-дизайнер. Дети Александры Ануфриевой хох-

ломой не занимаются, но любовь к декоративно-прикладному искусству имеют. Сын в свободное время режет по дереву, дочь окончила художественную школу, в свободное время расписывает панно. Если делать с душой, росписью можно зарабатывать, считает Александра Аркадьевна. Неожиданно было узнать, какие сейчас темы наиболее популярны у покупателей. Например, декоративное панно на кухню с изображением женщины, которая шинкует капусту. Уже шесть раз такое панно заказывали. Видимо, примета времени...

– Иногда хочется отвлечься от хохломы, – говорит Александра Аркадьевна. – Мне очень нравится жостовская роспись. Все есть: краски, кисти, заготовки – нет времени. Хочется и маслом пейзажи порисовать. Только когда? Вроде бы живу в поселке, на пенсии, а времени свободного нет. Все пытаешься новые идеи найти для занятий с детьми. А идеи по-разному приходят. Еду в автобусе, смотрю в окно – и вдруг вижу форму. Зарисовываю ее, потом еще полдня и полночи о ней думаешь. Я любила и люблю наблюдать за листьями, цветами, оттенками

Александра Аркадьевна. – Меня приглашали, а как уедешь, если семья и двое детей? В 1990-е годы я ездила на курсы иконописи в Нижний Новгород. Новое для меня было искусство, загадочное. Увлеклась так, что решила продолжать самостоятельно. Краски в Петербурге заказала, училась готовить поверхность иконы, краски для каждого слоя. Пробовала писать, но почувствовала, что это все не то. Обязательно нужен наставник, знание канонов, на исповедь ходить – все-таки это духовное творчество.

Но я уверена, что нашла себя здесь, в работе с детьми. Это очень интересно. Иногда они такое нарисуют – думаешь, ничего из него не получится. А потом вдруг раз – и настоящий талант открылся. В Доме творчества все время нужно быть в поиске, искать новые темы, формы, адаптировать находки под наши условия. Мы попробовали хохлому на ткани – хороший вариант росписи по батiku получился. Козаковскую филигрань освоила наша коллега Светлана Алексеевна Лежнина – только не на металле, как в оригинале, а из бумаги. Делали множество миниатюр – под конкретные темы и праздники, конкурсы. А еще, например, мне попалась старинная каталка-ходунки для ребенка, так мы ее воспроизвели в хохломском стиле. Для детей это особенно важно – попробовать разное творчество, постараться найти свои таланты.

Стоит добавить, что многие находки Александры Ануфриевой получают призовые места на различных конкурсах. А в 2018 году Министерство образования и науки РФ присвоило творческому объединению «Хохломская роспись» звание «Образцовый детский коллектив». Дому детского творчества в пору выставочную экспозицию открывать: находок интересных много, но большинство из них лежит в закромах, и далеко не всякий житель поселка их видел. 📍

красок и формами в природе в разные времена года... Замечательные идеи встречаются в Интернете. Например, художница Нина Ивановна Мухлынина придумала капельную (ордынскую) роспись: дома, деревья, животные, птицы – все из капель. Роспись такая простая, доступная и в то же время сказочная – мы ее дополнили и с радостью используем.

В ПОИСКЕ

За годы работы Александра Ануфриева научила рисовать и понимать декоративную роспись множество детей. Самые способные пошли учиться в Семеновский художественный техникум, среди учеников есть выпускница Йошкар-Олинского художественного училища. – Жалею, что у меня самой не получилось учиться, – сетует

Необычно было видеть, как дети разных возрастов занимались разной росписью, но были в одном творческом потоке, обсуждали элементы, мотивы, краски

Характерные орнаменты и цвета шарангского стиля хохломы

РОСТОВСКИЕ КОРЕЙЦЫ

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

«КОРЁ-САРАМ» – ТАК НАЗЫВАЮТ СЕБЯ КОРЕЙЦЫ, ЖИВУЩИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. В ПЕРЕВОДЕ ЭТО ОЗНАЧАЕТ «КОРЕЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК».

В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ корейцев немало: здесь живут 12 тысяч корё-сарам. В каждой станице можно увидеть обрабатывающих свои небольшие участки корейцев. А на Центральном рынке Ростова-на-Дону есть целый ряд с корейскими салатами, которые продают красавицы с раскосыми глазами и в кокетливых масках с кружевом и стразами. По-русски корё-сарам говорят как типичные жители юга Рос-

сии – с мягким фрикативным «г», растягивая гласные. Когда хозяйка дома – кореянка приглашает вас к столу со словами «Добро пожаловать к нам на Дон», а на столе соседствуют казачье сало и традиционные корейские ттокпокки, это производит впечатление!

С корё-сарам приятно иметь дело, говорили нам многие жители Ростова-на-Дону. Они очень вежливые, учтивые, деликатные, исполнительные. И к тому же настоящие трудоголики.

ТАНЦЫ С ВЕЕРАМИ И БАРАБАНАМИ

В станице Ольгинской, что недалеко от Ростова-на-Дону, недавно отремонтировали Дом культуры. «Идешь по станице, здесь – корейцы живут, там – русские, там – цыгане. У нас все дружно живут и нет споров. Русские до корейцев ходят в гости, корейцы – до цыган. Когда корейцы приехали в 1956 году, то только на земле работали. У нас в станице был знаменитый бригадир шестой бригады Пу Ин Дю, его бригада считалась лучшей по овощам, он был даже награжден за это. Людмила Хегай была в свое время продавщицей в райпо, сейчас вот ее избрали депутатом, – рассказывает директор ДК Ирина Пустошкина. – Корейская диаспора очень заметна в нашей многонациональной станице, их здесь 800 человек. В 2019 году отмечали 210 лет станице, устроили праздник, показывали национальные культуры. Казаки, корейцы, армяне и цыгане накрыли четыре стола со своими национальными блюдами. Гордость ДК – ансамбль корейских национальных танцев «Ариран», которым руководит Ирина Ли. Мы приехали на ре-

Ансамбль «Ариран» репетирует танец с веерами на сцене Дома культуры станицы Ольгинской Ростовской области. В станице живет 800 корейцев

АСЯНДИ, СВАДЬБА И ХАНГАБИ

«В жизни корейцев есть три очень важных момента, когда накрываются торжественные столы. Годовщина, когда ребенку годик, – этот праздник называется «Асянди». Второй – по случаю вступления в брак – это «Свадебная церемония». И последний – «Хангаби», в день 60-летия. Это подведение итогов твоей жизни, грустный праздник. Тут уже взрослые дети накрывают столы родителям и зовут гостей, – рассказывает председатель национально-культурной автономии корейцев Ростова-на-Дону Владимир Менгукович Ли. – Рождение сына – это самое великое событие в семье, потому что сыновья – продолжатели рода, на сыновьях лежит большая ответственность. Когда родители состарятся, они живут с сыном в одном доме. Сын ухаживает за стариками и провожает их в последний путь только он. Это честь, которая достается старшему сыну. В чем еще смысл проживания со стариками? Дети должны видеть, как их отец относится к деду, какие почести он ему отдает. Это и есть сохранение традиций и самобытности. Для корейцев отдать родителей в дом престарелых – это нонсенс».

При этом, по словам Владимира Ли, у корейцев нет культа детей. «Мы рады появлению ребенка, но у нас господствует культ стариков. Ведь пожилым людям многое уже не дано, счет идет на годы, а у детей все еще впереди. Поэтому мы отдаем предпочтение старикам, – говорит он. – Если накрываем стол, то все лучшее – пожилым. На Востоке вообще почитают стариков». Владимир Ли везет нас на своей машине на окраину Ростова-на-Дону. Здесь в одном из новых районов живет семья: Сергей Пак трудится шеф-поваром, его супруга Вероника Ким воспитывает троих детей. Младшему сыну, Тимуру, сегодня исполняется годик, утренняя часть праздника Асянди отмечается дома в присутствии близких

петицию танца с веерами. Участницы «Арирана» – это дамы элегантного возраста. Но на сцене этого не видно. Во-первых, на артистках невероятно яркие костюмы «ханбок». Розовая кофта, длинная юбка изжелта-зеленого цвета, нижняя юбка – все сшито из дорогих тканей, которые покупали в Южной Корее. Сбоку на поясе висит кисточка, чем она длиннее и богаче украшена, тем более высокое положение в обществе занимает женщина. На голове у танцовщицы шапочка, напоминающая райское яблочко. Движения в танце очень плавные, веера, которые держат в руках исполнительни-

цы, превращаются в одну непрерывную ленту, которая движется по кругу, переливаясь яркими цветами...

Ирина Ли периодически ездит в Южную Корею на семинары, где совершенствует свои навыки танца и пения. Она объясняет, что все корейские танцы произошли от шаманских обрядов, поэтому исполняются с атрибутами – веерами, ножами, барабанами. Выясняется, что по вечерам Ирина преподает в Корейском культурно-просветительском центре. В нем мы тоже побывали, застали репетицию танца с барабанами, который исполняли юноши и девушки.

Ирина Пустошкина, директор ДК станции Ольгинской, позирует рядом с Ириной Ли, которая руководит ансамблем «Ариран»

В Ростове-на-Дону надо обязательно посетить Центральный рынок. Здесь невероятное изобилие рыбы, раков, овощей, фруктов. Есть и целый ряд с корейскими салатами

родственников. Пока Тимур спит, в квартире появляются профессиональные декораторы с огромными коробками. Из них они выгружают и устанавливают в комнате массу красивых вещей. Первой появляется трехстворчатая ширма в голубоватых и бежевых тонах. За ней – низкий длинный столик и стульчик. Стол декорируется разноцветными тканями, на него ставят свечи, вазы с искусственными цветами, маленькие башмачки, водружают блюда с корейским рисовым хлебом, рисом, фасолью. Затем на стол ставят самое главное: разные предметы, из которых ребенок выберет только три понравившихся. Корейцы верят, что от этого выбора зависит его дальнейшая жизнь. Цветная бумага скручена в рулоны – если малыш к ней прикоснется, его ждет яркая жизнь. Если он возьмет ножницы – будет мастером на все руки. Схватит лук – вырастет смелым и ловким. Книга символизирует ученость, молоточек судьи – стремление к справедливости.

Наконец вся семья нарядилась в национальные одежды. Тимур внесли на руках и посадили за столик. Затем последовала долгая и подробная фотосессия. И вот наступил важнейший момент. Родственники начали бросать на столик купюры, которые прежде всего и заинтересовали ребенка. Стоило ему коснуться купюры, как раздались радостные возгласы родственников: значит, мальчик будет состоя-

Корё-сарам, российские корейцы, стараются сохранять национальную идентичность. Когда маленькому корейцу исполняется год, семья с огромным размахом отмечает праздник Асянди

На празднике Асянди малыш должен выбрать три предмета из разложенных перед ним. Этот выбор определит его дальнейшую жизнь, считают корейцы

тельным господином. Потом Тимур выбрал счеты и стетоскоп доктора. Будет главврачом больницы, не иначе – решили гости. Вечерняя часть Асянди продолжилась в ресторане. Тут уже были десятки гостей и те самые столы, которые ломались от яств.

ВЫ, КОРЕЙЦЫ, ОТКУДА?

При знакомстве корё-сарам обязательно спрашивают друг друга: «Вы, корейцы, откуда?» С 1860-х годов корейцы начали переселяться из Кореи в российское Приморье, становясь подданными русской короны. Фактически корейцев приглашали: нужны были люди для освоения новых земель, а корейцы издавна считались прекрасными земледельцами. Вот, к примеру, отрывок из заключения участников Амурской экспедиции 1895 года: «Кореец как земледелец может укрепиться в любой глуши, жить, не завися от остального мира и не чувствуя влечения к нему. Такая черта хороша тем, что корейца возможно по-

Анатолий Ким и его «Белка»

Многие в детстве зачитывались повестью-сказкой «Белка», написанной российским писателем корейского происхождения Анатолием Кимом. «Я сирота, отец мой погиб во время войны в Корее, а мать умерла от голода в лесу, сжимая в руке клочок бумаги, где было начертано имя ее мужа, офицера Народной армии. Рядом с матерью лежал я, трехгодовалый ребенок, меня подобрал крестьяне и передали в государственное учреждение. Очевидно, мать бежала со мною на руках, спасаясь от наступающего врага, и заблудилась в лесных дебрях одной из глухих провинций Северной Кореи» – так начинается повесть «Белка».

Сам Анатолий Ким родился в Казахстане. Герой повести имеет сходные с автором черты, он тоже окончил художественное училище, но у него совершенно иное, трагическое, раннее детство. В повести Ким хотел напомнить об истории своего народа. Гражданская война в разделенной на две части Корее началась 25 июня 1950-го и длилась три года. В противостояние вмешались СССР и США. Мать Анатолия Кима спасалась от американских солдат, как сказано в повести. Беженцев, пытавшихся из Северной Кореи перебраться в Южную, расстреливали на границе. Американцы уничтожали всех, кто приближался к их позициям на линии фронта, включая мирных жителей. СССР принимал беженцев из Кореи.

шения на родину, дома представляла. Они охотно уезжали». Особой страницей в истории корейской диаспоры в Приморье стал 1937 год. Корё-сарам называют ее по-разному: депортация, принудительное выселение, переселение.

21 августа 1937 года Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) выпустили постановление о выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края. Михаил Мун называет эту историю «переселением», подчеркивая необходимость такой меры: «Обострились отношения с Японией, японцы устраивали провокации, захватили к тому времени Маньчжурию, а в июле 1937-го вторглись в Китай. Вели подрывную деятельность против Советского Союза. Естественно, этим озаботились, приняли решение не переселить, а выселить корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию, чтобы не дать возможности японским шпионам затеряться среди корейцев. Корейскому населению дали два месяца, чтобы собраться и перевезти вещи и сельскохозяйственный инвентарь в Узбекистан и Казахстан. Было трудно, но корейцы и здесь освоились». И все же нельзя не добавить: корейцы имели статус административно высланных, их передвижение было ограничено. В Советской армии молодые корейцы не служили, многие работали на шахтах и вредных производствах. Тем не менее молодежь стремилась в армию, выдавали себя за казахов, меняли фамилии.

В Узбекистане и Казахстане корейцам давали солончаки, которые они превращали в плодородные почвы. Появился феномен корейских колхозов-миллионеров, о них писали в газетах. У всех на слуху были эти колхозы – «Политотдел», «Полярная звезда», «Коммунизм». Их председатели получали Золотые Звезды Героев Соцтруда, 130 узбекских корейцев удостоились этого звания.

слать в самые отдаленные, бездорожные уголки территории и не заботиться о нем. Встречаются такие кручи, освобожденные корейцами от древесной растительности, что становится непонятным, каким образом могли корейцы возделывать их под посев. Рабочему скоту не подняться туда, даже без плуга». Считается, что сахалинские корейцы отличаются от потомков корейцев, приехавших при царе. «Мы с Россией пережили все перипетии истории, строили социализм, войну пережили, – говорит ростовчанин Михаил Мун. – А сахалинские корейцы – другие. Южный Сахалин был японским до 1945 года, японцы туда из Кореи силком привози-

ли рабочую силу. Немногие на остров добровольно переселились. У сахалинских корейцев менталитет другой: они из феодальной и колониальной Кореи. Японцы в 1910 году аннексировали Корею, установили свой порядок, промышленность не развивали, только сырье вывозили. 200 тысяч женщин и девушек забрали и по солдатским борделям распихали, для опытов брали корейцев, все это закончилось только в 1945 году с окончанием Второй мировой. Время прошло, сахалинские корейцы стали вращаться в советскую жизнь. Но мы потеряли связи с Кореей, а у них она оставалась. И после перестройки Южная Корея стала создавать им условия для возвра-

У Людмилы Пак в оранжерее 800 видов фиалок. Корейцы славятся умением работать на земле, выращивать овощи и цветы

В Культурном центре при посольстве Южной Кореи любой желающий может заниматься изучением корейского. В последнее время к языку и культуре Страны утренней свежести растет интерес

РИС, ОВОЩИ, ФИАЛКИ

А дальше – новое переселение. Правительство приняло решение увеличить посевы риса. И поехали корё-сарам в Ростовскую область, где в пойме Дона создавали рисоводческие колхозы. Это естественно, рис – основная пища корейцев.

Владимир Ли вырос в Дагестане. Его отец Мен Гук был видным партийцем. Он вспоминает, как в 1958 году отца вызвали в райком партии, а он взял с собой сына. Владимир ждал отца в коридоре. Дверь открылась, вышел Мен Гук Ли и сказал фразу, которую в семье часто вспоминают: «Я буду выращивать рис!»

В рисоводстве корейцам тоже не было равных. Хотя все же сельскохозяйственная специализация корё-сарам – овощи. Например, в семье Владимира Кима выращивают красный жгучий перец. Совсем небольшой участок, 10 соток, засеян ровными грядками. Хлопот с перцем немало: два раза в день пропалывать, поливать, то накрыть полиэтиленом, то снять его – в зависимости от погоды. Собрать перцы сложно, Владимиру и Ольге помогают их внуки. Затем перцы сушатся в парнике, разложенные по ящичкам. Сухие перцы перемалывают и продают на рынке.

А несколько лет назад Людмила Пак обзавелась тремя горшочками с фиалками. Через два года фиалки уже не помещались в доме, и тогда супруг построил для них оранжерею, где свет и тепло регулируются автоматически. Сейчас у Людмилы 800 сортов фиалок, она участвует в специализированных выставках, получила две медали за лучшие цветы. Людмила следит за всеми новинками, выписывает саженцы из Америки, с Украины. Ездит в Москву за образцами. В оранжерее на каждой полочке висит аккуратный перечень сортов. Часть цветов отдыхает внизу, почти в темноте. Часть – под лампами искусственного света готовится к новой выставке.

В Ростовской области живет около 12 тысяч корейцев. Их пригласили сюда в 1950-х выращивать рис. На своих частных небольших участках корейцы выращивают овощи

Полина Хан – золотая медалистка чемпионата Европы в 2017 году, мастер спорта по тхэквондо. Этот вид борьбы, где удары наносят голыми ногами, родился в Корее

**ПРИБЛИЖЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ
СТРАНЫ УТРЕННЕЙ
СВЕЖЕСТИ**

С 1950-х в Ростове-на-Дону корейцы стали селиться в районе Советский. Здесь много частных домиков, есть улицы, где почти все дома принадлежат корё-сарам. Недаром здесь открыли Корейский культурно-просветительский центр, для которого Римма Цай предоставила свой участок. Здесь возвели двухэтажный флигель, куда по вечерам приходят на бесплатные занятия все желающие.

Звонок в дверь, с порога доносится традиционное приветствие «Анё хасэё!», то есть «Здравствуйте». Школьники переодеваются и идут на второй этаж, где занимаются танцами и пением. Здесь же уже знакомая нам Ирина Ли

руководит молодежным ансамблем «Мугунхва».

На первом этаже занимаются корейским языком. В семьях корё-сарам давно уже говорят по-русски. Так что детям нужно учить язык предков с нуля. «В корейском языке все по-другому. Здесь, например, несколько уровней вежливости, – объясняет Аня Ким. – Когда с человеком знакомятся, сразу же спрашивают, сколько ему лет. Чтобы обращаться соответствующим образом».

Конечно, организаторы центра надеются, что кто-то из девушек и юношей в будущем станут супругами. Корейцы стараются всеми силами сохранить свою национальную идентичность. Никто не спорит: отношение к смешанным бракам сейчас уже не такое, как тридцать лет назад. Но сами корейцы говорят: детям бывает сложно в смешанных семьях, ребенок не понимает, кореец он или, например, казак. К какой культуре ему примкнуть, для чего ему учить корейский?

...Владимир Ли пригласил нас к себе в гости. Кухню-гостиную он обустроил сам, перестроив гараж. Ложное световое окно в потолке, сдержанный декор из бамбука – интерьер выдержан в корейском стиле. Людмила Пак, фиалками которой мы недавно

любовались, готовит традиционное блюдо ттокпокки. Для него необходим корейский рисовый хлеб, который выглядит как белые трубочки. Сначала Людмила тушит в большом казане овощи, добавляет курицу, которую при желании можно заменить морепродуктами. Наливает в казан заранее сваренный бульон. Под конец кладет рисовый хлеб и специи. Такое блюдо стоит в центре стола, остальные яства располагаются вокруг.

Пока женщины хлопочут над приготовлением обеда, мужчины отдыхают. «Раньше, да и сейчас на праздниках, мужчины обедают отдельно, женщины только подносят еду», – объясняет Антонина, сестра Владимира. Женщина, выходя замуж, как правило – оставляет девичью фамилию – таким образом она остается связанной со своим родом. Еще совсем недавно замужество по любви было необязательным. Корейские жены славились хозяйственностью, рукоделием и были требовательны в материальных вопросах. До сих пор во многих семьях финансами распоряжаются именно жены. В то же время корейское общество всегда было иерархично. В нем сохранялось традиционное четкое разделение мужской и женской сфер деятельности.

ИЗ ЖИЗНИ КОРЁ-САРАМ

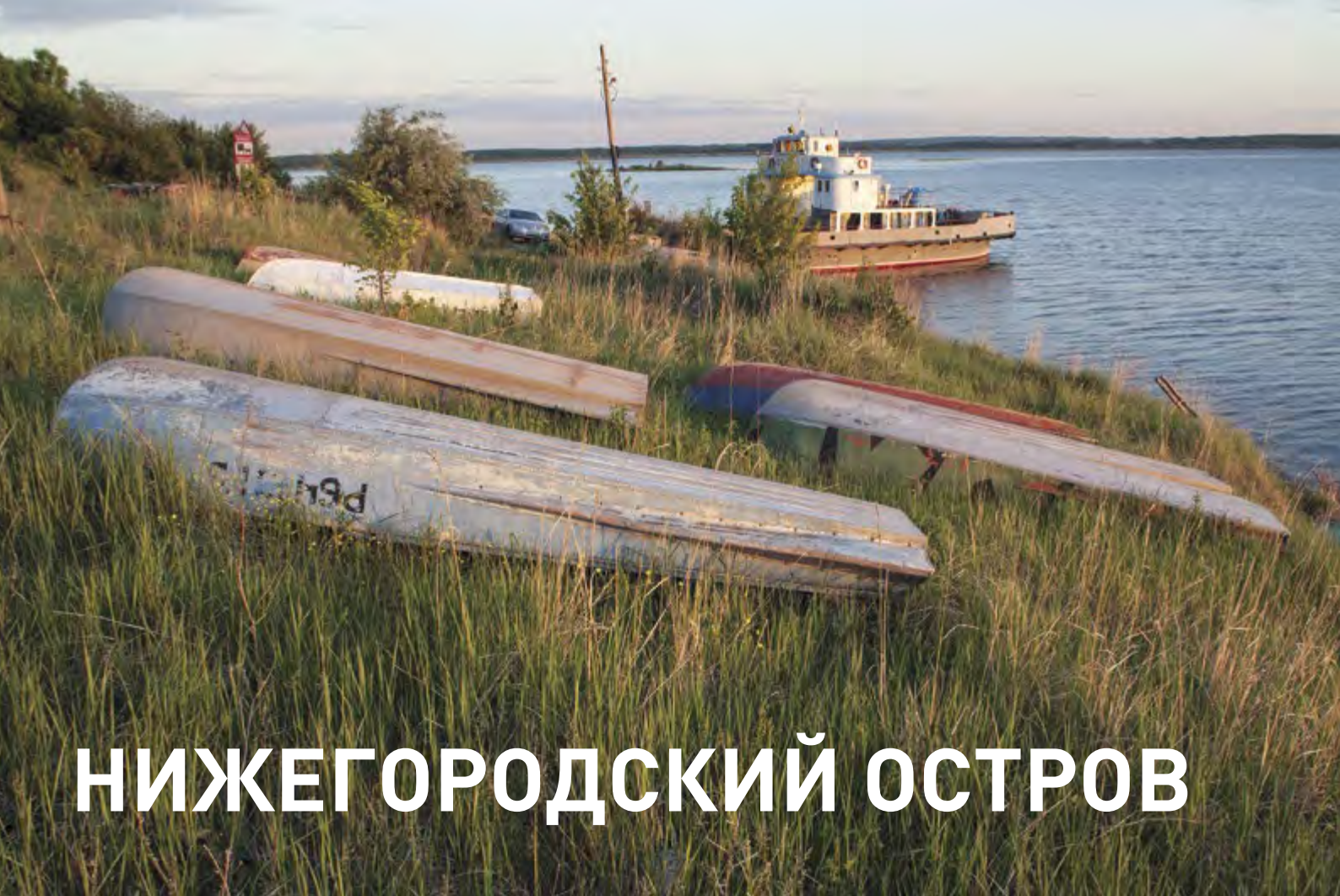
«Мой дед Дя Сит Ким был участником национально-освободительного антияпонского движения в Корее, оно было подавлено в 1919 году. Многие бежали в Китай, а мой дед решил бежать в Советскую Россию, стал директором школы на Дальнем Востоке, – рассказывает Михаил Мун. – В августе 1937-го он вернулся с собрания, сел пить чай, и тут в дом постучались люди в форме с малиновыми петлицами. Его арестовали. Я пытал-

Владимир Ли оборудовал кухню-гостиную в корейском стиле. Корейцы любят приглашать гостей, на столе традиционные корейские блюда, обильно сдобренные перцем. Ни одна трапеза не обходится без риса

Михаил Мун всю жизнь трудится в Донской публичной библиотеке. Он инициатор научных конференций на тему истории корё-сарам

ся найти хоть какие-то сведения о его судьбе, но в результате получил лишь справку, что он умер в лагере от дизентерии в 1941 году. Семью с пятью детьми выслали с Дальнего Востока в Казахстан. Мать родилась в 1925 году, но с пятого класса не училась, помогала по хозяйству и нянчила младших. Отец всю войну был в Трудармии, работал на шахте, после войны вернулся в Казахстан, там и познакомился с мамой. Мы жили в Каратальском районе, в 1946 году был голод, так корейцы выдали огромный урожай, собрали по 30 центнеров с гектара. В нашем колхозе семь человек стали Героями Социалистического Труда. Вообще, в 1947 году получили Звезду Героя Соцтруда в Казахстане 32 человека, из них 29 трудились в Каратальском районе. У корё-сарам издавна так сложилось, что очень почетно иметь высшее образование. Детей старались выучить всеми силами. Кстати, по статистике позднего советского времени, среди советских корейцев был самый высокий процент людей, получивших высшее образование. Я не с первого раза поступил в Алма-Атинский университет на библиотечное отделение. Я заслуженный работник культуры, много лет был заместителем директора Донской публичной библиотеки. После перестройки мы основали «Ассоциацию корейцев Ростовской области», мероприятия проходили в нашей библиотеке. Я был среди организаторов научных конференций, посвященных гармонизации межнациональных отношений. Мои родители хотели, чтобы я женился на кореянке. Даже заставляли. Я послушный сын, женился на кореянке, но потом мы разошлись. Сейчас у меня жена казачка, живем, как говорится, душа в душу. Сына я уже не неволил. Я хотел, чтобы он на кореянке женился, он с ней встречался, потом разошелся. Женился на русской, у меня прелестный внук, скоро будет отмечать праздник Асянди». ❀

НИЖЕГОРОДСКИЙ ОСТРОВ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

РАНЬШЕ ГОВОРИЛИ, ЧТО ВАСИЛЬСУРСК – ВСЕ РАВНО ЧТО ОСТРОВ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ. СТОИТ ОН НА ВЫСОКОМ МЫСУ У ВПАДЕНИЯ СУРЫ В ВОЛГУ. ИЗ НИЖНЕГО ДОБРАТЬСЯ СЮДА МОЖНО НА ПАРОМЕ. ДО СОСЕДНИХ МАРИЙ ЭЛ И ЧУВАШИИ НОРМАЛЬНЫХ ДОРОГ НЕТ, МЕСТА ГЛУХИЕ.

Е ХАЛ Я В ВАСИЛЬСУРСК из Республики Марий Эл. Дорога оказалась неожиданно приятной, асфальт новый – какой уж теперь «остров»? Только после знака «Нижегородская область» пришлось сбавить скорость: дорога явно нуждалась в ремонте. Чертово городище на подъезде к городу я проскочил без остановки. Назвали так это местечко неслучайно: здесь обретались «лихие люди». Раньше говорили: если до Василя доехал не ограбленный, иди в Покровский собор ставить свечку и служить молебен преподобному Варлааму Хутынскому. Сейчас в Василе – так с незапамятных времен называют Васильсурск – Покровского собора нет. На его месте – пустырь.

ГРАД КИТЕЖ И ПРИСТАНИЩЕ БУРЛАКОВ

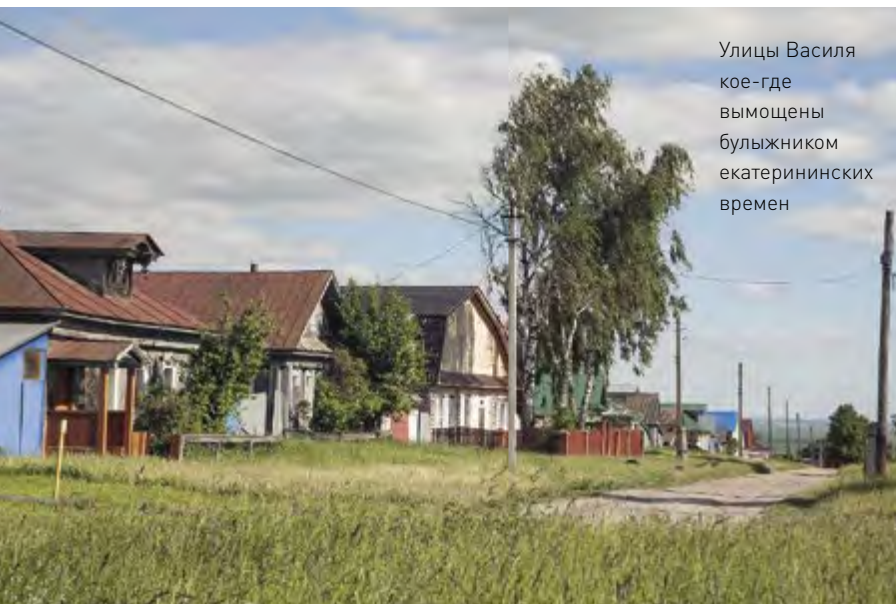
Крепость на месте нынешнего Васильсурска появилась в 1523 году. Великий московский князь Василий III поставил в устье Суры форпост в ответ на очередной набег казанского хана. К тому еще примешалась полуполюбопытная история об убийстве тысячи русских купцов на ярмарке в Казани. Так что князь запретил купцам ездить в Казань, а торги велел устроить в новой крепости. Это было рождение знаменитой Нижегородской ярмарки, которая позже была перенесена из Васильсурска в Макарьев монастырь, а с 1817 года – в Нижний Новгород. Завяжись всероссийская торговля в Васильсурске, город вырос

бы в «карман России» не хуже Нижнего. Но форпост преследовали несчастья. До покорения Казани в 1552 году Василь то и дело подвергался нападению казанцев, а в 1556-м весь город... смыла река. Волга изменила русло и поглотила Василь. По преданию, поток был так стремителен, что Покровский собор ушел под воду вместе с прихожанами. Легенда о местном граде Китеже жива до сих пор: рыбаки говорят, что на середине реки иногда слышат голоса молящихся. В конце XVIII века Василь стал уездным городом. В 1813 году,

Паромная переправа через Суру и рыбацкие лодки на траве – так сегодня выглядит исторический центр города

Древнерусская ладья – единственное напоминание об основании Васильсурска

Улицы Василя кое-где вымощены булыжником екатерининских времен

Как ни странно, среди автомобилистов паромом больше пользуются путешественники, а не местные жители

Как ни странно, среди автомобилистов паромом больше пользуются путешественники, а не местные жители

ственную бомбу, сброшенную на город в 1941 году. Немецкий самолет искал нефтеперегонную станцию в районе Воротынца. Но объект был хорошо замаскирован. Не найдя станции, летчик бомбардировал Покровский собор. В 1946 году собор решили не восстанавливать, разобрали на строительный камень.

Зимой 1979 года не стало и всей исторической части города – оползень уничтожил 11 улиц, всего 250 домов. Такого катаклизма никто не ждал, особенно в декабре. Земля, как вспоминают очевидцы, «вспучилась». Впрочем, сползал город по склону медленно, обошлось без жертв. Сейчас, глядя на заросшие склоны у паромной переправы, не верится, что на них стояли дома и вечерами вся гора светилась окнами семейных очагов...

На этом злослучения не закончились. Из-за повышения уровня воды в Чебоксарском водохранилище в 1982–1983 годах ушла под воду прибрежная часть города. Сейчас паром причаливает аккурат на Покровскую улицу, на которой стоял собор.

после того как в очередной раз сгорел Покровский собор, храм решили восстановить в камне. Не напрасно. В 1834 году шесть пожаров, один за другим, полностью уничтожили город. А собор выстоял.

Васильсурск восстановился быстро – сказался статус торгового и транспортного узла на Волге. Вместо центра крупнейшей ярмарки город стал главным перевалочным пунктом бурлаков. Ежедневно через город проходило несколько тысяч бурлаков – шли они и по Волге, и по Суре. Ради них в прибрежной зоне работало множество продуктовых лавок и 60 пекарен. Частыми гостями в городе были и женские ватаги бурлаков, традиционно тянувшие лямку на Суре. Торговая и пассажирская пристани, рыболовный промысел, почтовая станция, через которую каждый день проходило 12–15 экипажей, – жизнь в Васильсурске кипела.

МАЯК НЕБЕСНЫЙ И ЗЕМНОЙ

Святым покровителем города считался преподобный Варлаам Хутынский, его икона была главной святыней Покровского собора. Почему васильчане почитали этого малоизвестного на Волге новгородского святого? Считается, что традиция возникла после переселения Иваном Грозным в Васильсурск мятежных новгородцев. На иконе частично сохранилась надпись: «Лето 7150 (1642 год. – Прим. авт.) сию икону Алексей Шапов Фадеев поставил...» Видимо, в надписи были и другие пояснения, но некий столяр стесал ее, подгоняя под киот.

Икона Варлаама Хутынского была утрачена при закрытии храма в 1930-х годах. Но сам собор оставался архитектурным символом Василя. Наверное, по этой же причине и пострадал во время Великой Отечественной войны, приняв на себя един-

Сползающие по склону дома исторической части города. 1979 год

Белокаменный собор у воды был архитектурным символом города двести лет

ТРИ ШАМБОЛА

С тех пор весь Васильсурск располагается на вершине холма. От переправы наверх – по «шамболу». Тибетская Шамбала здесь, конечно, ни при чем. Хотя лингвисты до сих пор не могут объяснить происхождение слова «шамбол», означающего «дорога в гору». Таковых в Василе три. На холме господствует XIX век: старые избы с резными мезонинами и вальцованными крышами, вековые липы под окнами, улицы кое-где мощены булыжником. Машины редки, козы бродят где хотят... Туристы, не знающие о падении Василя со склона, ничего не подозревают: вот она, натуральная провинциальная старина. На самом деле васильчане долгое время вершину холма не осваивали. Впервые, вся жизнь и дела – на реке, во-вторых – наверху не было колодцев. Активное строительство пришлось на конец XIX века. Тогда на холм была организована подача воды по деревянным трубам: вода шла из родников, лилась в огромный чан, закрытый досками. Жители подставляли ведра под струи, лившиеся из желоба; водовозы на телегах наполняли бочки из чана. Из первого чана вода переливалась во второй, открытый – из него поили скотину. Нормальный водопровод появился в городе лишь в 1937 году, а постоянное электричество – в 1956-м. По главной улице (ныне Советская) проходил Екатерининский тракт. Здесь, в самом центре города, нельзя не заметить два странных дома: в одном – магазин, другой – жилой и многоквартирный. Это строения тюремного замка – пересыльной тюрьмы, построенной в середине XIX века для идущих по этапу в Вятку и в Сибирь. Замок был построен из кирпича гостиного двора Макарьевской ярмарки, сгоревшей в 1816 году. Такое вот наследство досталось Василю как основателю крупнейшего торгового центра. Надо сказать, Васильсурск появился не на пустом месте. Правда, история его предшественников очень туманная. Вероятно,

Старые резные украшения домов создают атмосферу застывшего времени

на холме неподалеку от тюремного замка – в «Швейцарии», как говорят местные, – стоял город волжских булгар Брюхимов. Тот самый, что завоевал князь Андрей Боголюбский в 1164 году. Краевед Николай Оглоблин в конце XIX века нашел в «Швейцарии» торчащие из земли обгоревшие бревна, которые он приписал Брюхимову. В период появления русской крепости здесь располагалась резиденция марийских князей Цепель. О том, что она собой представляла и где конкретно находилась, существуют только легендарные сказания. А самое древнее сохранившееся ныне поселение – деревня Хмельёвка у восточной границы города.

ЦЕРКОВЬ И СВЯЩЕННАЯ СОСНА

Хмельёвский храм территориально относится к Васильсурску. К нему ведет улица Белинского. Заканчивается улица тупиком и живописным видом с холма на бескрайнюю Волгу и стоящий у воды храм, к которому ведет металлическая лестница. Храм смотрится таким отшельником: никаких домов поблизости, сама деревня стоит поодаль и отрезана от храма речкой Хмельёвкой.

Прежде на этом месте располагался Троицкий мужской монастырь, сведений о котором почти не сохранилось. В середине XVIII века в обители жило около 300 монахов. Хмельёвский храм

С пристройками к тюремному замку здесь не церемонятся – даром что это старейшее здание города

Казанской иконы Божьей Матери, построенный в 1708 году, это все, что сохранилось от монастыря. Рядом – огромная колокольня, вдвое выше храма, пристроенная в 1872 году.

Место это культовое и для мариЙцев: рядом с храмом стоит священная сосна Хмельёвская, у которой совершают обряды и приносят жертвоприношения. Сосна не бог весть какая могучая, но с изящной кроной. Место было культовым еще до появления монастыря, оттого сосне достался священный статус. Причем статус официальный: она является памятником областного значения. В описании сообщается, что сосне около 120 лет. Если это правда, то у дерева была очень трудная жизнь – такого возраста сосны обычно в два-три раза больше и толще. В наше время священному дереву жить еще сложнее: мариЙцы говорят, что под сосной постоянно копают черные археологи.

Хмельёвка отметилась и во всеобщей истории. В сентябре 1833 года здесь останавливался Александр Сергеевич Пушкин. Поэт ехал из Петербурга в Оренбургский край собирать материал для «Истории Пугачевского бунта». Пушкин

передвигался быстро: ехал на своей коляске, меняя лошадей на почтовых станциях; сухая осень способствовала быстрой езде. Тем не менее здесь Александр Сергеевич задержался и нашел интересную информацию: «Васильсурск – предание о Пугачеве, – написал поэт в своей записной книжке. – Он в Курмыше повесил майора Юрлова за смелость его обличения – и мертвого секли нагайками. Жена его спасена его крестьянами. Слышал от старухи, сестры ее, живущей милостынею». Эту историю Пушкин включил в свою научную работу, а в «Капитанской дочке» она перекликается с казнью капитана Миронова.

Спуск к хмельёвской церкви не так давно был «лысый», по нему катались дети и зимой, и летом

Священная сосна Хмельёвская. Никаких внешних признаков святости у дерева нет – если не знать, пройдеши мимо и не заметишь

ДАЧНАЯ «ШВЕЙЦАРИЯ»

Во второй половине XIX века Васильсурск начал угасать. Развитие паромства уничтожало бурлачество, появление Казанской железной дороги привело к тому, что все больше грузов, почты и пассажиров обходили Васильсурск стороной. Помощь пришла, откуда не ждали: с Нижегородской ярмарки. Точнее, со Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде 1896 года. Выставка вызвала всеобщий интерес к Средней Волге, в частности к дачному отдыху на волжских берегах. В Васильсурск с его живописными ландшафтами потянулись отдыхающие из разных городов, включая Москву и Петербург. Местные жители сдавали приезжим комнаты и дома, обеспечивали питанием и развлечениями.

Дачники размещались в основном в нагорной части. Одно из первых мест – район современной улицы Карла Маркса, идущей на север от тюремного замка. Эту живописную местность прозвали «Швейцарией». Так ее называют и по сей день. Не знаю уж как в Швейцарии, а прогулки по местным холмам действительно затягивают своими прелестями: то лесной

овраг, то домик у обрыва, то полянка с видами на просторы Волги. Отсюда заметно старое русло Волги, существовавшее до 1656 года. Старицу имену- ют «Луковое озеро». Говорят, по его берегам рос «дикий лук».

Песчаная коса на противоположном берегу едва заметна. До строительства Чебоксарской ГЭС это был большой песчаный пляж, где купались и устраивали пикники, катались на лодках. В начале XX века про Васильсурск говорили, что он «пахнет садами и вишневым вареньем». В нагорной части хорошо росли плодовые деревья, в особенности вишни, вареньем из которой потчевали отдыхающих.

Одним из первых дачников Василя стал Максим Горький. Вместе с семьей писатель про- вел здесь почти все лето 1899 года. Разместился на самой вершине «Швейцарии», на даче Кильчевских. Был в вос- торге от города, писал Чехо- ву: «Если б вы знали, как чудно здесь! Большая красота – широ- ко, свободно, дышится легко». А так приглашал к себе дру- га, художника Григория Ярце- ва: «Дядя Гриша! Красок бери с собой по полупуду, не мень- ше. Полотна – версты. Карти- ны здесь сами на полотно по- лезут». В Васильурске Горький закончил свой первый роман, «Фома Гордеев», и прочитал ру- копись гостившему у него из- дателю журнала «Жизнь» Вла- димиру Поссе.

Максим Горький и писатель Скиталец (Степан Петров), любивший музицировать на гуслях

Путь в «Швейцарию» с улицы Карла Маркса

ШИШКИН И ЛЕВИТАН

Бугров в городе много: Шиш- кин, Цепель, Попков, Лысый, Юренив. Некоторые из них заросли деревьями, и хорошо обзора с них нет. Любимое место прогулок у жителей – Шишкин мыс. Место в самом деле восхитительное. Огромная дубовая роща на высоком и широком холме; открыто- го пространства над обрывами тоже вдоволь – здесь самые лучшие панорамные виды на Суру и Волгу.

Склоны Шишкиного мыса так- же поросли дубами, что и спаса- ет его от оползней. По пре- данию, эта дубовая роща привлекла внимание Петра I в 1722 году, когда он шел по

Волге в Персидский поход. Царь повелел рощу считать за- поведной, рубить дубы только для строительства судов. Якобы Петр отправил в Василь агро- номов-немцев охранять и пре- умножать корабельный лес. Но те только набили карманы, вы- рубая лучшие деревья. Как бы там ни было, Василь стал из- вестен корабельными дубами, и на его гербе появилась кор- ма строящегося судна.

В XIX веке это место у подно- жия бугра именовали «Кабель». Здесь выходил из воды теле- графный кабель, проложен- ный по дну Суры. Упомина- ния о свиданиях на «Кабеле» и пеших и лодочных прогул- ках то и дело встречаются в ме-

«Разлив на Суру» Исаака Левитана – одна из больших работ художника в Васильурске

муарах горожан позапрошлого века. Нынешнее название Шишкиного мыса связано со знаменитым художником Иваном Шишкиным, который побывал в Василе в 1861 и 1868 годах. Дубовая роща, конечно, в духе Шишкина. Но что конкретно писал «певец русского леса» в Васильсурске – сказать сложно. А вот этюд Исаака Левитана «Дуб на берегу реки» смотрится как написанный с той точки, где стоит лавочка. Художники присмотрелись к Васильсурску еще до дачного бума. Левитан приехал в Васильсурск вместе с художником Мануилом Аладжаловым в начале мая 1887 года. И... впал в уныние. Писал Чехову:

«Разочаровался я чрезвычайно. Ждал я Волгу, как источник сильного художественного впечатления, а взамен этого она показалась мне настолько тоскливой и мертвой, что у меня заныло сердце». Левитану не повезло с погодой, весна выдалась на редкость дождливая – оттого и такое впечатление. Тем не менее художник прожил в городе около двух месяцев, написал несколько картин, самая значительная из которых «Разлив на Суре». Судя по последней работе, «Васильсурск», в конце июня распогодилось, но впечатление уже было испорчено, и художник больше не возвращался в Васильсурск.

Виды с Шишкиного мыса самые просторные. Людмила Филёва особенно любит сидеть здесь и смотреть вдаль

Как ни изводили агрономы-немцы дубы на Шишкином мысу, здесь еще много больших вековых деревьев

НОВОЕ РОЖДЕНИЕ

В 1927 году Василь потерял статус города и райцентра, превратившись в поселок. Кажется, и до деревни ему недалеко. Васильчане вспоминают, что до 2004 года Васильсурск, казалось, совсем погибал. Но вот поселок газифицировали, жизнь налаживалась, и сюда снова потянулись дачники. Приезжают на лето и покупают дома москвичи, есть даже одна поклонница Василя из Германии.

Местные говорят, что в последние десятилетия климат стал мягче, лето в Васильсурске теплое и сухое. К тому же бугры Василя – самая высокая точка Нижегородской области, около 100 метров над уровнем моря. Здесь стали хорошо расти абрикосы – урожаи, как говорят, «собирают ведрами». Сейчас в Васильсурске зимует около 600 человек, летом население увеличивается в три-четыре раза (до оползня 1979 года в поселке проживало около 6 тысяч человек. – Прим. авт.). Дачный энтузиазм чувствуется: дома ремонтируются, строятся новые, дети гоняют на велосипедах, на площади – новенький летний театр с хорошей сценой... Основная мас-

са отдыхающих, конечно, из Нижнего Новгорода. Некоторые оставляют устроенную жизнь в Нижнем и перебираются в Васильсурск насовсем. Экскурсовод и хранитель Васильсурского краеведческого музея Людмила Алексеевна Филёва – одна из таких переселенцев. «В детстве мы на лето снимали дачу в Василе, – рассказывает Людмила, – затем я купила дом, приезжала отдыхать и поселилась насовсем. Живу здесь уже десять лет и нисколько не жалею. Мне нравится наше спокойное, чистое, атмосферное место...».

Сам музей – тоже атмосферный. За две недели до моего приезда он был открыт в новом здании – доме лесопромышленника Частухина. В народе дом называют «Зеленая больница» в память о располагавшейся здесь лечебнице. У дома оригинальный квадратный мезонин с окнами на четыре стороны света. Частухин спроектировал мезонин как мастерскую для дочери-художницы. Вероятно, богатый предприниматель переселился в Васильсурск из Астрахани благодаря дочери: когда семья путешествовала по Волге, атмосферный Василь ей приглянулся.

Здание Краеведческого музея, «Зеленая больница», дом Частухина – у здания было несколько ипостасей

Людмила Филёва показывает экспонаты традиционных ремесел города

МУЗЕЙ ЭНТУЗИАСТОВ

Музей – плод энтузиазма местных педагогов. Первый музей был организован в 1960-х годах учителем географии Васильурской средней школы Ириной Владимировной Першиной. Вместе с учениками она занималась «школьной археологией»: раскапывали склоны города и окрестностей. Кости и бивни мамонта, шерстистого носорога, орудия неолитического человека, наконечники стрел, коллекция старинных нательных крестиков – многое из нынешней экспозиции было собрано тогда. Собирали экспонаты и по домам васильчан. Особая находка Ирины Першиной – гусли, принадлежавшие Максиму Горькому.

С 1993 года музей стал существовать самостоятельно в Доме культуры, где за дело взялась педагог-ветеран Зоя Петровна Хрулёва. С помощью жителей поселка она собрала 650 предметов. Вовремя успела сохранить уходящую в небытие жизнь васильчан XIX века. Огромная деревянная ступа, которую в пору Бабе-яге оседлать, рубели для стирки с соляными знаками и множество других оригинальных предметов, старые фотографии, документы, книги. Впрочем, границы XIX и XXI веков в Василе несколько размыты. Старинная деревянная колотушка здесь была в ходу еще в начале 2000-х годов! Сторожа ходили с колотушками по улицам, возвещая жителям, что они могут спать спокойно.

К каждому найденному экспонату Зоя Петровна прикладывала рассказ из собственной жизни. Вспоминала, например, как во время Великой Отечественной войны в школе учились вдесятером по одному учебнику, писали из-за нехватки тетрадей в старых книгах между строк. Вместо чернил использовали разведенную в воде сажу, которая, высохнув, улетучивалась, оставляя на бумаге только царапины.

ВСТРЕЧА КРАЕВЕДОВ

Местная школа, кстати, одна из старейших в Нижегородской области. Открыта она была в 1819 году как народное двухклассное училище. В 1937-м в школе обучалось 1250 детей, сейчас – около 80. Но местные энтузиасты не сдаются. Их интерес к истории и культурному наследию малой родины был виден по жару, с каким они обсуждали не достающие для коллекций экспонаты, старые фотографии, реалии былых времен. – Нам старинного сита в экспозиции не хватает, – говорит Людмила Филёва. – Найдем обязательно, – обещает учитель школы Ирина Алексеева. – Жаль, граммофоны все выкидывали, не найти теперь... Могу отдать в музей вещи учителя-немца, работавшего в школе в конце XIX века. Фото, подписанное «Сбор яблок в колхозе», Ирина Алексеева

Предметы быта прошлого, собранные по домам васильчан

оспорила: «Наша соседка узнала здесь свой фамильный сад, до революции еще дело было. И видно, что одежда не советская».

Затем краеведы, как тут выражаются, «распорились» о судьбе «лестницы Левитана»: когда ее отремонтировали и где там стояло чучело медведя.

Отдельная тема разговоров – васильсурские фамилии. Некоторые, например Соловьевы, ведут родословную от первых стрельцов крепости. У Ирины Алексеевой прадед попал в город как ссыльный. Он был поляком, участником восстания 1863 года. Семейное предание утверждает, что он шел этапом в Вятку. На пересылке в Василе сбежал, умудрившись затем каким-то образом быстро жениться.

Гусли, принадлежавшие Максиму Горькому. Инструмент хранит память о скитаниях по Нижнему Новгороду и переезде в Василь

БАЛЕТ, ПОРТРЕТЫ МАСЛОМ И 5 КУБОМЕТРОВ ЗЕМЛИ

В зале, посвященном Великой Отечественной войне, вспоминали, как правильно пользоваться угольницей. Вообще-то в городе работала спичечная фабрика, и такой железный жбан на ножках еще в довоенное время вышел из употребления. Но во время войны пришлось достать с чердаков заброшенный раритет. Васильчане выходили на улицу смотреть на трубы соседней. У кого дым коромыслом – идут к тому с угольницей за горящими углями, чтобы растопить свою печку.

Самым ярким и неожиданным событием времен войны для васильчан стала эвакуация Хореографического училища Большого театра. Будущее русского балета вместе с преподавателями отправили в Самару (тогда – Куйбышев). Однако зима

Угольница теперь уж точно вышла из употребления, в поселке провели газ

Деревянная колотушка была в ходу здесь еще в начале 2000-х годов

в 1941 году пришла на Волгу рано, реку сковали льды, и балетная школа осталась в Васильсурске. В течение двух лет ученики занимались в залах клуба водников. Все мастерили сами: станки, декорации, реквизит. Мальчики освоили пилу и рубанок, заготавливали дрова, топили буржуйки. Девочки шили костюмы. В городе и окрестностях дети дали около сотни выступлений. Многие местные жители видели балет впервые в жизни. Выступления пользовались большим успехом. Звезда советского балета Раиса Стручкова впоследствии вспоминала: «Наши зрители сидели в тулупах и валенках. Выступления проходили при свете керосиновых ламп... А мы видели по озаренным лицам зрителей, какой волшебной силой обладает искусство».

Ученики и учителя балетной школы работали на колхозных полях, разгружали овощи, собирали лекарственные травы для госпиталей. Несмотря на все тяготы, юные артисты вспоминали годы эвакуации с благодарностью. В книге отзывов музея есть запись одной из них – Анны Чабай-Мартисон, приехавшей в Васильсурск из Нью-Йорка в 1994 году, чтобы вспомнить то время. В эвакуации в Василе также находился ленинградский художник-портретист Адриан Буценин. Ему часто заказывали портреты с фотографий родных, ушедших на фронт. Вместо денег расплачивались едой. Многие его портреты выставлены в музее в небольшой картинной галерее: что называется, военный Васильсурск в лицах.

Трагедий во время войны здесь, конечно, тоже хватало. Вместе

Занятие балетной школы в Васильсурске во время эвакуации

с балетной школой в 1941 году у Василя вмерзли в лед пять барж: одна с картофелем, другая с фаянсовой посудой и три баржи с заключенными. Посуду стали продавать в магазинах, а заключенные разместились в подсобных помещениях клуба, соорудив трехъярусные нары. Кормить их, кроме как мороженой картошкой, было нечем. Такое питание и тяжелая работа на оборонительных рубежах уложили в землю Васильсурска большую часть этих людей. Вместе с заключенными копали окопы местные жители – норма была 5 кубометров земли в день...

Время в экспозиции музея останавливается примерно на 1970-х годах. Вот на стенде фотография

Адриан Буценин. Портреты людей, ушедших на фронт и оставшихся в городе

Виктора Григорьевича Полуэктова за штурвалом «Метеора». Этот васильчанин был первым капитаном экспериментальных скоростных пассажирских судов на подводных крыльях – «Ракеты», «Метеора», «Спутника». Сам участвовал в их доработке, за что получил Ленинскую премию.

Собравшиеся в музее энтузиасты вспоминали «Метеоры» как надежное средство связи с «большой землей». Увы, утраченное. С «Метеором» Нижний Новгород был совсем близко: 3,5 часа хода, 3,7 рубля за билет – и ты в волжской столице. Без речного транспорта Василю туго. На пароме в город добираться долго, неудобно, дорого. В межсезонье, пока не стал лед, можно проехать только в объезд через Марий Эл, а это крюк в 160 километров.

Проблемы с транспортной доступностью острова – главное препятствие развития Васильсурска как места здорового отдыха. Так считают краеведы. И надеются, что хотя бы в 2023 году, к 500-летию города, здесь вновь появится пристань и новые «Метеоры» свяжут Василь с Нижним Новгородом. ❁

Виктор Полуэктов – знаменитый васильчанин второй половины XX века

Подписывайтесь на журнал

Русский Мир.ru

Во всех почтовых отделениях

России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» – «Объединенный
каталог. Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам «Российская Пресса»
ОАО «Агентство по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог
международного агентства
«Соотечественник» на сайте
<http://www.sootechestvennik.agency>

электронный каталог
ООО «Коммуникационное
Агентство Криэйтив Сервис Бэнд»
на сайте <https://periodicals.ru>

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте
www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2

www.russkiimir.ru